М. Сударев

СТРАНИЦЫ истории

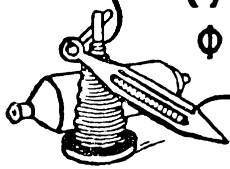


Ульяновское книжное издательство 1962

М. Сударев

СТРАНИЦЫ *истории*

175 ЛЕТ МУЛЛОВСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКИ



Ульяновское книжное издательство
1963

ОТ АВТОРА

Эта история возникла так давно, что о ее начале не могут рассказать даже самые древние старики. Прошли годы, десятилетия, сменились поколения, многие события стерлись из памяти, и люди, вероятно, никогда не узнали бы всего того, что происходило в глухом углу заволжской земли, если бы случай не помог обнаружить в одном из архивов очень любопытные документы.

Находка вдохновила автора предпринять дальнейшие поиски новых материалов. С этой целью пришлось побывать в архивах Москвы, Ленинграда, Куйбышева и Ульяновска[1] и там перерыть горы никому еще неизвестных документов. Кроме архивных материалов, использованы статьи и корреспонденции, опубликованные в разное время в периодической печати, метрические книги Мелекесского городского отдела записи гражданского состояния (горзагс), отчетная документация фабрики, а также воспоминания старожилов села Мулловки П. М. Данилова, С. А. Левашева, В. С. Баранова, Д. Ф. Шурыгина, бывших рабочих фабрики П. Л. Демковой, И. Ф. Карасевой, Ф. Ф. Шурыгина, Г. Мингалеевой, ныне работающих на предприятии В. П. Громовой, В. И. Козловой, Л. И. Федоровой и многих других.

Так возникли страницы истории старейшей в Среднем Поволжье и крупнейшей в Ульяновской области Мулловской суконной фабрики.

При подготовке рукописи к изданию большую помощь оказали автору член-корреспондент Академии наук СССР К. А. Пажитнов и кандидат исторических наук, старший преподаватель Ульяновского пединститута И. С. Ромашин.

Создавая книгу о фабрике и ее людях, автор не задавался научными целями, а имел единственное желание проследить долгий и трудный путь, пройденный предприятием более чем за 175 лет.

---

[1] Пояснения к цифровым сноскам даны в конце книги.



НАЧАЛО ИСТОРИИ

Осенним вечером 1727 года на загородной заставе Москвы солдаты остановили крестьянский обоз.

— Кто такие? Откуда едете? — грозно спросил постовой.

— Мулловские и никольские мы. Светлейшего князя Меншикова крестьяне, — громко отвечал вожатый Семен Степанов.

— Далече путь держите?

— В Петербурх.

— По каким надобностям?

— Снедь всякую везем. Рыбу, муку, грибы...

— А деньги? Везете ли деньги? — продолжали допрашивать солдаты.

— Везем. Подушные и оброк.

Позвали караульного начальника и доложили:

— К Меншикову едут. Каково будет приказание?

— К его светлости, Александру Даниловичу, — поддакнул обозный вожатый.

— Велено задержать. Товары сгрузить. Деньги взять.

— Как так? По какому праву?

— Вышел указ. Князя вашего теперя нету.

— Что с ним? Помре что ли?

— Еще не помре. Но и власти евонной нету.

В тот же вечер на постоялом дворе крестьяне узнали об аресте своего барина, «светлейшего» Меншикова и конфискации его миллионов.

Утром следующего дня обоз мулловских и никольских крестьян порожняком отправился в обратный путь. До-

рогой его обогнал арестованный властелин. «Светлейшего» везли под сильным конвоем казаков. Те отстегали нерасторопных мужиков и поскакали дальше[2].

* * *

Прежде чем рассказать о дальнейшей судьбе мулловской вотчины А. Д. Меншикова, заглянем в далекое прошлое села.

Мулловка возникла на богатейшей равнине Заволжья, видавшей древних болгар[3], орду Батыя, полчища Тимура и Тохтамыша[4]. В течение многих столетий эта исконно русская земля топталась многочисленными стадами полудиких кочевников, которые представляли серьезную опасность для мирных землепашцев.

В 1652 году в Заволжье сооружена так называемая Закамская укрепленная черта, построены крепости (остроги) Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Билярск[5]. Появление стрелецких гарнизонов и организация сторожевой службы сразу же привлекли за Волгу большое число переселенцев. Одни спасались от гнета церковников, другие бежали от произвола бояр. В разных местах, по рекам Утка, Майна, Черемшан стали возникать починки* выходцев из центральных губерний России.

Предприимчивые люди еще во второй половине XVII столетия переходили за черту и селились у самых кочевий ногайских татар и калмыков. Словно грибы на благодатной почве росли деревни беглых крестьян: Бесовка, Малыкла, Лебяжье, Грязнуха, Залотаревка, Архангельское Городище[6].

Почти одновременно к реке Сосновке прибилась курными избами деревня мулловских крестьян. Вокруг стоял корабельный лес, в долинах шумели тучные травы, неподалеку лежали непаханные поля.

Русские «старокрещенцы» назвали свое поселение Рождественским, а так как эта земля ранее принадлежала татарам, которые называли ее Мул, что в переводе на русский язык означает обильная и просторная, то царские переписчики добавили к названию деревни Рождественская слово Мулловка[7].

Пустующей земли кругом было много. Жители новой общины даже не знали границ своих владений. В ранних

* Починок — начало нового поселения.

переписных документах они определялись по оврагам, деревьям, берегам, отстоящим от деревни за десяток километров. Крестьяне запахивали большие участки земель, успешно занимались скотоводством, а в лесах вели «бобровые гоны», охоту на диких зверей и птиц, которыми изобиловала тогдашняя природа.

Но радость поселенцев была преждевременной. За ними шло крепостное иго со всеми ужасами подневольной жизни. За Волгу ринулись помещики и монастыри. С жадностью хищников они захватывали лучшие земельные угодья и закабаляли крестьян. Мулловка и все селения Черемшанской волости вскоре оказались в руках временщика двора Петра I князя А. Д. Меншикова[8].

Рядом лежащие земли скупил купец Осип Твердышев. В 1710 году на реке Сосновке, в верхнем конце деревни, он построил винокуренный завод, который по приказу Меншикова был отобран в казну[9].

Вскоре «светлейший» прислал своего управителя, и зажал тот деревню с одного конца церковью, а с другого — господским двором[10]. Повернулась боком, изогнулась дугой крестьянская жизнь. Барщина, поборы, побои.

Приказал князь прудить реку и строить мельницы. Работы эти оказались непосильными для жителей Мулловки. В селе проживало всего 136 душ. Пришло распоряжение переселить в Мулловку крестьян из других селений. И тогда перевели 179 душ из Грязнухи и 34 души из Городищ[11].

Собираясь к Меншикову в Петербург, мулловские и никольские крестьяне хотели поговорить там о некотором послаблении поборов. А то получается форменный грабеж: князь берет, управитель берет, поп берет, бурмистр берет. Обнищали совсем.

В конце сентября обоз возвратился в село, и староста Семен рассказал крестьянам, что видел «светлейшего» под караулом и получил притом два удара кнутом по спине. Вслед за обозом в село прискакал гонец. Он привез царскую грамоту: мулловских крестьян считать отныне казенными людьми.

* *

Прошло шестнадцать лет. В конце 1743 года бывшие имения князя Меншикова были отданы сподвижнику Петра I графу А. М. Дивиеру[12].

Через тридцать лет в крае прогремела пугачевщина, в которой крестьяне села Мулловки приняли активное участие, снабжая армию восставших продовольствием и фуражом[13].

Наследники Дивиера начали продавать свои заволжские имения. Село Никольское купил помещик Яковлев, который в 1759 году перепродал его офицеру оренбургского гарнизона А. Ф. Дурасову[14]. Мулловку взял поручик лейб-гвардии Преображенского полка Степан Григорьевич Мельгунов. Вместе с людьми помещику отошло 21 304 десятины земельных угодий. При покупке имения Мельгунов взял у казны и Сосновский винокуренный завод. К этому времени в Мулловке находилось 150 дворов[15].

Мельгунов оказался богатейшим помещиком Заволжья. Его жена Екатерина Алексеевна (урожденная Дурасова) в качестве приданого и по завещаниям получила 18 557 десятин земли и 1600 человек крепостных, живущих в Новом Буяне, Сергеевке, Николаевском и Федоровке[16].

* * *

Мулловский помещик продолжал служить в гвардии. Свое имение навещал наездами. Приедет, посмотрит и снова укатит в полк, который стоял тогда в Курской губернии.

Вид разоренной Мулловки производил на помещика самое угнетающее впечатление. Крепостных грабил кто только мог. Многие дошли до нищенства и не в состоянии были ходить на барщину.

В одно из таких посещений Мельгунов приказал управляющему пустить в ход Сосновский винокуренный завод и устроить в селе «станы для ткания сукон».

В 1784 году из Москвы привезли для будущей мануфактуры пятнадцать «прядильных колес» и два чесальных барабана. Крепостные плотники сделали ткацкие станы.

Внешне станы эти похожи на домашние, которыми ткали холсты, но размерами были огромны — не во всякой избе могли поместиться. Каждый стан имел длину полторы сажени и высоту — сажень.

Мулловская мануфактура вскоре была подготовлена. За селом, на реке Сосновке, устроили желоба для мытья

шерсти. В длинном приземистом помещении на плотине разместили прядильные колеса, и в той же «прядильной избе» нашли себе место чесальные барабаны, а рядом, в особом здании, поставлены ткацкие станы.

В 1785 году[17] бурмистр собрал мужиков и объявил им, чтоб явились в контору с женами и детьми. А когда пришли, он выбрал людей поспособнее и нарядил их ткать помещику сукна. Побросали мужики свои шерстобитные струны и стали шерсть чесать машинами. Их большие барабаны подключили к приводам и вращали мельничным колесом.

Женщины оставили свои самопрялки и встали за станины прядильных колес, имеющих не одно, а двадцать и сорок веретен. Но эти прядильные устройства приводились в движение руками, и каждое такое «колесо» обслуживалось двумя работницами.

Года два работали для хозяйства, потом пришло известие о войне*. Помещик прислал наказ делать мундирное сукно. А чтоб не случилось какого попустительства или ослушания, крестьянам объявили привезенный из Петербурга «работный регул».

Казенная бумага гласила, чтобы все взятые на фабрику люди в летнее время — с первого марта по первое октября — начинали работу в четыре часа утра, а в десятом часу шли на обед. В двенадцать часов фабричным людям работу начинать снова и прекращать в девятом часу пополудни. В зимние же месяцы — с первого октября по первое марта — на обед полагался только один час, а работа после полудня прекращалась в восьмом часу. По субботам крепостные работники были заняты на фабрике с четырех часов утра и до двенадцати часов дня.

С той поры повесили у фабрики большущий колокол и стали отбивать рабочие часы.

Мануфактурное начальство, приславшее «регул», требовало строго следить, чтобы никто из работников не опаздывал и умышленно не звонил раньше положенного времени. Велело оно иметь песочные часы, а опоздавших «хотя... на полчаса» и звонарей, нарушивших «регул», наказывать «сильным выговором и большим штрафом». Особо были предусмотрены наказания «за непослушания

* В 1787 году началась война России с Турцией.

и противности», чинимые против фабричного содержателя, надзирателей и других на фабрике начальников. В пункте восьмом этого устава написано: за ослушание — жестокие наказания работным людям: в первый раз — плети, во второй — батожья со штрафом, а вольным мастерам — с вычетом задельной платы на три месяца. При новом повторении — на год в каторжные работы. «А ежели кто дерзнет рукою или побоями оскорбить, — говорится в «регуле», — того бить кнутом и по обстоятельству дела осудить в каторжную работу на несколько годов или вечно»[18].

На фабрике царил дикий произвол. С темна и до темна в душных «избах» домашней мануфактуры трудились крепостные работники. До головокружения изматывали силы у прядильных колес девушки-пряхи. Еще более изнурительной была работа ткачей. Словно заводные механизмы, они метали челноки, стучали бердами*, работали ногами, попеременно поднимая и спуская ремизки**.

Невыполнение барщинных уроков, нарушение «регулов» наказывалось самым строжайшим образом. Спины многих фабричных людей испытали жгучие удары батогов и длинного кнута.

Уныние и тупое безразличие охватило людей.

В первые годы на фабрике было занято 56 человек. Из них шесть мальчиков мотали шпули, шесть подростков чесали шерсть, тридцать девушек готовили пряжу. Остальные работники занимались ткачеством.

Фабрика имела тогда шесть деревянных станов. Приспособления для возврата челноков на них отсутствовали, поэтому к каждому ткачу ставили помощника.

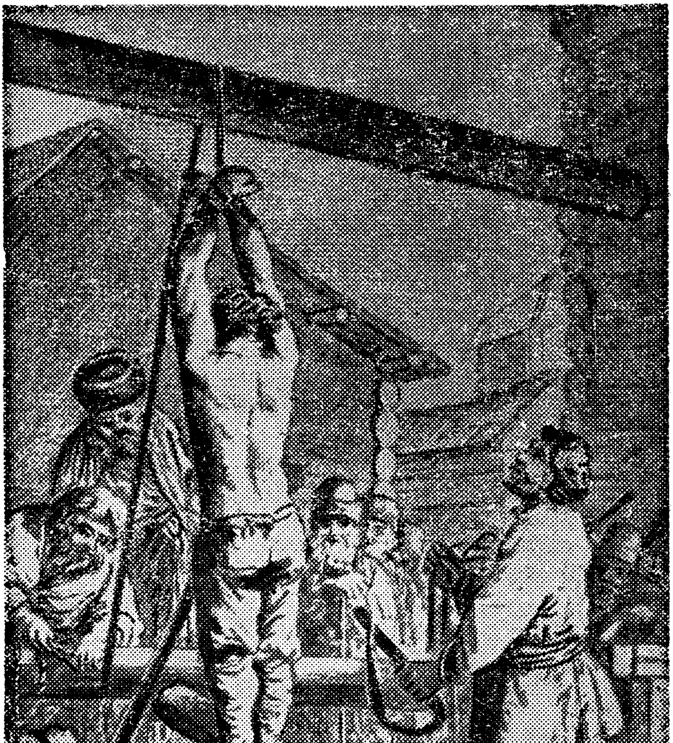
Суконное заведение мулловского помещика работало главным образом в зимнее время. Фабричный сезон обычно начинался после уборки урожая и заканчивался в конце апреля. В год вырабатывалось до полутора тысяч аршин суровья.

Сырьем для производства тканей служила русская грубая шерсть, собираемая с крестьян в порядке натуральной повинности. Позже помещик завел стадо овец

---

* Бердо — установленная по ширине ткацкого станка рамка с зубьями, между которыми пробираются основные нити.

** Ремизки — деревянные или металлические рамки с натянутыми в них проволочными или нитяными галевами-глазками.



Наказание на крепостной мануфактуре.
Со старинной гравюры

шленской породы. За год шерсти расходовалось до 150 пудов. В вотчинном хозяйстве заготовлялось и конопляное масло. Покупными материалами были квасцы, клей и проволока[19].

Отделочного производства мануфактура не имела, и суровую ткань ежегодно отвозили в Москву, где тогда работали достаточно хорошо оборудованные суконные фабрики.

Мулловская суконная фабрика в Заволжье была не одинокой. Усиление товаро-денежных отношений во второй половине XVIII столетия стимулировало появление и развитие вотчинных мануфактур в наиболее крупных помещичьих имениях.

В 1766 году в Алатырском уезде заведена суконная фабрика генерала И. В. Левашева[20]. В 1768 году вдова помещика А. Дурасова Агафья Ивановна создала в деревне Дурасовке домашнюю мануфактуру на шесть ткацких станов[21]. В этом же году пущена в эксплуатацию крупнейшая в губернии суконная фабрика княгини Голициной в селе Тереньге на 100 ткацких станов, а через 11 лет (в 1779 году) заработало «суконное заведение» коллежского асессора Скрипицына в селе Дурасовке Карсунского уезда производительностью 13 000 аршин сукна в год[22].

Суконные фабрики основаны и работали с применением принудительного труда крепостных. Никакой платы, а равно и кормовых денег крепостные не получали. В лучшем случае при круглогодовой работе им выдавали продукты питания и обмундирование.

При основании мулловской фабрики помещик учел преимущества этого имения перед другими его вотчинами. В дачах его владений рос дремучий лес, представляющий дешевый строительный материал, работал небольшой кирпичный завод. Река Сосновка таила в себе солидные запасы механической энергии. Не было недостатка и в рабочей силе. Ко времени создания фабрики в крепостной Мулловке проживало до тысячи крестьян обоего пола. Учитывалось и то, что рядом, через Городище, проходил Симбирский торговый тракт, а при мелекесских винокуренных заводах устраивались еженедельные базары.

Возникновению суконной фабрики в Мулловке безусловно способствовали мероприятия русского прави-

тельства, поощряющие инициативу помещиков в заведении фабрично-заводской промышленности. Об этом говорят указы 1885—1895 годов об отрешении сбора с фабричных станов; предоставление права всем и каждому заводить станы и рукоделья; о дозволении дворянам иметь в деревнях своих заводы и фабрики[23].

Выйдя в отставку в чине бригадира, С. Г. Мельгунов поселился в Москве. В имениях он бывал наездами. Однако и в это время строил мельницы, заводил кирпичные и конные заводы, расширял винокуренные производства и занимался делами суконной мануфактуры, продукция которой стала выходить за пределы вотчинного хозяйства.

Ввиду того, что суконных тканей для обмундирования армии было недостаточно, государственная Мануфактур-коллегия обратилась к владельцам частных фабрик с предложением поставлять сукна казне. В марте 1797 года Мануфактур-коллегия в приказном порядке обязала фабриканта продавать комиссариатской комиссии отделанные и окрашенные сукна и каразею*. Причем указывалось, чтобы «работали сукна и каразеи с крайною поспешностью, сколько возможно и более, и самых тех цветов, какие на сей год назначены»[24].

Владелец мулловской фабрики, получив такое предписание от симбирского губернатора, распорядился начать перестройку станков и инструментов для производства новой ткани.

В первой половине 1798 года фабрика выработала 1763 аршина каразеи. Согласно предписанию мануфактурного начальства сукно и каразея, окрашенная в красный цвет, были сданы в Казанскую комиссариатскую комиссию по закупке мундирных сукон для армии.

Однако государственная Мануфактур-коллегия этим не ограничилась. Указом от 30 января 1800 года она затребовала от владельцев вольных мануфактур образцы производимых сукон и поставляемых клейм.

Помещик Мельгунов посчитал для себя оскорбительным вторжение в его домашние дела государственного учреждения и в марте 1800 года объявил о закрытии собственного суконного заведения, объясняя причину

---

* Редкая суровая ткань, используемая как подкладочный материал.

большими обязательствами по поставке вина государству с работающего в мулловском имении винокуренного завода[25].

17 апреля 1800 года Мануфактур-коллегия приняла резолюцию о ликвидации суконной фабрики в Мулловке[26].

После закрытия вотчинной мануфактуры помещик приступил к строительству каменной церкви. Эта работа длилась несколько лет и была завершена в 1804 году. Немного раньше (в 1795 году) он соорудил церковь в своем ново-буянском имении.

По-видимому, разорительное строительство церквей понудило помещика возобновить работу на фабрике. Уже в 1804 — 1805 годах мануфактура Мельгунова выпускала сукна не только для господского дома, но и на продажу[27]. Вполне очевидно, что эта работа, как и прежде, носила чисто эпизодический характер.

Официально возрождение фабрики относится к 1808 году, так как с этого времени помещик снова вступил в соглашение с казной на поставку мундирных сукон.

В январе 1809 года из Мулловки повезли первые триста аршин суровой материи, сотканных по контракту для казны. Подводы ушли в Казань, где тогда находилась комиссариатская комиссия по приемке сукон. Но в Казани не приняли ткани: они не соответствовали образцам. Отказались от сукон и с фабрик Н. Дурасова (с. Никольское-на-Черемшане), Татищева (Тетюшская слобода), Кривской (село Ртищево-Каменка). Владельцы обратились с жалобой к губернатору, а тот в свою очередь к министру внутренних дел. Спор решен в пользу фабрикантов. Были изданы постановления, дозволяющие принимать в казну некрашеные и неотделанные суровые материи. Это побудило Мельгунова подписать контракт на пятилетнюю поставку сукон для армии. Получив за подряды аванс, он приступил к строительству двухэтажного кирпичного здания для фабрики*.

Суконное дело заинтересовало многих симбирских помещиков. В 1809 году Дмитрий Кротков из Кротковых Городищ, его брат Иван Кротков из Ишеевки и Михаил Наумов из Ивановки через гражданского губернатора

* В этом здании в настоящее время размещена Мулловская больница.

вошли в ходатайство о разрешении им создать в собственных имениях суконные фабрики*.

Главное правление мануфактур разрешило братьям Кротковым и Наумову построить в своих поместьях суконные фабрики, приняв их обязательство поставлять в казну с трех фабрик до 19 200 аршин сукна в год. Вместе с тем помещикам отказано вести торговлю забракованными сукнами[28].

Растущее производство шерстяных тканей в Симбирской губернии побудило столичное начальство создать комиссариатскую комиссию по приемке сукон при симбирском губернаторе.

* * *

В первых числах августа 1812 года в Мулловке раздался набатный звон церковного колокола. Сбежались крестьяне. Народу объявили о вторжении на русские земли многоязычной армии французов.

На войну с чужеземными захватчиками ушли рекруты очередного набора, а в середине сентября в селе провели запись добровольцев в народное ополчение. Мулловское общество послало от себя 44 ратника. Часть из них была зачислена в пешие полки, часть — в кавалерийские эскадроны.

В тылу люди работали на полях, собирали для армии продовольствие, ткали сукна. Фабрика стала работать круглый год. Суровую материю прямо из-под станов отправляли в Симбирск. За время войны мулловские ткачи соткали более 2600 аршин сукна. Из него сшили 500 солдатских шинелей.

Крестьяне села Мулловки в составе Симбирского народного ополчения участвовали в преследовании Бонапарта за пределами России, были на осаде городов Замостье, Глогау и в сражении под Дрезденом[29].

Война с Наполеоном вызвала бурный рост крепостных мануфактур. С 1809 по 1814 год в Симбирской губернии было открыто 12 новых фабрик[30]. В послевоенные годы на соседних фабриках появился ряд заметных нововведений. Помещик Обрезков, купив фабрику в Никольском-на-Черемшане, завел овечий завод, культиви-

---

* Ишеевская фабрика основана в 1802 г. См. «Симбирский сборник», Изд. г. Симбирск, 1870 г. Ив. Кротков, очевидно, оформил прошение задним числом, имея целью получить денежную ссуду.

руя преимущественно овец шленской породы. В 1821 году он увеличил число ткацких станов. Быстро развивались мануфактуры братьев Кротковых в Ишеевке и Городищах. В 1817 году обе фабрики вырабатывали в год до 70 000 аршин солдатского сукна.

Владелец мулловской мануфактуры Мельгунов, напротив, после строительства нового здания для фабрики, ограничился работой двух станов и выпускал 2600 аршин суровья в год. Главной статьей доходов он считал выкурку вина[31].

Основатель мулловской фабрики умер в 1820 году. Вместе с ним закончился первый период ее истории.



КРЕПОСТНАЯ МАНУФАКТУРА

Мрачное и тяжелое время. Серые, пасмурные и холодные похожие друг на друга дни. Они медленно складывались в месяцы и годы. Каждый новый день начинался с надрывного звона церковного колокола. Он возвещал усталый и голодный люд о наступлении еще одного трудового дня. В суматошной работе проходила вся светлая часть суток, именуемая дневным временем. Нудно, однообразно тянулась жизнь.

Жена покойного — Е. А. Мельгунова направила в Мулловку поверенного в делах московского мещанина Ефима Мякошина, который, обследовав имение, нашел фабрику «предприятием весьма выгодным» и предложил новой владелице увеличить ее производственную мощность. Понадобились деньги, и в апреле 1825 года помещица заложила мулловское имение в сохранную казну Московского опекунского совета за 50 000 рублей. В заклад пошли и 250 крестьян, занятых на фабрике и винокуренном заводе, по 50 рублей ассигнациями за каждую ревизскую душу[32]. Часть денег была израсходована на покупку чесальных аппаратов, прядильных колес, веретен и другого оборудования. В Оренбург и в окрестные села посланы приказчики для закупки ордынской и русской шерсти. В том же году на фабрике увеличено число ткацких станов и прядильных машин.

В последующие годы шла дальнейшая модернизация фабрики. На трех водяных мельницах установили сукновальные ступы. Из Казани привезли два медных котла, предназначив их для крашения материй. Купили стри-

гальную машину, построили «красильню». Крепостные мастера организовали отделку и крашение тканей. В 1828 году фабрика шестнадцатью ткацкими станами выработала и продала казне 11 680 аршин мундирных сукон, окрашенных в темно-зеленые, черные и серые цвета. Число работников на крепостной мануфактуре достигло 191 человека[33].

В январе 1829 года Мякошин от имени своей госпожи заключил «подряд» с Московским комитетом снабжения войск сукнами на поставку новой большой партии мундирных тканей. Договором обусловливалась сдача в комиссариатское ведомство серых сукон для обмундирования воспитанников кантонистских отделений, улучшенных сукон темно-зеленого и черного цветов для флота и сухопутных войск. В поставляемом ассортименте шерстяных материй упоминалось и «обыкновенное панталонное сукно белого цвета». Всего фабрика обязалась продать 6000 аршин сукон, различных по цвету и качеству. Примерно столько же фабрика реализовала по разным контрактам симбирским и ставропольским купцам. Аршин улучшенного темно-зеленого сукна продавался казне по 3 рубля 30 копеек. На 45 копеек дешевле шли ткани обыкновенных сортов тех же расцветок[34].

Заботясь об укреплении своего хозяйства, помещица продолжала выкурку вина, расширяла фабрику, скупала крестьян. Незадолго до своей смерти она купила у разорившегося соседа из Подмосковья целую деревеньку и перевела крестьян в мулловское имение. Людей поселила в двух верстах от села, на берегу реки Сосновки, и новый поселок назвали Мельгуновкой[35]. В обмен на свору гончих собак с господской псарни, оставшейся после мужа, Мельгунова получила от разных помещиков еще несколько семей. За этими людьми закрепилось прозвище Пригонновых, перешедшее впоследствии в фамилии крестьян[36].

В 1825 году помещица разделила имения между сыновьями. Старшему сыну Петру Степановичу досталась Мулловка, Михаилу Степановичу — Новый Буян с деревнями, а Дмитрию Степановичу — несколько подмосковных селений.

В 1830 году П. С. Мельгунов в чине поручика вышел в отставку, а в августе следующего года было объявле-

но о передаче суконной фабрики новому хозяину. Вскоре помещик поселился в мулловской вотчине. Женившись на Елизавете Дмитриевне Кротковой, дочери городищенского помещика Д. С. Кроткова, тоже владевшего суконной фабрикой, П. С. Мельгунов перенял от тестя и домостроевские порядки, заведенные в его доме. Он окружил себя дураками, завел шутов и домашних экзекуторов. Всю юродивую дворню подарил Мельгунову Дмитрий Кротков вместе с приданым невесты[37]. Во всем подражая богатому соседу, мулловский помещик проводил время в кутежах и картежной игре, а по отношению к крестьянам ввел жесточайший режим рабского повиновения. Фабричный подвал он превратил в домашнюю тюрьму, в которой чинил суд и расправу над ослушниками.

Особое внимание Мельгунов проявлял к суконной фабрике, винокуренному и поташному заводам, как основным источникам доходов. Были учреждены должности смотрителей, в обязанность которых входило надзирание за выполнением заказов и соблюдением дисциплины работников. За опаздывание, разговоры, допущенный брак, невыполнение заданного урока люди наказывались незамедлительно. Дерзкие слова, сказанные в адрес надзирателей или самого барина, невыход на барщину, побег из имения, кража считались тяжкими проступками, за которые виновных пытали и предавали суду.

Помещик был жесток, своенравен. Одно появление его на фабрике или заводе приводило в трепет не только работников, но и надзирателей. При виде барина люди падали ниц и, не поднимая головы, провожали его.

Фабричная барщина с плетьми и пятнадцатичасовым рабочим днем стала невмоготу многим крестьянам. И хотя все знали, что побег карается ссылкой в Сибирь, мулловские крестьяне все же решались на это дело. В 1834 году с фабрики сбежал старейший бердник* Герасим Егоров. Ушел он с ткачом Федотом Антоновым. За ними снарядили погоню, пустили собак. Беглецов поймали, привезли в имение и зверски избили. В уездном городе Ставрополе их осудили к ссылке в Сибирь[38]. На каторжные работы приговорили пряху Февронью — Ивана Петрова жену. Такой каре она подверглась за побег

---

* Бердник — мастер по устройству бердных рамок.

и за сопротивление палачу Осипу Овчинникову. Ему Февронья выбила глаз[39].

Весной 1834 года фабричного плотника Логина Данилова обвинили в намерении поджечь барскую усадьбу и подвергли его самой нечеловеческой пытке на дыбе. Палачи «перестарались» и с перекладины Логина сняли мертвого.

А сколько избито в подвалах, засечено, сделано калеками!

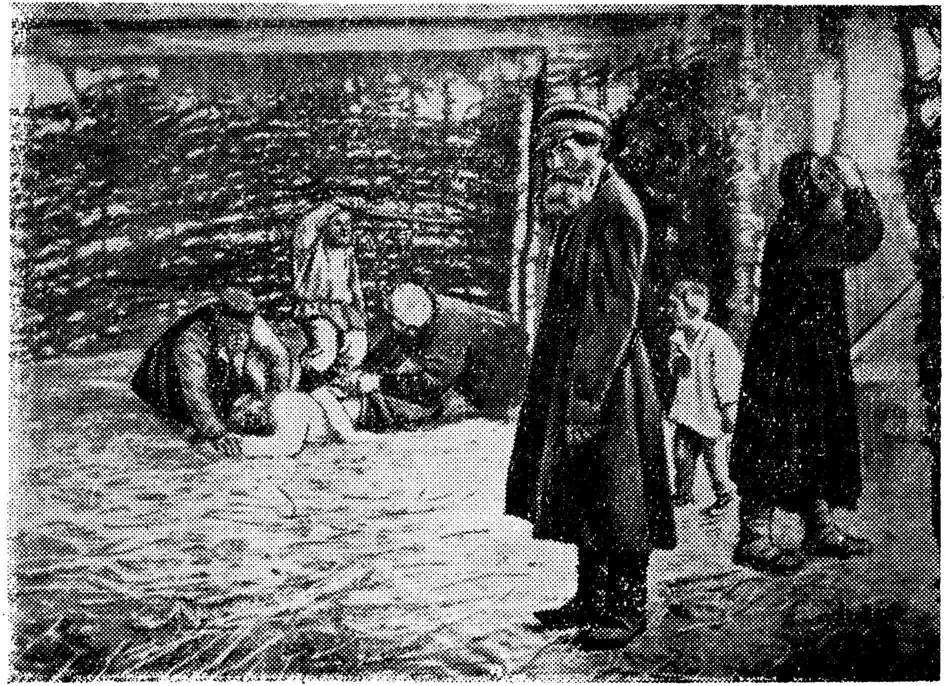
Большой картежник и мот П. Мельгунов в том же 1834 году проиграл таганрогскому виноторговцу Бернадаки трех крепостных девушек. Право выбора жертв он предоставил самому «счастливчику». Устроили омерзительную по виду и самой сущности сцену «смотрин». Бернадаки выбрал прях — семнадцатилетнюю дочь Ивана Яковлевича Шурыгина Акулину и ее подруг — Степаниду Дементьеву и Авдотью Андриянову. В день отъезда Авдотью Андриянову нашли в риге с петлей на шее. А Акулину и Степаниду из опасений, чтобы они не сбежали в пути, приковали к телеге цепями и увезли в Таганрог[40].

Тогда же помещик проиграл полугодовую казенную поставку сукна, в размере 6200 аршин. Проигрыш Мельгунова составил 16320 рублей. В январе 1835 года Комитет снабжения войск оштрафовал Мельгунова за непоставку сукон. Помещик тотчас дал об этом знать «верному рабу» Осипу, а тот не замедлил взыскать штрафную сумму с сельских крестьян[41].

В 1837 году у Мельгунова умерла жена, а в следующем году на почве безудержного пьянства скончался и сам, оставив двухлетнюю дочь Екатерину[42]. По решению Правительствующего Сената имение передали в дворянскую опеку.

Механизация шерстяной промышленности, происходившая в России во второй четверти XIX столетия, захватила и Мулловскую суконную фабрику. Здесь установили быстроходные прядильные машины, имеющие от 40 до 60 веретен. Отличительной особенностью машин от «ручных колес» являлось их механическое вращение. Все 18 машин подключили к водяному приводу. От большого мельничного колеса вращались две щипальные, две чесальные машины.

На фабрике построили помещение для отделки суро



Порка. С картины И. Е. Репина.

вья. Отделочное производство состояло из трех сукновальных машин на 16 ступ, устроенных в разных местах при водяных мельницах, сушильных рам, двух сукностригальных машин* и двух прессовых винтов.

В каменном двухэтажном здании работали тридцать пять станов. Годовой барщинный урок на каждый стан — тысяча аршин суровой материи.

Опекун над имением малолетней Мельгуновой Скобельцын в 1846 году вошел в ходатайство о включении его в число непременных поставщиков армейского сукна для обмундирования войск Его желание было удовлетворено, и он ежегодно продавал казне до 20 тысяч аршин шерстяных тканей. 12—13 тысяч аршин сбывал купцам разных городов.

Вместо ожидаемых свобод дворянская опека принесла мулловским крестьянам едва ли не самые мрачные дни. Опасаясь, как бы крестьяне не ввели малолетнюю барыню в разор, опекуны требовали непреклонного выполнения всех барщинных работ и повинностей. Всякое ослушание строго каралось, «упрямых» отдавали в солдаты. Мордобойство считалось самым радикальным средством, «стимулирующим» производительность труда.

Мулловские крестьяне не могли без конца безропотно переносить невыносимый крепостнический режим. Чаша людского терпения переполнилась. Против существующих порядков начались волнения, участились побеги работников с фабрики. Осенью 1846 года сбежали ткач Тимофей Галактионов и пряха Анна Егорова. История их бегства такова. Восемнадцатилетний сирота Тимофей обратился к опекуну с просьбой разрешить ему жениться на пряхе Анне Егоровой. Опекун отказал. Молодые люди пошли к попу, но он без разрешения барина венчать их не стал. В надежде на прощение Тимофей и Анна поженились. Когда же о таком самовольстве слух дошел до управляющего, то последовал приказ: Тимофея заковать в колодки и запереть в подвал. Анну вызвали к опекуну, заставили отречься от «богомерзких» поступков и вечером ее обвенчали с дворовым дураком Григорием. Когда Тимофея выпустили из подвала, он

---

* **Стригальная машина** — машина, осуществляющая стрижку сукон с помощью стригальных ножей.

неожиданно для всех исчез из имения. О пропаже невестки доложил управляющему отец дурака Федор Степанов. Оказалось, что Тимофей и Анна уехали на паре господских лошадей. Снарядили погоню, но беглецов не догнали.

Их задержали через несколько месяцев и по этапу пригнали в Мулловку. Обоих водили по селу и били кнутом. Тимофея за побег осудили на вечное поселение в Сибирь, а Аннушку приговорили к шести годам содержания в рабочем доме[43].

Однако участь Тимофея и Аннушки не утихомирила мулловских крестьян. Тимофей еще сидел в подвале с деревянными колодками на ногах и рассказывал сторожам о виденных землях, а с фабрики сбежал чесальщик Степан Дмитриев с женой Матреной. Через несколько дней ушли два брата Шпаровых — Григорий и Борис.

Опекун распорядился остановить фабрику и весь народ послать на облаву. Братьев Шпаровых нашли в лесной сторожке у солдатки Анны Карасевой. Их наказали плетьми, а солдатку, приютившую беглецов, приговорили к денежному штрафу в размере 10 рублей серебром и за ночлег по 10 копеек с человека за ночь[44].

Шпаровы прожили в Мулловке до осени и, как только установилась зимняя дорога, отпросились на ярмарку в Симбирск и обратно в село не вернулись. С Борисом и Григорием уехал их третий брат — Гавриил с женой Авдотьей и трехлетним сыном Федором.

В 1847 году из имения бежали братья Федор и Иван Логиновы, жена Федора Аграфена, Петр Левашев с семьей, Сергей Зоров, жена Аверьяна Кузьмина Марфа...

Но крепостные люди выражали свой протест против произвола, бесправия, зверской жестокости и рабского труда не только одними побегами. Случались здесь и открытые схватки работников с надзирателями и другими господскими холуями. Чесальщики Андрей Григорьев и Елистрат Иванов восстали против произвола и избили приказчика Плаксина. В барском дворе на бунтарей пустили свору собак. Андрей и Елистрат кольями отбились от них и, перемахнув через забор, подались в лес, откуда в село не возвратились. Красильщик Никифор Дмитриев, «оскорбив действием» полицейского сотника, также исчез из имения[45].

Несмотря на жесточайший террор, побеги с фабрики продолжались и в последующие годы. Одни отправлялись на юго-восток, в оренбургские степи, где получали отрезки земли или батрачили у богатых казаков. Другие, будучи не в состоянии оторваться от родного очага, подолгу ходили по окрестным лесам, жили в землянках. Прячась в густых зарослях, они по ночам приближались к селу, вдыхали приятный запах печеного хлеба и комнатного тепла. Часами прислушивались к лаю собак, петушиному пению, крику голодной скотины. Там, за рекой, в тесных куриных избушках спали их дети, чутким ухом улавливали земные шорохи жены беглецов. Уже которую ночь они не спят! Слышат тихие, крадущиеся шаги господских сторожей, ожидающих появления беглых холопов. В селе находилась господская фабрика, а в ней царили каторжный труд, голод, жестокие наказания...

— В Мулловке фабрика, — говорили проезжающие крестьяне таким тоном, будто в селе свирепствовала чума.

Июньской ночью 1849 года в Мулловке возник пожар. Почти одновременно загорелись суконная фабрика и господский дом. Огромное зарево заполыхало в полнеба. Раздался суматошный звон церковного колокола. Огонь перекинулся на поповские дома и объял здание церкви. Прибежали крестьяне и начали заливать водой горящие постройки.

К утру пожар потушили. Господский дом, фабричный корпус и церковь приняли ужасный вид.

По вызову опекуна в село прибыли полицейские и приступили к расследованию причин возникновения пожара. Вскоре установили, что одновременное появление огня на фабрике и барском дворе явилось следствием организованного поджога.

Арестовали подозрительных. Заполнили ими господские конюшни, амбары и другие помещения. Допрашивали «с пристрастием», под пыткой, но смельчака, предавшего огню основы помещичьего хозяйства, не выдали.

В поджоге обвинили ткача Андриана Тимофеева, сбежавшего из имения незадолго до пожара. Шел ему 43-й год. В последний раз ткача жестоко наказали за невыполнение натуральных повинностей. Дома оставалась бездетная жена Арина, тоже много работавшая на гос-

подской фабрике. В 1850 году Андриана Тимофеева привели с бегов и Ставропольский уездный суд приговорил его к ссылке в арестантские роты сроком на 12 лет[46].

Опекун не мог допустить, чтобы находившаяся под его наблюдением фабрика закрылась, а имение пришло в разорение. Он распорядился начать восстановительные работы. Крепостных плотников заставили строить новые ткацкие станы, и в 1850 году фабрика уже дала на рынок более 29 000 аршин отделанного и окрашенного сукна.

* * *

Пока мулловским имением управлял опекун, в Москве, в доме Михаила Мельгунова, росла новая хозяйка. Маленькую помещицу окружили заботой и вниманием. При ней неотлучно находились няни, гувернантки, учителя. Мельгуновы жили на широкую ногу. Они часто сами устраивали балы, ездили к знакомым богачам. И всюду похвалялись сиротой племянницей, у которой за Волгой числились сказочные богатства.

В то время у Мельгуновых появился гвардейский офицер князь Иван Петрович Трубецкой. Знакомство с ним заставило опекунов кое о чем подумать. Трубецкой происходил из старинного дворянского рода. Отец его, Петр Иванович Трубецкой, генерал от кавалерии служил смоленским и орловским военным губернатором. Четыре княжеских брата занимали важные должности в дворянских учреждениях[47].

Мельгуновы не прочь были пристроить свою воспитанницу за дворянина с княжеским титулом. Да и самой племяннице, видимо, по душе пришлась мысль стать княгиней и вырваться из-под опеки чересчур заботливой родни. В октябре 1853 года семнадцатилетняя Екатерина Мельгунова обручилась с И. П. Трубецким. В связи с несовершеннолетием самой помещицы имущество, деньги и ценные бумаги перешли под опеку супруга, вышедшего в отставку в чине гвардии капитана.

Посетив Мулловку, князь Трубецкой внимательно ознакомился с состоянием жениного хозяйства. Удручающее впечатление на него произвела суконная фабрика. Она все еще «действовала» тридцатью пятью ткацкими станами, размещенными в каменном корпусе. Деревян-

ное здание на красоткинской запруде пришло в ветхость и с трудом держалось на многочисленных подпорках. Больше всего нового хозяина тревожила крайне слабая производственная база. Свыше 30 000 аршин сукна фабрика не могла выпускать в год. Дальнейшее существование фабрики в таком состоянии не обещало владельцам больших выгод.

К тому времени в Симбирской губернии появился ряд крупных помещичьих и купеческих текстильных предприятий. В 1821 году помещик И. Ф. Воейков основал суконную мануфактуру в селе Самайкине Сызранского уезда, в 1825 году помещик Д. С. Кротков построил гурьевскую фабрику. В 1845 году вступили в строй суконные мануфактуры Я. Ф. Прибыловского в селе Измайловке, а в 1848 году — А. А. Протопопова в селе Румянцево. В 1849 году купец С. А. Акчурин основал Старо-Тимошкинскую суконную фабрику, в 1850 году А. А. Долгоруков построил суконную фабрику в селе Игнатовке, а через три года (в 1853 году) помещик В. П. Языков основал фабрику в родовом имении в селе Языково[48].

Значительно расширена никольская фабрика, купленная в 1822 году у Обрезкова графиней Соллогуб[49]. Оснащены новыми машинами городищенская и ишеевская фабрики.

Большим толчком в развитии суконного производства на Средней Волге явилась Крымская кампания и война с турками. Численный рост армии потребовал громаднейшее количество сукон. «Мы тогда озолотились, — похвалялись владельцы мануфактур. — Фабрики не успевали изготовлять товары, которые быстро расхватывались...»[50] В 1853 году городищенская фабрика продала мундирных тканей на 42 048 рублей, никольская — на 48 162 рубля. В то же время мулловская фабрика выпустила сукон всего лишь на 18 164 рубля[51].

Трубецкой понимал, что конкуренция мулловской фабрики с предприятиями других владельцев немыслима, и он настойчиво принялся за ее расширение. В нижнем конце села, у большого мельничного пруда, он заложил новые фабричные корпуса. Кирпичное двухэтажное здание построено для размещения ткацкого отделения, а одноэтажные приделы предназначались для отделки и крашения сукон. На большом мельничном

пруду строилось двухэтажное здание. В нем по мысли Трубецкого сосредоточивалась вся «механизация». В средней части корпуса установили два колеса по две сажени в диаметре, а на двух этажах проложили трансмиссии. Большое здание для мойки и валки сукон возводилось в нижнем течении Сосновки, на абрамихинском пруду.

Кроме местных крепостных крестьян, в строительстве новой фабрики участвовали оброчные, беспаспортные, разорившиеся люди из других селений.

По мере подготовки помещений из старых зданий перевозились годные к эксплуатации станки и машины. В это же время Трубецкой закупает крупными партиями фабричное оборудование в Москве.

Скоро мулловская фабрика превратилась в самое крупное текстильное предприятие во вновь образованной Самарской губернии, где в 1859 году уже насчитывалось 16 грубосуконных фабрик с 5700 рабочими. В 1860 году на фабрике действовало 90 ткацких станов и было выработано 88 740 армейских и пальтовых сукон. Изделия искусных мастеров Мулловки, особенно мягкие и легкие верблюжьи сукна, стали выгодно отличаться от сукон других фабрик и на рынках Казани, Спасска, Сызрани, Симбирска и Нижнего Новгорода нашли себе многочисленных покупателей.

Из описания фабрики за 1863 год, сделанного ставропольским земским исправником, видно, что процесс подготовки шерсти был высоко механизирован. Щипка* производилась восемью щипальными машинами, а чесание — двадцатью аппаратами**. Шерсть пряли на семидесяти пяти прядильных машинах, подключенных к водяному приводу. Для основы они имели шестьдесят веретен, а для подготовки утка — по сорок. Пряжа, предназначенная для основы ткани, с веретен перематывалась на катушки, а уточная набиралась мотками. Каждую прядильную машину обслуживали две работницы.

Ткачество сукон осуществлялось уже на 180 станах ручного действия, отличительной особенностью которых

---

* Щипка шерсти — разделение шерсти на отдельные клочки.

** Аппарат — совокупность двух или трех совместно работающих чесальных машин.

было оборудование их летучими челноками. Каждый стан обслуживался одним ткачом и одним шпульником. Приспособление для возвращения челнока на ткацких станах мулловской фабрики сделал в 1850 году вольнонаемный мастер Богдан Федорович Ленике. Это позволило сократить помощников и облегчить работу ткачей.

Для валки и мойки сукон* в разных местах на мельницах установили десять «чугунных цилиндрических машин», приводимых в движение силой воды. Окраска сукон, как и раньше, производилась в темно-зеленые и черные цвета. Эта операция выполнялась в двух больших котлах в главном корпусе. Выпускаемые серо-синеватые сукна не красились; шерсть предварительно также не окрашивалась. Сукна после крашения отвозились «на валялки», при которых оборудовали промывные «бараны».

Сукна сушили с помощью громоздких деревянных рам. В теплое время года натянутые на рамы полотнища выставляли на воздух в фабричный двор, а в зимние месяцы — в сушилки. В 1863 году летних и зимних сушильных рам имелось 56 штук.

Для окончательной отделки сукна перетаскивали в «водяной корпус», где работали ворсовальные и суконостригальные машины. Отделка тканей завершалась прессовкой. На фабрике в то время эта работа выполнялась на шести винтовых прессах ручного вращения.

В год фабрика потребляла до 20 000 пудов шерсти, которую покупали у крестьян, живущих в окрестных селениях, а также привозили из Оренбуржья. Сортировка и смеска шерсти производилась на фабрике в летнее время. Эту работу выполняли женщины, дети и старики[52].

1863 год был кульминационным в работе вотчинной фабрики Трубецких. Достигнув выработки 153 тысяч аршин в год, фабрика заметно стала сокращать производство. Вотчинную мануфактуру охватил кризис, вызванный внутренними противоречиями, характерными для помещичьих хозяйств пореформенного времени. Главным тормозом, ставшим на пути дальнейшего развития пред-

---

* Валка сукна — процесс обработки влажного, теплого суровья под давлением валов. В процессе валки сукна волокна шерсти взаимно переплетаются, образуя пушистый застил на поверхности ткани.

приятия, оказалось безденежье, отсутствие оборотного капитала. Трубецкой, построивший новую фабрику и оснастивший ее новейшими машинами, оказался не в состоянии покупать шерсть, кардоленту*, ворсовальную шишку**, проволоку и другие предметы, необходимые для производства сукон.

Об этом говорил главный управляющий мулловского имения Карл Иванович Горенбург мировому посреднику В. К. Луцкому: «...мы все покупаем в долг, а как расчеты с нами затруднительны, то мы платим чуть ли не вдвое... Суконная фабрика и винокуренный завод наши идут в убыток»[53].

Нельзя сказать, чтобы владельцы мулловского имения были бедные. Наоборот, по числу земельной площади и количеству крепостных Трубецкие являлись богатейшими помещиками в Заволжье. Только в мулловской вотчине княгиня Е. П. Трубецкая унаследовала от отца 1053 души крестьян и 13 457 десятин земли. Бездетный М. С. Мельгунов в 1856 году оставил племяннице село Новый Буян с деревнями, в которых жило 970 крестьян и имелось 13 020 десятин земли. Ей же по наследству достались две подмосковные деревни с землями и крепостными[54]. Следует также учесть, что ко времени замужества Е. П. Мельгунова-Трубецкая имела в банке наличного капитала свыше ста тысяч рублей.

И все это пущено в оборот. Трубецкой строил фабрику, роскошные дачи, необыкновенным комфортом обставил дом. В селе построил купальню за 6000 рублей серебром (!), завел оркестр, равного которому не было во всей губернии. Взяв по долговому обязательству у князя Панчумедчева инструменты, ноты и музыкантов, Трубецкой, кроме содержания, выплачивал исполнителям ежемесячно тысячу рублей денег. В Мулловке он устраивал балы, пышные приемы и массовые гулянья, на которые съезжались богачи со всей округи.

Трубецкой имел неуравновешенный характер. Случалось, что на него «находила доброта». Тогда он приглашал старосту и объявлял ему о своем решении «подарить

---

* Кардная лента — лента с прорезиненным или войлочным основанием и укрепленными в ней скобками игл. Такой лентой обтягиваются рабочие органы чесального аппарата.

** Ворсовальная шишка — плод растения ворсянки. Применяется для ворсования тканей.

для общества две десятины леса на выбор». Но это бывало редко. Обычно, когда погорелец просил у князя несколько бревен для починки двора, Трубецкой отвечал: «Разорить хотите!» — и гнал просителя в шею[55].

Дворянская опека видела, с какой катастрофической быстротой хозяйство Трубецких идет к упадку, и посоветовала княгине взять все имение на свое имя, поскольку в 1857 году она стала совершеннолетней (ей исполнилось 21 год). Ставропольский суд удовлетворил ее ходатайство. Но эта юридическая формальность не исправила положения. Деньги иссякли, а имения заложены были в дворянских банках.

Являясь фактическим распорядителем во владениях своей жены, князь бездумно расточал средства, проигрывая в карты поистине феноменальные суммы. Тот же К. И. Горенбург рассказывал: «Теперь князя едва ли скоро дождемся. Он поехал в Симбирск получить деньги за суконный подряд. Получит тысяч тридцать и все их спустит в карты»[56].

Однако основной причиной безденежья было не только расточительство владельцев имения. Усилившиеся в середине XIX столетия товаро-денежные отношения заметно расшатали веками сложившиеся устои вотчинного хозяйства. Контракты с казной на поставку сукон, с одной стороны, открывали выгодный сбыт продукции, а с другой — ставили помещика в зависимость от казны, лишали его самостоятельности. Выполнение казенных подрядов заставило отказаться от сезонного характера производства и перейти к круглогодовому. Если в пятидесятых годах на фабрике работали крестьяне по системе «брат за брата», то есть три дня одни, три дня другие, то с этого времени в хозяйстве выделились особые группы мастеровых людей, целиком прикрепленных к господской фабрике. Это — дворовые или фабричные люди, состоящие на содержании помещика. От помещика они получали плату в виде продуктов питания и денег для одежды. В 1860 году дворовых в имении находилось более 200 человек[57].

Сохранялась при мануфактуре и категория крепостных работников, имеющих свои хозяйства с небольшими земельными наделами и отбывающих трехдневную барщину. При недельной работе на барина они также получали денежную доплату[58].

Та группа крестьян вотчинного хозяйства, которая «сидела» на земле, в 1860 году обрабатывала на себя по 3,15 десятины душевого надела. На обязанности тех крестьян лежала и обработка господской запашки, размеры которой увеличивались с каждым годом. При той системе барщины и при тех довольно низких урожаях поземельные сборы и натуральные повинности, немилосердно взыскиваемые помещиком, разоряли крестьян. Ежегодно каждое хозяйство отдавало помещику по одному барану, от 10 до 40 фунтов свиного мяса, от одной до четырех штук птицы, до 10 фунтов масла, от 50 до 100 штук яиц, от 5 до 10 фунтов ягод и другие продукты. В случае, если крестьяне оказывались несостоятельными к погашению всех платежей, то сдачу продуктов заменяли выполнением барщинных работ в крестьянские дни[59].

Разорившиеся крестьяне шли на фабрику или винокуренный завод. «Так сформировалась уже в недрах феодально-крепостнического строя группа фабричных рабочих, совсем лишенных земли»[60].

С расширением производства на фабрике появился контингент наемных людей, пришедших ради заработка из окрестных селений. Вначале наемные люди строили здания и участвовали в монтаже оборудования, позднее стали работать на предприятии.

Разбросанность производственных узлов, отсутствие механизации в ряде важных операций технологического процесса, низкая производительность машин и аппаратов требовали применения большого числа рабочих рук. В 1860 году на фабрике было занято 925 человек, около половины которых составляли наемные.

Построив хорошую фабрику, Трубецкой не смог правильно и экономно использовать производительные силы. В старых деревянных постройках, в верхнем конце села Мулловки, продолжали трудиться пряхи. С «главной» фабрики им доставляли аппаратную шерсть, а обратно везли пряжу. На Абрамиху, ниже по реке Сосновке, доставляли суровье для мойки и валки. А для крашения его снова привозили на фабрику. Целый день по улицам села двигались подводы с шерстью, ровницей, пряжей, сукном.

Обращает на себя внимание низкая производственная мощность предприятия. В 1860 году было выпущено 88 740 аршин армейских и пальтовых сукон. За продан-

ную продукцию помещик получил 32 754 рубля[61]. Средняя годовая выработка на каждого работника составила по 95,8 аршина сукна.

В следующем году при том же составе работники фабрики выпустили 85 733 аршина на сумму 41 065 рублей[62]. Снижение производства объясняется длительным простоем фабрики, происшедшим в результате разрушения плотин сильными ливнями[63].

Реформа 1861 года окончательно подорвала основы барщинной системы и ускорила распад вотчинного хозяйства.

Сразу же после обнародования «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 143 дворовых явились к княгине Трубецкой и заявили о своем отказе от земли, за которую следовали двухлетние отработки барщины. Одновременно они потребовали выдачи увольнительных свидетельств. При содействии мирового посредника просьбу крестьян рассмотрели, однако увольнительные свидетельства получили только 42 человека[64].

Крестьянам села помещица выделила по 3,42 десятины земли на ревизскую душу[65]. Но за это она потребовала отрабатывать на суконной фабрике и в помещичьем хозяйстве по три дня в неделю в течение двух лет. За пользование дровами из барского леса помещица установила плату по 20 копеек за кубическую сажень[66].

«Пресловутое «освобождение», — писал В. И. Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними». И далее: «Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» **так** повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»[67].

Больше года решался земельный вопрос «реформы». Мулловские крестьяне не хотели принимать продиктованные помещицей условия. И только после вмешательства губернатора Замятина, уговорившего кулаков согласиться с условиями уставной грамоты, был утвержден кабальный документ, связавший руки крестьянам села на долгие годы[68].

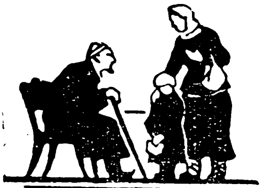
Реформа не содействовала укреплению вотчинной мануфактуры. Наоборот, она обнажила внутренние проти-

воречия, которые возникли в помещичьем хозяйстве в 50-х годах XIX столетия. Личная зависимость крепостного работника от помещика ослабла, появился интерес к денежной оплате. Низкая производительность ручного оборудования, расходы на содержание наемных работников лишали владельца оборотных средств. Ввиду этого он отказался от покупки дорогостоящей верблюжьей шерсти и ограничился выпуском грубошерстных мундирных и пальтовых сукон. Трубецкой не в силах был противостоять наступательному движению торгово-промышленного капитала, который быстро стал занимать командные высоты. Требовалась коренная перестройка организации труда и производства фабрики, а помещик уже не имел для этого ни сил, ни средств.

Хозяйство некогда богатейших людей Заволжья быстро шло к упадку. Князя одолевали многочисленные кредиторы. Купцы, представители фирм, частные маклеры и другие лица, имевшие дела с мулловским помещиком, предъявили иски на 250 000 рублей[69].

В Самарском окружном суде несколько лет рассматривалась тяжба Трубецкого с помещиком Трегубовым, одиннадцать лет тянулось дело о панчумедчевом оркестре. За это время умер истец, до нищенства дошла его жена, разорился и сам Трубецкой, оказавшись несостоятельным уплатить четыре тысячи рублей задолженных денег[70].

Трубецкие уже не могли выпутаться из создавшегося положения, и, разорившись, они навсегда уехали из Мулловки[71]. В 1874 году имение передали в удельное ведомство[72].



НОВЫЙ ХОЗЯИН

Алеев Хасан, приписанный к Ставрополю купец второй гильдии, новый хозяин мулловской фабрики. В Мулловке некоторые еще помнят Алеева и довольно живо рисуют его портрет. Невысокого роста, сутулый, с приплюснутой головой, большими стеклянными глазами, хищным носом и козьей бородкой. Происходил он из рода известных в Симбирской губернии арендаторов и владельцев суконных фабрик Алеевых. В 1865 году он торговал кожами и скотом в Мелекессе. В документах за 1874 год значился арендатором мулловской фабрики, а с 1876 года стал ее владельцем[73].

Рушился вотчинный строй на соседних с мулловской фабриках. Владельцы их лишились даровой рабочей силы и, будучи неподготовленными к переходу на путь капиталистического развития с использованием наемного труда, были вынуждены свертывать свои предприятия. Закрылись Городищенская и Никольская суконные фабрики[74]. Ишеевскую и Гурьевскую суконные фабрики помещиков Кротковых купили купцы Акчурины, которые создали в Симбирской губернии крупную торгово-промышленную фирму. Игнатовская фабрика оказалась в руках ростовщика Ивана Виноградова[75].

Новый хозяин мулловской фабрики оказался практичным, и он расчетливо повел свои дела. Получение высоких прибылей Алеев видел в замене ручного труда механизированным. Вскоре он установил два паровых двигателя, мощностью по 35 лошадиных сил. Старые прядильные машины стали заменяться новыми, более произ-

водительными мюль-машинами* с большим числом веретен.

Однако этой механизации оказалось недостаточно, и предприниматель установил паровик на 180 лошадиных сил. Чесальное отделение он перевел в каменное здание, и в новых условиях 12 аппаратов давали такую же производительность, какую имели в 60-х годах 20 аппаратов, приводимых в движение силой воды[76].

Постепенно купец сосредоточил технологический процесс производства в одном месте. Деревянные строения в верхнем конце села он разобрал и перевез их на главную фабрику. В стороне работали лишь сукновалки. В бытность Алеева ткацкое оборудование доведено до 200 станков, а годовое производство тканей выросло до 250 000 аршин.

«Появление крупной машинной индустрии и промышленного пролетариата было прогрессивным явлением, — отмечает «История КПСС». — Но превращение России в капиталистическую страну, как и всюду, происходило путем усиления эксплуатации трудящихся. За цифрами роста фабрик и заводов, строительства железных дорог, увеличением количества рабочих скрывались горе народа, его слезы и кровь. Положение масс было тем более невыносимым, что капиталистическая эксплуатация сочеталась с остатками крепостнического гнета»[77].

По мере механизации фабрики все больше изматывались силы рабочих, ухудшалось их общее благосостояние. Это и понятно. Производительность труда благодаря механизации резко выросла, а продолжительность трудового дня оставалась неизменной. Рабочий день по-прежнему начинался в четыре утра и заканчивался в восемь часов вечера. За часовой перерыв люди не успевали сходить домой на обед и, как рассказывает бывшая ткачиха И. Ф. Карасева, «летом они довольствовались коркой хлеба, а зимой — печеной картошкой. Фабрика так изнуряла силы, что многие ткачи после трудового дня не в состоянии были дойти до бараков и оставались в цехах ночевать».

С применением механизации на фабрике работникам вместо барщинных уроков установили высокие нормы

* Мюль-машина — механическая машина для прядения шерсти.

выработки. Таким образом, человек вновь оказался впряженным в продиктованные предпринимателем условия.

Уровень расценок на нормы выработки зависел от урожая на крестьянских полях. В урожайные годы заработная плата несколько повышалась, и люди старались держаться на фабрике. В неурожайные годы расценки снижались, и страх перед голодной смертью заставлял мириться с низкой оплатой труда и опять-таки держаться за работу на предприятии. Это подтверждают такие данные. В неурожайном 1880 году мужчины зарабатывали на фабрике до 50 рублей в год, а женщины — до 25[78]. А в 1882 году для «Статистического обзора промышленности России» контора мулловской фабрики сообщила, что месячный заработок составил: аппаратчиц 3 рубля, сновальщиц 4 рубля, присучальщиков 4 рубля, прессовщиков, сукновальщиков, промывальщиков и прядильщиков до 9 рублей.

«Прочие рабочие, — отмечается в «Обзоре», — получают такую ничтожную плату, что ее едва достаточно на удовлетворение первейших потребностей»[79].

Несмотря на то, что ряд работ женщины выполняли одинаково с мужчинами, труд их оплачивался наполовину дешевле. Это говорит о бесправии тогдашних женщин.

Варьируя расценками, купец концентрировал на фабрике работоспособную силу, с помощью которой умножал свои барыши.

Труд ткача, как ведущего работника, оплачивался выше других. У Алеева ткачи получали до 1 рубля 10 копеек за кусок сотканного суровья. Опытный ткач за месяц мог выработать до 9—10 кусков. Пределом эта цифра не считалась. И, как отмечается в «Историко-статистическом обзоре», в горячее время (например, в канун праздника пасхи) могли делать больше, но при этом рабочие «отбиваются от сна и еды»[80].

По тогдашним условиям найма ткачи за свой счет содержали шпульников — подсобных рабочих, занятых мотанием цевок. На эту работу нанимали главным образом малолеток и подростков. Существовал обычай — шпульников брать из своей же семьи, чтобы деньги не уходили на сторону. Малолетним работникам платили по 30 копеек за кусок сотканного суровья. Это почти третья часть заработной платы ткача.

Формально фабрикантам запрещалось нанимать на работу малолетних детей, однако капиталисты повсеместно нарушали этот запрет и даже официальные издания вынуждены признавать, что «пользование трудом малолетних и подростков на суконных фабриках оказывается весьма значительным»[81]. В книге «Фабрично-заводская промышленность в России» цифры о наемных рабочих по возрастным группам показывают подлинную картину эксплуатации детского труда на мулловской фабрике. По заниженным данным (существовал же запрет!), в 1897 году мальчиков и девочек в возрасте 7—11 лет на фабрике работало 12 человек, подростков 12—16 лет — 106 и взрослых от 17 лет — 548 человек[82].

Тяжелые работы, выполняемые на фабрике по подготовке сырья и ткачеству, требовали применения большой физической силы, поэтому во всех возрастных группах преобладал контингент мужского пола.

«Каждое утро, — вспоминает бывшая ткачиха Прасковья Логиновна Демкова, — из маленьких, мрачных лачуг выходили люди и спешили за околицу, туда, где уже дымилась труба паровой машины и по-волчьи выл фабричный гудок. Вместе со взрослыми на фабрику брели и сонные, изнуренные дети. Это — шпульники и размотальщики — подручные работники ткачей. Посмотришь на них, а они позевывают, потирают кулаками глаза... А на улице моросит дождь, с реки веет холодный ветер. Ребятишки прячут лица в шубные рукава и плетутся за взрослыми. Одних ведут за руки, другие сами держатся за юбки и пиджаки родителей. С трудом они добираются до фабрики. В цехах было душно и грязно. Воздух насыщен тлетворными испарениями. Форточек не было, а о вентиляции нечего и говорить. Трудовой день начинался с проверки рабочих и дачи указаний. И вот стучат станки, вертятся колеса, а дети и подростки все еще находятся в состоянии полусна. Резкий окрик, удар по затылку — и тонкие ручонки заработали быстрее».

С малолетства начал трудовую жизнь на фабрике Логин Федорович Топталин. С семи лет он стал мотать шпули. Каждое утро, провожая на работу, мать совала ему кусок хлеба и крестила его лицо. Двенадцати лет Логин чувствовал себя взрослым. В это время он уже помогал ткачам и получал на пять копеек больше других шпульников. Пятнадцати лет Топталин стал ткачом,

заимел кисет, курил табак и во многом отличался от своих сверстников. В семнадцать лет Логин уже чувствовал себя стариком. Лицо избороздили морщины, глаза потускнели.

Когда дочери Прасковье исполнилось семь лет, Логин Топталин показал ей ту же дорогу на фабрику. Она начала свою трудовую жизнь в ткацком отделении. Сначала мотала шпули, а пятнадцати лет заменила у ткацкого станка больного отца и стала кормилицей семьи.

Так начинали, так жили почти все мулловские дети. Иного выхода не было. Грошовые заработки, вечный страх перед голодом вынуждал родителей отдавать их «внаем». Но дети везде остаются детьми. Иной раз, улучив момент, возьмут да и разыграются в цехе. И если это заметит надзиратель — быть порке.

Алеев был по национальности татарин, и все руководящие, надзирательские должности на фабрике исполняли татары. Перед двухэтажным ткацким корпусом он построил мечеть, нанял служителя муллу. Играя на религиозных чувствах татар, проводил в жизнь жестокий закон шариата. Будучи сам рабом «всемогущего» аллаха, он требовал рабской покорности от всех работающих на фабрике татар.

К каждому цеху и отделу приставил надзирателей. Посредством этих людей купец, в отличие от помещика, бил рабочих «не дубьем, а рублем». Всякое нарушение порядка — хождение по цехам, опоздание, пререкание с начальством — фиксировалось и наказывалось штрафом. Штрафы приносили хозяину немалые выгоды, и он всячески поощрял наиболее ретивых служителей, задабривая их действия денежными подачками.

Самым усердным служителем Алеева был высокий, худощавый татарин по имени Гайнетдин. Мулловским жителям этот человек, прозванный «мослом», так запомнился, что его имя без презрительного отвращения не произносят. Много пережили горя и тяжелых дней фабричные люди, но таких притеснений, какие ввел Гайнетдин, испытывать не приходилось.

Гайнетдин имел привычку стоять на возвышении и наблюдать за рабочими на фабричном дворе. Заметив человека в «неположенном месте», он тут же спускался и производил расправу. А если тот успевал укрыться, то служитель разыскивал его и объявлял о штрафе. Одним

из запретных мест было машинное отделение К «загадочным диковинам» тянуло молодых и старых. Гайнетдин и дворовый приказчик использовали любопытство работников и беззастенчивыми штрафами доводили их до нищенства.

Старший приказчик ведал наймом рабочих. При найме нового человека он проверял его мускульную силу и брал на работу только при условии бесплатной отработки «испытательного» урока. Ткачам, например, предлагалось безвозмездно соткать кусок суровья длиной в 45 аршин.

Кроме того, каждый поступающий принимал условие освещать рабочее место собственной лампой и керосином. В связи с тем, что рабочие не имели осветительных средств, Алеев «шел им навстречу» и отпускал в счет заработной платы лампы и керосин из собственного магазина. Лампы продавал по цене 1 рубль 50 копеек за штуку, а керосин — по 5 копеек за фунт*.

В осенне-зимний период, как рассказывает пенсионер Ф. Ф. Шурыгин, каждый ткач сжигал фунт керосина за два вечера. По приблизительным подсчетам, только за пять месяцев каждый ткач платил фабриканту около четырех рублей 50 копеек — размер двухнедельного заработка.

При поступлении на работу ткача обязывали покупать челнок, но так как у него не было таких денег (челнок стоил 3 рубля 50 копеек), инструмент выдавался в рассрочку, в счет будущей заработной платы.

Керосин, лампы, челноки, штрафы ставили рабочих в полную материальную зависимость от фабриканта и обрекали их на полуголодное существование...

Местные рабочие жили в собственных домах, а приезжие из других мест ютились со своими семьями в фабричных казармах, выстроенных Трубецким еще до отмены крепостного права. В связи с большим наплывом рабочей силы Алеев построил еще два барака. Но жилья не хватало. Приходилось тесниться. В небольших комнатках порою жили по две и по три семьи. Казармы кишели клопами, блохами и тараканами. В результате да-

* Фунт — мера веса в дореволюционной России. Один фунт равен 400 граммам.



Фабричная казарма. Со старинного рисунка

же в короткие часы ночного отдыха невозможно было спокойно спать.

Те ужасающие условия труда и быта, которые существовали на капиталистической фабрике, приводили рабочих к преждевременной потере сил и тяжелым заболеваниям. Страшным призраком по цехам ходил туберкулез. Смертность была чрезвычайно велика.

Под давлением общественности купец устроил при фабрике больницу на 12 коек. В амбулатории работали один фельдшер и санитар. Больных в поселке было много, в лечебнице создавались большие очереди. Фельдшер не успевал принимать всех желающих. А так как рабочие всегда страдали безденежьем, то многие предпочитали «лечиться» собственными средствами, употребляя травы, настои, примочки, предложенные доморощенными знахарками.

В то время как рабочие жили впроголодь, без перспектив, фабрикант умножал свой капитал. По далеко неполным данным, фабрика дала Алееву чистой прибыли в 1886 году 1000 рублей, в 1887 году — 5000 рублей, а через пять лет — в 1892 году — 18 400 рублей. В 1896 году владелец предприятия получил 383 897 рублей за продажу сукна[83].

Фабрикант обманывал не только рабочих, но и государство. В его конторе существовала двойная бухгалтерия. В первой — велись книги учета деятельности предприятия для самого Алеева. Туда вписывались действительные приходо-расходные операции, проводимые на фабрике. Во второй бухгалтерии, предназначенной для акцизных инспекторов по казенным сборам, показывались явно заниженные цифры. Хотя раскладочные сборы в те годы не превышали 281 рубля, Алеев писал слезные грамоты о снижении их.

Хищническая эксплуатация, дикий произвол и рабские условия труда вызывали гнев и возмущение рабочих. В феврале 1897 года на фабрике возникли стихийные волнения, перешедшие в рукопашные схватки с надзирателями. Вначале забастовали рабочие подготовительного отделения. Их быстро поддержали все цехи фабрики. Надзиратели пытались усмирить рабочих дубинками. Но те взялись за поленья и отбились. В схватке было убито два надзирателя и ранено несколько рабо-

чих. После полудня рабочие оставили цехи и разошлись по домам. Фабрика остановилась.

Купец всерьез был встревожен стачкой. Он при участии фабричного инспектора и местных властей три дня уговаривал забастовщиков прекратить ее.

* * *

После отмены крепостного права в селе Мулловке стали происходить большие перемены. Крестьянская община, известная своими патриархальными законами «жить миром», трудиться «брат на брата», некогда придавленная властью помещика, одинаковая по материальному состоянию, распадалась на классы, на группы, на сословия. Одни, получив наделы, стали заниматься хлебопашеством, другие, отказавшись от земли, связывали свои судьбы с промышленными предприятиями. Это уж были рабочие, пролетариат. В 1884 году таких рабочих на фабрике насчитывалось 92 человека. Это — потомственные суконщики, жившие исключительно фабричными заработками[84].

Складывались в селе и различные группы ремесленников. 27 человек гнули ободья, делали сани и телеги, пилили лес, зарабатывая в год от 10 до 30 рублей; 15 человек занимались перевозкой материалов, зарабатывая от 10 до 15 рублей в год. Был в селе один рыбак, один ямщик, два мельника, 41 поденщик[85].

Хлебопашеством в Мулловке занималось 271 хозяйство, но землей наделено было значительно большее число дворов. 44 хозяйства вследствие частых неурожаев совершенно разорились и в уплату податей сдали свои участки крестьянскому обществу.

Из крестьян выделилось особое сословие сельских кулаков. Скопив к отмене крепостного права определенные суммы денег, они занялись скупкой и перепродажей земли, разработкой лесных делянок, стали выступать в качестве подрядчиков. Эти мироеды уже эксплуатировали труд своих недавних собратьев. В то время в селе находилось 11 кулаков.

Выше сказано, что размер душевого надела уставной грамотой был определен в 3,42 десятины*. В селе Мулловке мужских «ревизских» душ насчитывалось 828, но

---

* Земля давалась только на мужские «ревизские» души, родившиеся до X ревизии 1857 года.

правом получения надела пользовалось только 695 человек. Можно себе представить всю трагедию очутившихся «на воле» крестьян. Согласно статистическим сведениям Ставропольского уездного земства в 1884 году в Мулловке проживало 1688 человек, а надельной земли, пашни, лесов и усадебных участков числилось за обществом 3432 десятины*. Урожай хлебов за пятилетие составил: ржи — 32 пуда с десятины, пшеницы — 18 пудов. Хлеба для прокорма семьи и содержания скота часто не хватало, приходилось влезать в долги, голодать.

Чтобы не умереть с голоду, 197 крестьянских дворов арендовали у казны и частных владельцев 1276 десятин земли.

С одной стороны, низкие урожаи, с другой — выкупные платежи, налоги и растущие арендные цены ставили крестьян на грань катастрофического разорения. На 1 января 1884 года размер всех платежей (кроме арендной) на работника составил 23 рубля 60 копеек, а недоимки за прошлые годы выразились в сумме 26 рублей 30 копеек[86].

Жившая мечтой о свободной жизни, крестьянская община после отмены крепостного права оказалась в кабале у мелекесского купца А. Г. Маркова. В 80-х годах прошлого столетия Марков приобрел в Удельном ведомстве бывший винокуренный завод Трубецкого и земли мулловской дачи[87]. В 1894 году «Торговый дом Марковых» выстроил в Мулловке еще один винокуренный завод. Оба предприятия купец перевел на производство спирта из картофеля, скупаемого у местных крестьян по самой выгодной цене**.

В. И. Ленин отмечал, что «...фабричная промышленность имеет по-видимому, тенденцию... забираться в глубь деревенских захолустий, оторванных, казалось бы, от мира крупных капиталистических предприятий. ...переселение фабрик в деревню показывает, что капитализм преодолевает те препятствия, которые ставит ему сословная замкнутость крестьянской общины, и извлекает даже для себя пользу из этой замкнутости. Если устройство фабрик в деревнях представляет немало неудобств,

---

* Этой же землей пользовались и 192 жителя деревни Степановки.
** Стоимость пуда картофеля колебалась от 8 до 10 копеек.

зато оно обеспечивает дешевого рабочего. Мужика не пускают на фабрику, — фабрика идет к мужику»[88].

Купец очень ловко опутывал полуголодных крестьян, многолетние долги которых не позволяли расстаться с землей. Он знал о стремлении мужика освободиться от налогового ярма и охотно брал его на завод, давал поденные работы. Однако платил мужику лишь для обеспечения прожиточного минимума.

Можно легко представить себе положение марковских рабочих, если максимальные заработки их не превышали 10—30 рублей в год[89].

В селе росла голытьба, готовая продать свои руки лишь ради того, чтобы не умереть с голоду. В официальных данных земской статистики приводятся цифры, рассказывающие об ужасной судьбе жителей Мулловки. В 1884 году в селе числилось 23 нищих и 28 бездомных хозяйств![90] В 1891—1892 годах от голода и болезней умерло 369 человек[91], а число разоренных, оставшихся без средств к жизни людей не поддается никакому учету.



КРАХ

Поздним мартовским вечером 1907 года в кабинет самарского гражданского губернатора пришла экстренная телеграфная депеша. Начальник губернии разорвал наклейку и, ознакомившись с ее содержанием, позвонил домой, чтобы его к ужину не ждали.

После потрясений, пережитых губернией немногим более года назад, из Мелекесса по проводам передано новое грозное предостережение. В телеграмме излагалось требование рабочих Мулловской суконной фабрики принять экстренные меры против закрытия предприятия сыновьями Алеева. В противном случае 900 рабочих грозили забастовкой. Это известие всерьез встревожило душевный покой провинциального властелина, и он решительно взялся за ручку телефонного аппарата. Губернатор позвонил начальнику жандармского управления и сообщил о полученной телеграмме. Полковника Добрянского просил незамедлительно направить в Мулловку команду казаков «для профилактических мер». В тот же вечер отправлено секретное предписание ставропольскому уездному исправнику принять все меры «к недопущению беспорядков». Старшего фабричного инспектора на месте не оказалось. Рано утром его вызвали в губернаторский дом и дали указания немедленно ехать в Мулловку для «мирных переговоров» между рабочими и предпринимателями.

«Дипломат» прибыл на фабрику в сопровождении отряда казаков, пяти жандармов и до зубов вооруженного исправника. Фабричный инспектор встретился с пред-

ставителями Торгового дома и ознакомился с положением дела. Пока велись «переговоры», пока губернаторский посланник убеждал братьев Алеевых не закрывать фабрику «во избежание больших неприятностей», в селе и в фабричном дворе проводились профилактические мероприятия. Казаки разъезжали по улицам Мулловки, искали агитаторов и наблюдали за настроением массы.

Фабричный инспектор и предприниматели договорились не закрывать фабрику до более подходящего момента, о чем и было доложено губернатору. Ставропольский исправник сообщил, что инцидент между рабочими и фабрикантами исчерпан и беспорядки не допущены[92].

* * *

Еще в 80-х годах прошлого столетия суконная промышленность России стала переживать кризис, который вызван повышенным интересом населения к легким шерстяным и хлопчатобумажным тканям. Чтобы быть вне конкуренции, старый Алеев в срочном порядке закупает новое оборудование, расширяет ассортимент товаров. Первой новинкой на фабрике появились в 1894 году сначала два, потом еще восемь механических «самоткацких» станков.

Механическое ткачество позволило наладить производство легких и красивых шерстяных изделий: драпов, шевиота, трико. В начале XX столетия на мулловской фабрике вырабатывались ткани двадцати артикулов. Ткали серо-офицерские, серо-армейские, черные и коричневые сукна, байку, бобрики, вигонь*, каразею, одеяла всевозможных рисунков и цветов. Торговали сукнами на нижегородской, мензелинской, симбирской, самарской и буинской ярмарках, а также в Москве, Казани и Мелекессе.

После смерти Хасана Алеева фабрика перешла к его сыновьям Хусаину и Гаясу. Будучи несостоятельными к ведению дел, наследники образовали Торговый дом, связав себя контрактами с другими компаньонами. Оба брата пропадали в притонах и беспробудно пьянствовали,

---

* Вигонь — рыхлая и пушистая аппаратная пряжа, изготовленная преимущественно с примесью отходов шерстопрядильного производства. Наиболее распространенные ткани, вырабатываемые с применением аппаратной пряжи, начесные — бумазея и байка.

а делами фабрики ведала «директория», избранная сорока членами «компании».

Экономические затруднения, вызванные главным образом падением цен на шерстяные изделия, тяжелым бременем легли на плечи трудящихся. Рабочим фабрики были снижены расценки. Их изнурительный труд оплачивался копейками*. Денег хватало лишь на то, чтобы поддержать жизнь. Доведенные до отчаяния, они шли в кабак, пропивали гроши, глушили в драках смертельную тоску.

В это время до заволжской глуши стали доходить могучие раскаты начавшейся революции. В мае 1905 года мулловские суконщики были свидетелями стачки мелекесских ткачей и кожевников. Осенью люди наблюдали зарницы горящих господских имений. Вскоре всеобщее возмущение рабочих потрясло стены суконной фабрики.

Рабочий Николай Васильевич Данилов связался с мелекесской группой социал-демократов и стал доставлять в Мулловку листовки и прокламации. Он призывал товарищей поддержать революционное движение масс. Агитатора выследили и выгнали с фабрики. Он устроился на льнопрядильной мануфактуре в Мелекессе и продолжал снабжать суконщиков большевистской литературой. Но Данилов был пойман, арестован, избит и внесен в список политически неблагонадежных лиц[93].

Текстильщики провели собрание и предъявили хозяевам ряд экономических требований, направленных на увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня. Кратковременные стачки, проведенные в цехах, вынудили хозяев увеличить расходы на лечебные цели, несколько повысить оплату труда и отказаться от продажи челноков.

В Торговом доме возникла междоусобица. С одной стороны, наступательное движение рабочей массы, а с другой — расточительный образ жизни владельцев фабрики лишали «директорию» больших барышей. «Компания» предпринимала не одну попытку к закрытию предприятия, и в ноябре 1907 года фабрику все-таки остановили. 900 рабочих остались без крова и без средств к жизни.

---

* В 1902—1907 годах женщины-работницы получали от 20 до 30 копеек в день.

Об уволенных с фабрики рабочих самарская газета «Волжское слово» в номере от 10 января 1908 года писала:

«...Все они (безработные. — **М. С.**) очень нуждаются. Одни из них обивают пороги правительственных и общественных учреждений в части найти работу, другие ходят по домам обывателей и просят работы по хозяйству за пищу или деньги, третьи, наконец, под страхом голодной смерти решаются на кражи и грабежи. Кроме того, отсутствие дешевых столовых сильно отразилось на безработных, увеличив среди них всевозможные заболевания, а с наступлением холодов начались заболевания дифтеритом и скарлатиной, от которых погибают дети безработных»[94].

Крайне реакционную газету «Голос Самары» беспокоило другое.

«Закрытие суконной фабрики Х. Х. Алеева, — писала она 20 февраля 1908 года, — значительно увеличило кадры безработных в посаде, конечно, прибавило работу местной полиции, наличный штат которой нельзя признать достаточным для такого промышленного и торгового пункта как Мелекесс»[95].

Богачей тревожило не растущее число людей, остающихся без хлеба, не судьба безработных, а боеспособность полицейских сил, наличный их штат, на котором держится власть имущих и который призван охранять существующий режим. Возмущение безработных заставило губернскую администрацию открыть в мулловской даче временные лесоразработки. В самой острой нужде прошел еще один год.

Многочисленные кредиторы Алеевых собрались в Симбирске, где находилось правление Торгового дома, и решили пустить фабрику, чтобы вернуть растраченные компанейские деньги. Они договорились делить доходы от реализации продукции сообразно величине вложенных капиталов.

В 1909 году фабрика была пущена. Приказчик Гайнетдин к тому времени изрядно проворовался и, купив в Мелекессе каменный дом, отошел от предприятия. Управляющим остался Гаяс Алеев.

Купцы не доверяли друг другу. На отчеты собирались «всей директорией». Итоги подводили с руганью, пьянством, дело доходило до мордобойства. Стремясь вернуть

свои деньги, «компания» шла на неуклонное снижение расценок, и к лету 1910 года заработки суконщиков настолько уменьшились, что часть из них оставила фабрику и ушла внаем к богатым землевладельцам.

Компаньоны, видимо, теряли надежду на получение прибыли и стали выходить из Торгового дома. Алееву предъявили большой иск. Фабрикант решил выкрутиться из создавшегося положения. В тюрьму садиться он не хотел, а для расплаты не располагал средствами; объявить себя «несостоятельным» мешала фабрика, и Алеев сделал то, что принято делать в купеческом мире... В сентябре 1910 года он поджег предприятие.

Пожар возник в машинном отделении. Вскоре огонь охватил и остальные цехи. Загорелась шерсть, смазочные материалы, машины, станки. Управляющий разогнал рабочих, пытавшихся потушить пожар. Всем он угрожал взрывом котлов. Однако взрыва не последовало. Фабрика сгорела.

Причина пожара не являлась секретом. Рабочие открыто критиковали звериные законы купечества, стержнем которых стояла народная поговорка: «Человек человеку—волк».

* * *

В числе компаньонов в Торговом доме Алеевых был богатейший купец Сарезетдин Бахтеев. Его отец, известный в селе Старом Шаймурзине* кулак и арендатор земли, в 1885 году завел в Мелекессе хлебный амбар и мануфактурный магазин. Оборотистый торгаш скупал у крестьян хлеб на корню и богател с поразительной быстротой. Очень скоро Ш. Бахтеев записался в купцы.

Сын его Сарезетдин пристрастился к суконному делу и занялся скупкой и перепродажей шерсти. В самом начале XX столетия С. Бахтеев захватил в свои руки всю шерстяную торговлю и сделался единственным поставщиком сырья для всех суконных фабрик Симбирской губернии.

Паи Бахтеева в компании Алеева были настолько значительны, что он без особых капиталовложений взял себе сгоревшую фабрику в Мулловке и действующее

---

* Село Старое Шаймурзино бывшей Симбирской губернии, ныне Татарской АССР.

предприятие в селе Линевке Симбирского уезда. В короткий срок на мулловской фабрике провели ремонт и уже в 1912 году установили новое оборудование: три щипальные машины, шесть секретов*, одиннадцать сельфакторов**, 89 ткацких одночелночных станков, семь сукновальных машин и другие приспособления. Новым на фабрике стало устройство механической сушилки с одиннадцатью подвижными рамами и освещение главных цехов электричеством.

Владелец фабрики организовал фирму под именем «Торговый дом С. Ш. Бахтеев с сыновьями». Управление фабрикой С. Бахтеев поручил одному из пяти сыновей — Измаилу и полностью сохранил алеевские порядки. Ввел штрафы, нанял надсмотрщиков, использовал дешевый труд женщин и детей. В отличие от прежних хозяев купец организовал двухсменную работу, продолжительностью по 12 часов каждая.

На первых порах предприятие выпускало шинельные и пальтовые сукна, бобрики, одеяла, шали. В 1913 году выработано и продано 111 100 аршин бобрика, 12 139 шалей и одеял, 55 500 аршин серого шинельного и столько же грубого пальтового сукна. Основной капитал предприятия составил 104 852 рубля 74 копейки. Получено прибыли 34 877 рублей 88 копеек.

Не трудно понять, из каких статей складывалась прибыль. В 1913 году 343 рабочим выплачено заработной платы 34 502 рубля, или по 100 рублей 58 копеек в среднем на человека. Дневной заработок рабочего был всего лишь 33,8 копейки, а месячный — 8 рублей 38 копеек[96]. В то же время затраты на один аршин сукна составляли в 1913 году по 4,98 копейки[97].

Большим стимулом в развитии производства шерстяных тканей оказалась война, развязанная империалистической Германией в 1914 году. Бахтеевы приняли большие суконные подряды. И в 1916 году фабрика выпустила 844 903 аршина сукна[98].

Война же для народа—настоящее бедствие. Здоровых рабочих мобилизовали на фронт. Тяжелый физический труд лег на плечи женщин и детей. Вздорожали продук-

* Секрет — вторая чесальная машина аппарата.

** Сельфактор — прядильная машина периодического действия. Машина старой конструкции. В настоящее время она не применяется.

ты, а заработная плата оставалась по-прежнему низкой. В 1915 году средний месячный заработок рабочего составлял на фабрике 8 рублей 50 копеек.

Дуновением свежего ветерка принесло за Волгу весть о политических стачках рабочих Москвы и Петрограда. Вскоре заволновались трудящиеся Самары и Симбирска. В мае 1915 года объявили стачку работницы швейного цеха Мелекесской льнопрядильной мануфактуры[99]. Отказалась идти на войну группа крестьян из села Большая Кандала[100].

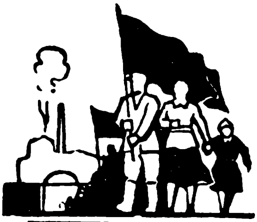
Началось брожение масс в Мулловке. В тесных фабричных казармах при тусклом свете керосиновых ламп коммунисты вели беседы, читали запрещенные брошюры и прокламации. Помощник механика М. М. Иванов и спасавшийся от полицейского сыска рабочий Алексей Дергачев рассказывали рабочим правду о войне и царизме, о сущности капиталистического строя.

Очень скоро гневный голос рабочих вылился в угрожающую петицию. Фабриканту предъявили требование — немедленно пересмотреть тарифные ставки и повысить оплату труда. Боясь волнений, хозяин пошел на уступки и в 1916 году заработную плату рабочего довел до 18 рублей в месяц[101].

В том же году в рабочих общежитиях раздались бодрые революционные песни: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» и «Отречемся от старого мира»... В гуще обездоленных масс просыпались и сплачивались могучие силы.

На исходе зимы 1917 года вместе с вьюгами в Мулловку влетела радостная весть: «Царя скинули! В России революция!»

Фабрику остановили. Шестьсот текстильщиков вышли на улицу. Над головами заалели яркие полотнища флагов. Вынесли наскоро написанные лозунги: «Долой царское самодержавие!», «Да здравствует свобода!» Демонстрируя свое единение, рабочие прошлись строем по центральной улице села до дома купца Маркова и обратно. Дорогой пели песни и скандировали революционные призывы.



ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Весна в том году была дружная. От палящих лучей солнца как-то сразу сдался, растаял снег. Потоки полой воды забушевали в долинах. Птичьим гамом наполнились леса. Начавшаяся в Петрограде революция предвещала грозные события, коренную ломку старых устоев.

Первым шагом в борьбе против власти мулловского капиталиста явилось создание на фабрике профессионального Союза рабочих текстильной промышленности. Основание Союза происходило в марте 1917 года под знаком профессионального единения рабочих, готовых к борьбе за свои права. В состав первого фабкома были избраны: Н. Баранов, А. Гемранов, П. Демков, П. Евстигнеев, Г. Зайцев, А. Михайловский, И. Мифтахутдинов, И. Ситников, К. Хайруллов, А. Шигорин, Ф. Щербаков.

Решения фабкома (они касались главным образом приема и увольнения рабочих) встретили сопротивление со стороны владельца фабрики. Нужны были совместные действия рабочих других предприятий, чтобы заставить фабрикантов и заводчиков считаться с профсоюзами.

17 апреля 1917 года в селе Гурьевке состоялся первый съезд делегатов суконных и писчебумажных фабрик Симбирской губернии. Съезд принял ряд важных постановлений об улучшении условий труда, сокращении продолжительности рабочего дня и увеличении заработной платы.

В конце апреля в Симбирске собрались представите-

ли рабочих суконных фабрик, кожевенных и свечесальных заводов Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской губерний. От мулловской фабрики на съезде участвовали столяр Ф. М. Регентов и конторщик П. А. Мещанкин.

Съезд разработал и установил единые тарифные ставки для рабочих всех суконных фабрик Поволжья, принял постановление об использовании штрафного капитала и по продовольственному вопросу.

Решения съезда предъявили союзу фабрикантов и заводчиков. Как и следовало ожидать, капиталисты отвергли требования рабочих. Тогда делегаты съезда внесли предложение об объявлении всеобщей забастовки. Союз фабрикантов сдался и дал согласие выполнить решения съезда.

Хотя через несколько дней между рабочими и предпринимателями было достигнуто компромиссное соглашение по ряду важнейших вопросов, однако фабрикант И. Бахтеев продолжал держаться собственных мнений. В первых числах мая рабочие явились к купцу с требованием о переводе предприятия на восьмичасовой рабочий день. Он надменно заявил:

— Работайте как работали. Ничем помочь не могу.

— Мы требуем сокращения рабочего дня. Мы имеем на это право. Есть же решение съезда, — говорили уполномоченные.

— Фабрика наша. Собственная, — подчеркнул Бахтеев. — И только мы властны менять в ней порядок. Восьмичасовой рабочий день нам убыточен и на это не пойдем. — Немного погодя добавил: — Если кому не нравятся наши порядки, может уйти. Задерживать не стану.

В тот же день рабочие фабрики обратились с коллективным письмом в посадский комитет РСДРП. Рабочие просили оказать им помощь в претворении в жизнь решения съезда профсоюза. Через пять дней с мандатом уездного комитета на фабрику приехали Василий Кисин и Николай Юсов. Они потребовали от хозяина немедленного созыва собрания, но Бахтеев был против. Уполномоченные настояли на своем.

Собрание проходило бурно. Ранее молчаливые, забитые люди заговорили громко, высказывали свои обиды. Говорили о штрафах, о незаконных увольнениях, о ни-

щенских заработках, о тяжелой жизни и подневольном труде. Со страстными речами на собрании выступили мелекесские большевики.

— Прошли те времена, когда безраздельно хозяйничали фабриканты да заводчики, — говорил В. Кисин. — Не для того низвержен царизм и совершена революция, чтобы вы, господа Бахтеевы, грабили народ и пили кровь рабочего класса.

Люди улыбались, аплодировали, выкрикивали одобрительные возгласы. Свирепого и властного фабриканта будто подменили. Он осунулся, изменился в лице, лепетал о любви к народу, обещал благодеяния. Но его рабочие уже не слушали. Они единодушно потребовали от фабриканта немедленно установить восьмичасовой рабочий день.

Большевик Кисин предупредил хозяина об ответственности за нарушение решений рабочих собраний.

На другой день фабричный гудок раздался не в пять, а в восемь часов утра. И с работы суконщики ушли задолго до заката солнца. Фабрика перешла на трехсменную работу.

Фабричный комитет незамедлительно пересмотрел существующие тарифы оплаты труда. К 1917 году годовой заработок рабочего средней квалификации на мулловской фабрике был 213 рублей 30 копеек, а жалованье надсмотрщиков — 492 рубля 20 копеек, то есть в 2,3 раза выше заработной платы рабочего. Управляющий фабрикой получал в 18,3 раза больше, чем рабочий. По пересмотренным расценкам заработная плата рабочих увеличилась в 2,2 раза и составила 467 рублей 6 копеек в год[102].

24 июня 1917 года мулловские рабочие приняли живейшее участие в заседаниях первого съезда текстильщиков Поволжского района. На съезде было представлено 26 фабрик, объединяющих до 40 000 рабочих. Главной темой докладов было отыскание путей и форм дальнейшей борьбы за свои права. Причиной тому явились опубликованные 23 апреля (по старому стилю) законоположения Временного правительства, ставшие на защиту капитализма.

Съезд прошел под лозунгом сплочения революционных сил рабочих-текстильщиков. Делегаты клеймили позором двурушническую политику ставленников бур-

жуазии и призывали к решительным действиям против эксплуататоров.

Борьба с власть имущими охватывала самые широкие слои трудящихся. Вместе с рабочими отстаивали свои права сельские крестьяне. Волостное правление в Мулловке было заменено Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Бедняк Степан Еболдов единогласно избран первым председателем Совета. Из города приезжали ораторы. Частыми гостями на фабрике стали мелекесские большевики: Е. Н. Аблов, Я. Е. Пискалов, Н. И. Юсов, В. А. Тараканов. Проводились бурные собрания, читали лекции и доклады. По свидетельству слесаря Кузьмина, можно видеть чудную картину пробуждения. «Люди, — говорил он на съезде текстильщиков, — шли за десять верст на собрания, как на великий праздник, шли с великой радостью и воодушевлением»[103].

Измаил Бахтеев с тревогой следил за обстановкой в стране. Он ежедневно посылал в Мелекесс верного человека за свежими газетами и телеграммами. Внимательно читал он газеты, стараясь вникнуть в существо событий и предугадать их течение. На фабричный комитет купец смотрел как на болезненный нарыв, от которого всеми мерами старался избавиться. Решения фабкома он не выполнял. Отказывая в приеме на работу ткачей Алексея Каблова и Василия Зотова, он угрожающе заявлял: «...Независимо от сего даю знать комитету, что всякие постановления комитета, не отвечающие требованиям существующего в силе закона, мною ни в коем случае не будут удовлетворяться»[104].

Рабочие решили поговорить с владельцем фабрики на общем собрании. Послали к Бахтееву милиционера Сергея Шигорина. Фабрикант ответил, что он не располагает временем ходить на всякие собрания. За ним послали вторично. Вместе с Шигориным пошел член фабкома Ибрагим Мифтахутдинов. Из рук рабочего Бахтеев взял извещение и, не читая его, порвал и затоптал ногами.

— Вот ваша записка! Вот ваш комитет! Не признаю я никакого комитета... Пошли вон, сволочи!.. — кричал фабрикант и сердито вытолкал рабочих представителей из комнаты[105].

Этот инцидент произошел 22 октября, а через пять

дней в Мулловку пришла весть о пролетарской революции в Петрограде, о переходе власти в стране в руки рабочих и крестьян. В село привезли декреты первого в мире социалистического государства за подписью первого Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Это были документы всемирно-исторической важности, провозгласившие мир вместо войны, передачу власти Советам, земли — крестьянам, фабрик и заводов — в руки рабочих.

Октябрьская революция 1917 года в Мулловке встречена с беспредельной радостью. В селе проходили митинги и демонстрации. Ораторы разъясняли значение революционных перемен в стране, призывали стойко охранять завоеванную свободу. Народ единодушно голосовал за Советскую власть.

Фабрикант Бахтеев чувствовал под своими ногами зыбкую почву, и он сделал не одну попытку, чтобы удержаться на ней. В ноябре вкупе с приезжими эсерами на одном из собраний он хотел протащить антикоммунистическую резолюцию, призывая рабочих «...протестовать всеми имеющимися средствами в руках революционной демократии против насильственного действия авантюры, так называемых большевиков».

Текстильщики быстро разгадали маневр фабриканта и отвергли резолюцию, а эсеро-меньшевистских крикунов стащили с трибуны[106].

После этого купец предъявил фабкому новые расценки, направленные к дальнейшему закабалению рабочих.

В ответ на неуклюжие попытки фабриканта остановить революционное движение масс мулловские трудящиеся еще крепче сплачивали свои ряды вокруг партии большевиков, держали курс на Советы. Вот что они писали профессиональному Союзу рабочих суконных фабрик Симбирского района:

> *«Товарищи! На общем собрании всех рабочих и служащих нашей фабрики, состоявшемся 24 ноября, был поставлен вопрос о расценках, предложенных нам союзом фабрикантов, который был единогласно отклонен, и в дальнейшем будем ждать вашего распоряжения. Если будет дано распоряжение о стачках, надеемся стачку провести вполне сознательно и просим вашей поддержки. Телеграмму от-*

носительно стачки направляйте в Мелекесс Совету рабочих депутатов.

Товарищи! Мы вполне поддерживаем принятую вами резолюцию: Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

С товарищеским приветом.

Председатель Н. Юсов.

Секретарь А. Шигорин»[107].

* * *

Молодая республика Советов переживала волнующие дни. Народные массы повсеместно ломали сопротивление буржуазии, устанавливали Советскую власть и закладывали основы новой жизни. А время было тревожное. Против Советской России повели борьбу недобитые генералы царского самодержавия и империалисты западных держав. В район Мурманска и Архангельска подошли целые армады военных кораблей США и Англии. Черное море блокировали французы. Петрограду угрожала белогвардейская армия генерала Юденича. С Сибири и Урала наступали армии Колчака и Дутова, а на Волге восстал чехословацкий корпус. Они стремились задушить революцию, реставрировать капитализм и поработить трудящихся. Страна оказалась в огне гражданской войны.

По зову партии большевиков на защиту завоеваний революции встали рабочие и крестьяне всей советской земли. В конце января 1918 года на мулловской фабрике провели запись добровольцев в отряды Красной гвардии. В феврале фабричный комитет обратился в исполком Мелекесского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с просьбой о выдаче оружия для отрядов самообороны. В конце февраля такую же просьбу фабком направил в профсоюз текстильщиков Поволжского района.

Вторжение белогвардейских банд в пределы Поволжья вызвало законную тревогу среди рабочих фабрики. 6 апреля они снова повторили свою просьбу прислать винтовки и патроны[108]. Оружие поступило в мае 1918 года. Рабочим выдали винтовки, гранаты

и револьверы. Днем они трудились в цехах, ночью несли дежурство. В полной тревоге прошел месяц.

В июне контрреволюционные элементы при поддержке белогвардейских банд свергли Советскую власть в Мелекессе. Вскоре от пушечной пальбы зазвенели стекла мулловской фабрики. В село вступили белые...

Из нор вылезли притихшие богачи. Они с оружием рыскали по селу и ловили активистов. Кулак С. И. Никитин убил разведчика мелекесского рабочего отряда Можелова. Эсеры, меньшевистские головорезы явились на фабрику и глумились над женщинами, насиловали их. Ткача Андрея Голованова, заступившегося за свою жену, расстреляли.

Фабрика остановилась. Рабочие с оружием в руках ушли в лес и стали вести борьбу с белогвардейцами. Председатель Ревкома Василий Кудрявцев и ткач Василий Чванов возглавили партизанский отряд, сформированный из рабочих-суконщиков. Отряд крестьян-добровольцев повел против белогвардейцев брат председателя местного Совета Осип Еболдов. Заместитель председателя фабкома ткач С. А. Левашев вооружал рабочих, охранял фабрику, спасал сукно от белых. В тяжелых условиях контрреволюционного террора рабочие держали под своим контролем склады готовой продукции и не давали фабриканту сбывать товар на сторону.

12 сентября 1918 года части Красной Армии штурмом взяли город Симбирск — родину В. И. Ленина. В середине сентября началось решительное наступление наших войск по всему Заволжью. На мелекесском направлении впереди наступающих колонн шел ударный полк латышских стрелков. Дорогу ему показывал молодой большевик, бывший слесарь мулловской фабрики Василий Кисин. Вскоре весь уезд был очищен от контрреволюции.

В ознаменование первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции рабочие фабрики на общем собрании постановили: национализировать предприятие и передать его в введение Совета народного хозяйства[109].

Это событие в жизни рабочих имело громаднейшее значение. Национализация фабрики уничтожила всякую эксплуатацию человека человеком, положила конец гос-

подству Бахтеевых. Решение рабочего собрания было утверждено исполнительным комитетом уездного совнархоза 14 февраля 1919 года. Бахтеевы все это время жили в Мулловке. Они надеялись на реставрацию капитализма, ждали падения Советской власти[110]. Покидая насиженное место, Бахтеевы захватили с собой ценные вещи, конторские книги, документацию фабрики[111]. Они, по-видимому, надеялись когда-нибудь возвратиться в Мулловку. Но колесо истории не повернулось вспять.

* * *

Мулловка делала первые шаги в новой жизни. В ноябре 1918 года на общем собрании текстильщики избрали правление фабрики. В состав правления вошли бухгалтер Леонид Титов, заведующий фабрикой Абдрахман Валеев и механик В. А. Гриченко. Чтобы убедиться в их работоспособности, им установили срок полномочий шесть месяцев. Правление фабрики совместно с фабкомом взяло на учет машины, оборудование и запасы сырья.

Осенью 1918 года паросиловое хозяйство фабрики состояло из трех паровых котлов с площадью нагрева в 3500 квадратных футов, трех паровых машин и одного локомобиля общей мощностью в 250 лошадиных сил. Действовало водяное колесо на 25 лошадиных сил. В цехах работало семь чесальных аппаратов, десять сельфакторов на 345—360 веретен и 89 механических ткацких станков, из которых 17 бездействовало[112]. Все это оборудование было установлено в 1912 году после пожара и за шесть лет непрерывной работы изрядно износилось[113].

В сырьевых складах в городе Симбирске у Бахтеевых изъято более 23 500 пудов различной шерсти. В том числе мытой 6298 пудов, верблюжьей 3321 пуд, коровьей 2090 пудов[114].

Новое правление организовало трехсменную работу на фабрике и обеспечило безукоризненное выполнение заказов военного времени. Несмотря на большие трудности, вызванные войной и разрухой, все цехи и отделы работали четко и организованно. Каждые сутки прядильное отделение готовило по 100 пудов пряжи, ткачи давали по 2400 аршин суровья. В 1919 году фабрика выра-

ботала сукна для 90 000 шинелей, много портянок и одеял[115].

Сразу же после конфискации на фабрике по инициативе фабкома был создан самодеятельный рабочий театр. Сцену и зрительный зал устроили в фабричном здании, в старом помещении отделочного цеха. Из дома бывшего хозяина принесли стулья, столы, зеркала, диван и другую мебель. 12 декабря 1918 года на первом заседании членов культурно-просветительной секции выделили организаторов и руководителей кружков самодеятельности. Коммунисту М. Кузьмину поручили организовать оркестр народных инструментов, члену профсоюза Михаилу Шитику — руководить хором, столяру Федору Регентову — быть декоратором театра. Секция возбудила ходатайство перед профсоюзом текстильщиков Симбирского района о выделении комплекта инструментов для струнного оркестра[116].

Инструменты и ноты получили летом 1919 года, но еще задолго до их прибытия любители музыки пришли в театр со своими гармониками, балалайками, мандолинами и гитарами. Составился оркестр, ставший любимцем рабочей аудитории.

В декабре 1918 года впервые за многолетнюю историю предприятия перед рабочими выступил свой самодеятельный театр. Революционные пьесы до фабрики еще не дошли. Ставили комедию А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся». Перед спектаклем докладчик рассказал о положении дел на фронтах гражданской войны и в Советской республике, с гневом отозвался о буржуях — душителях свободы, которые «выведены на чистую воду в пьесе Островского».

В жизни коллектива фабрики с каждым днем происходили все новые положительные перемены. Между русскими и татарами появилась и стала быстро крепнуть хорошая дружба. Рабочие татары стали приобщаться к активной общественной жизни предприятия. Их избрали в состав правления, фабричного комитета и в комиссию общественного контроля. Вместе с русскими татары решали важнейшие вопросы жизнедеятельности фабрики.

После октября 1917 года и изгнания Бахтеевых страшные законы шариата повсеместно стали нарушаться. Татарская женщина стала посещать театр, учиться в школе. В январе 1919 года татары создали националь-

ный кружок самодеятельности и выступили с театральной постановкой. Раньше участие в подобном мероприятии считалось тягчайшим грехом перед аллахом, но теперь... кары уже не боялись. Татары узнали правду и о боге, и о земле, иными глазами увидели окружающий мир. Передовые люди фабрики: бухгалтер Гаяс Сатдаров, учителя супруги Туктаровы, слесарь Абдрахман Гемранов неустанно вели антирелигиозную пропаганду, читали лекции, выступали с докладами, проводили беседы на различные злободневные темы.

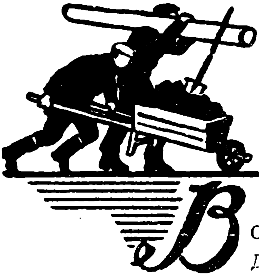
Начало 1919 года вошло в историю фабрики еще одним значительным событием. 26 января в селе Мулловке, в доме бывшего попа Акинфиева, бежавшего с белогвардейцами, открыт клуб, ставший центром культурно-просветительной работы среди местных крестьян и рабочих винокуренного завода. При клубе организованы коллективы коммунистов и сочувствующих; открыты народная библиотека и читальня. В организации клуба живейшее участие принимали учителя супруги Николаевы и Е. А. Журавлева[117].

Большая организаторская работа в это же время проводилась среди текстильщиков фабрики. Для работы по вовлечению в партию наиболее активных и сознательных тружеников сюда приехали агитатор Мелекесского укома РКП(б) А. Курганов и представитель мусульманской организации Самарского губкома РКП(б).

Сама мысль о создании коммунистической ячейки текстильщиками была встречена с большой радостью. Они через уездную газету «Рабоче-крестьянская правда» выразили свою благодарность Самарскому губкому РКП(б).

В феврале 1919 года на фабрике создана коммунистическая ячейка, положившая начало большой и интересной истории партийной организации предприятия[118]. Через два дня коммунисты фабрики приняли участие в работе уездного съезда Российской Коммунистической партии.

Первым секретарем партийной ячейки был избран слесарь М. Кузьмин.



ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

Война продолжалась. Фронт откатился далеко на восток. Газеты приносили скупые, но радостные известия о победах Красной Армии над войсками Антанты. На фабрику приходили письма из дремучих лесов Сибири, из песчаных степей Туркестана. В перерывах между боями земляки делились своими успехами, интересовались судьбой предприятия. Солдаты засыпали рабочих вопросами. Они хотели знать все. Спрашивали, какое сукно выпускает фабрика, как снабжается дровами, какой выдается паек.

Наступил 1920 год. В Мулловку пришли дни тяжких испытаний. Не хватало хлеба. Продукты привозили с большими перебоями. Рабочие недоедали, не было топлива. Почти ежедневно после трудового дня они рубили лес, возили на себе дрова.

Страшным бедствием явился тиф. Он вспыхнул в январе и с жестокой беспощадностью валил людей. Маленький стационар был заполнен больными до отказа. Под лазарет заняли половину жилого барака. Из 345 человек в строю осталось немногим более 230. Фабрика перешла на односменную работу. Резко пала производительность. В первый месяц нового года фабрика выработала всего лишь 9526 аршин шинельного сукна.

Создалось угрожающее положение невыполнения важнейших заказов для армии. Коммунистическая ячейка, правление и фабричный комитет понимали всю сложность обстановки и принимали срочные меры. Из числа местных крестьян и эвакуированного населения приняли

новых рабочих, открыли курсы фабрично-заводского ученичества.

В критический для фабрики момент на арену выступает молодежь. 12 февраля 1920 года более 300 рабочих и крестьян собрались в фабричном театре. С докладом о задачах Союза молодежи выступил представитель уездного комитета РКСМ Г. Рейтановский. На собрании по рекомендации коммунистов приняли в комсомол Александра Красноярского, Анатолия Шеленева, Анну Михайлову, Владимира Титова. А на другой день они спешили в Мелекесс за комсомольскими билетами.

Славная история комсомольской ячейки началась активным вторжением молодежи в жизнь фабрики. Уже в феврале при участии комсомольцев и молодежи провели «Неделю фронта». Агитаторы коммунистической ячейки Хайруллин, Сафиуллин, Леднев и другие читали лекции и доклады о текущем моменте, вели беседы о целях «Недели фронта». Комсомольцы и молодые рабочие поставили спектакли «Беднота» (на татарском языке), «На конспиративной квартире», «Три войны», «Бунтарь», «На свободе»[119].

Большая организаторская работа, проведенная в массах коммунистами и комсомольцами, способствовала ликвидации прорыва. В феврале фабрика дала для армии более 13 000 аршин сукна, а в марте — 15 473.

В труднейших условиях хозяйственной разрухи прошла зима. В самый разгар весеннего паводка вешние воды прорвали пруд. Фабрика встала. Прекратило работу единственное суконное предприятие Самарской губернии.

Партийная ячейка и фабричный комитет бросили клич: восстановить плотину. Первого мая в ознаменование международного праздника братства рабочих всех стран сотни мужчин и женщин с лопатами и тачками вышли на коммунистический субботник. Многие мулловские крестьяне приехали на лошадях и добровольно подвозили землю, колья, сваи. Люди трудились, забыв о голоде, не зная усталости. Общими усилиями плотина была восстановлена, и 26 мая фабрика пущена в ход[120].

Шли дни напряженного труда и тягостных лишений. Рабочие фабрики оказывали яростное сопротивление голоду и тифу. Создавали общественные продовольствен-

ные фонды, активизировали кассу взаимопомощи. Ежемесячно проводили «Недели помощи фронту».

В те тяжелые дни мулловские текстильщики стали думать о продукции мирного времени. Наряду с выполнением военных заказов фабрика делает попытку производить товары повседневного спроса. В августе рабочие соткали 697 шалей, а в сентябре начали выпускать трико[121]. Производство этих изделий было еще мизерно малым. И оно не могло удовлетворить большие потребности разоренного населения. Но отрадный поворот к мирной жизни сделан.

Рабочие твердо верили в правоту своего дела и в скорую победу над силами контрреволюции. Они мечтали «о производстве самых благородных шерстяных тканей» для народа. Мечты их сбылись. 4 декабря 1920 года командующий войсками Заволжского Военного Округа и Чрезвычайный уполномоченный Совета по снабжению армии Краевский передал в Мулловку телеграмму председателя Промвоенсовета Богданова. В ней сообщалось:

> *«Доблестная Красная Армия уничтожила последнего серьезного врага республики Врангеля и в настоящий момент очищает границы республики от остающихся еще там банд Петлюры и Балаховича. Мы стоим перед возможностью сосредоточить главное внимание на хозяйственном строительстве страны. Но наши мирные работы только тогда будут идти спокойно, когда страна в достаточной мере будет защищена от внешних врагов. Пока последние не признают безоговорочно Советской России и мировой империализм не будет сломлен, мы должны быть бдительны и стоять во всеоружии, готовые отразить натиск врага...»*[122]

Телеграмму обсуждали в цехах и на фабричном митинге. Радость переполняла сердца текстильщиков. Они пели революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Мы — кузнецы», мозолистыми руками аплодировали телеграмме и голосовали за «повышение производительности и выполнение в полной мере даваемых заданий из Центра».

Рабочие фабрики ощущали громаднейший поворот в жизни. Конец войны предвещал скорый переход на

производство тканей для населения. А пока что орудия гремели на Дальнем Востоке, Красная Армия громила остатки белогвардейских наемников на границе с Польшей. Фабрика пока еще должна ткать серое шинельное сукно. Рабочие не огорчались. И даже решение губернского Совета о снижении пайка в апреле 1921 года они восприняли как должное.

— С новым урожаем заживем по-новому, — говорили рабочие. — Много ждали, много терпели, а уж немного подождем.

Все знали: по губернии рыскают кулацкие банды, грабят общественные амбары, жрут заготовленный хлеб. Но люди верили, что дни этих банд сочтены.

Наступило лето 1921 года, а вместе с ним в Мулловку пришла большая беда. Нехожеными тропами, сквозь чащи лесов проник на поля суховей и выжег крестьянские посевы. Он прошелся по огромному пространству поволжских земель, оставив без хлеба разоренные войной города и села.

Вместе с голодом вспыхнули эпидемии тифа, холеры и оспы. Катастрофически быстро росли цены на продукты. К первому августа 1921 года на рынке города Мелекесса цена пуда пшеницы поднялась до 140 тысяч рублей, пуда картофеля до 60 тысяч рублей, фунта масла до 13 тысяч рублей, фунта мяса до 2 тысяч 500 рублей[123]. Люди истребили домашний скот, поели кошек и собак, употребляли в пищу листву и коренья, откуда-то возили «съедобную» глину. Еще раз был снижен паек.

Коммунисты фабрики, администрация и фабком ценой больших усилий сплачивали коллектив против разрухи и смерти. Нужно было сохранить в людях душевные силы для укрепления революционного порядка и выполнения производственных заданий. Употребляли средства агитации и пропаганды, прибегали к законам военного времени. В цехах повсюду висели призывы:

«Рабочие, работницы, красная молодежь, честные трудящиеся! Высокой выработкой отразим наступление голода и тифа!»

«Каждый аршин сукна — это кусок хлеба».

Работали под лозунгом:

«Все на борьбу с голодом, с холодом, с разрухой!»

Рабочие сохраняли высокий моральный дух, имели большую выдержку и стойкость. Перед лицом голодной смерти, живя на фунте хлеба, они пели бодрые песни, ставили спектакли и концерты, проводили литературные вечера. Несмотря на голод и эпидемию, театр и школы продолжали работать. «Неделю боевого фронта» меняла «неделя трудового фронта, неделя помощи голодающему ребенку, защиты беспризорных детей». Призыв: *«Да здравствуют коммунистические субботники — прообраз грядущего свободного коммунистического труда!»* — стал символом жизни целого поколения людей, сплоченных единым стремлением трудиться во имя того прекрасного будущего, ради чего совершена революция.

Многие передовые рабочие активно участвовали в художественной самодеятельности. Это сновальщицы Александра Данилова и Матрена Петрова, стригальщица Клавдия Красильщикова, прядильщицы Пелагея Пальгуева и Анна Шеленева, конторщица Анна Михайлова и другие. Ни одна постановка не проходила без активного участия секретаря партячейки М. Кузьмина, счетовода Анатолия Шеленева, слесаря Александра Красноярского и шорника Петра Зубрилкина. Они были артистами, художниками, костюмерами. Сами сочиняли стихи и песни.

Стояла сухая ветреная осень. Жухлая листва на земле, почерневший лес. Строгие по начертанию афиши висели на заборах.

Внимание!
Идет неделя помощи голодающему ребенку.
Жертвуйте, жертвуйте, жертвуйте!
Сегодня в театре
ПЛАТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.
Весь сбор в пользу голодающих детей.

Помнятся вечера. Набитые залы людьми. Тусклый свет самодельных фонарей. Рабочие внимательно слушали взволнованные голоса фабричных артистов:

Враг наш, костлявая ведьма-старуха,
Зубы оскалила, смертью грозит...
О, не боимся тебя мы, старуха:
Молодость плещет и кровь в нас горит!..

Лихо отплясывая, пели задорные куплеты:

Не жужжи ты, спекулянт,
На базаре мухою,
Положи ты свой талант
На борьбу с разрухою.

Чем возить вперед-назад
Сало да баранину —
Помоги-ка лучше, сват,
Брату-поволжанину.

Затягивали широкие, многоголосые песни о раздолье русской земли, о матушке Волге. Ставили пьесы... А днем ткали сукна, хоронили умерших.

Голод вырывал из рядов лучших людей. Вместе с голодом «трудились» его верные спутники: холера и тиф. Люди умирали в цехах, за станками. Сошла в могилу поэтесса, любимица публики, комсомолка, конторщица Анна Михайлова, прозванная в народе Анной Грамотейкой. Ушли из жизни передовые ткачи — муж и жена Лучкины, Алексей Каблов, Степан Герасимов, Иван Ситников и многие другие.

А фабрика все-таки работала. Каждое утро ее гудок властно звал на работу. Могучий голос говорил о неукротимой силе людей и машин. Выпускаемая фабрикой продукция шла теперь для централизованного обмена на хлеб голодающему народу.

В это время раздался страстный голос великого вождя трудящихся Советской России В. И. Ленина. В своем обращении к международному пролетариату 2 августа 1921 года В. И. Ленин писал:

«В России в нескольких губерниях голод... Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.

Те, кто испытал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, — поймут

или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благородную, но тяжелую задачу свержения капитализма»[124].

Писатель А. М. Горький в те дни призывал:

«Страну Льва Толстого, Достоевского, Менделеева, Павлова, Мусоргского, Глинки и других дорогих всему миру людей ждут грозные дни... Я прошу всех европейцев и американцев помочь русскому народу со всей возможной быстротой. Дайте ему хлеб и медикаменты»[125].

На призыв В. И. Ленина и А. М. Горького откликнулись тысячи трудящихся Соединенных Штатов Америки, Норвегии, Швеции и других стран. В Россию стали направляться пароходы с зерном, обувью, одеждой, медикаментами. Братскую руку помощи протянули рабочие и крестьяне урожайных губерний: Украины, Сибири и Туркестана. Летом 1921 года Омская губерния отгрузила для Мелекесского уезда десятки вагонов с семенами и приняла из Самары 10 тысяч детей-сирот на содержание.

Отеческую заботу проявило государство о судьбе коллектива мулловских текстильщиков. В самые мрачные дни голода месячный хлебный паек выдавался по 32 фунта на рабочего и по 8 фунтов на иждивенца. Из Мулловки в Омскую губернию отправили группу детей-сирот. Весной 1922 года с помощью государства были засеяны крестьянские поля. Лето выдалось на редкость благоприятное. Хлеба уродились на славу. Народ вздохнул радостно. В августе 1922 года фабрика выработала 27 570 аршин сукна, выполнив месячное задание на 130 процентов. Заметно увеличились поступления сырья. В июле получено 4500 пудов шерсти.

* * *

Люди пережили тяжелую войну, перенесли лютый голод, хозяйственную разруху.

Поредевшие ряды комсомольцев пополнились новыми молодыми активистами. Февральским днем шестнадцатилетние подростки Иван Люкаев, Абдул Хакимов, Василий Елизаров и Сергей Смольков принесли из Мелекесса комсомольские билеты. Организация быстро росла.

Вскоре в ее ряды вступили Мария и Александр Васильевы, Зинаида Смолькова, Клава Симакова, Шура Данилова, Михаил Кузнецов. Душой комсомольской ячейки был ее секретарь Саша Гладков. Он умел вовлекать молодежь в самые разнообразные занятия. Фабричные комсомольцы работали то на воскреснике по уничтожению саранчи, то устраивали эстраду, а то ходили по улицам и разносили книги и газеты. О хороших делах мулловских комсомольцев много говорили односельчане, не раз писала уездная газета «Рабоче-крестьянская правда»[126].

Рабочие готовились к большой перестройке производственного процесса фабрики, к переходу на выпуск гражданских шерстяных тканей. Составили смету, подготовили расчеты и сделали заявки на сырье и материалы. Но на запросы в январе 1924 года из сукнотреста пришло предписание «по создавшимся в стране обстоятельствам фабрику... остановить, оборудование снять».

В Мулловке подумали, что произошло какое-то недоразумение. Для выяснения этого вопроса в трест выехал директор фабрики М. П. Кривенков. Из города Симбирска он вернулся 21 января с плохими вестями. Руководители треста приняли решение доработать остатки сырья и законсервировать фабрику.

Вечером того же дня суконщики собрались в клубе. Разговор зашел о судьбе предприятия и рабочего коллектива. Выступления были краткими. У всех на устах было одно: фабрику сберечь. Кто-то предложил написать письмо в Москву, Владимиру Ильичу Ленину. Мысль всем понравилась. Выделили комиссию для составления текста. Она должна была сесть за работу утром следующего дня. А утром на фабрику пришла горестная весть: 21 января 1924 года в Горках под Москвой умер Ленин.

Через два месяца, 25 марта 1924 года, руководители сукнотреста напомнили фабричному правлению о консервации предприятия. К тому времени управляющий трестом Маслов добился согласия от ВСНХ на отправку всего оборудования в Оренбург. Он телеграфировал из Москвы, чтобы в тресте немедленно рассмотрели и положительно решили вопрос о мулловской фабрике.

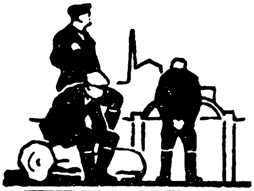
Большинство членов правления с полным безразличием отнеслось к судьбе предприятия. Против выступил

заместитель председателя губкома профсоюза текстильщиков коммунист Решетников. Он категорически возражал против демонтажа и отправки оборудования и предложил передать фабрику на ходу Мелекесскому льнокомбинату[127].

Вскоре выяснилось, что мелекесский комбинат не в состоянии принять суконную фабрику. Не достигнуто соглашение и о передаче ее Самарскому отделу местного хозяйства. Поэтому 3 июля было окончательно решено законсервировать мулловскую фабрику на длительный срок. Одновременно в тресте решался вопрос об остановке ишеевской и игнатовской фабрик. В ходе обсуждения этого вопроса капитулянты встретили резкий отпор от директоров фабрик и председателя губкома профсоюза Ростова. Однако в середине лета меньшевистское отрепье добилось решения о закрытии Самайкинской суконной фабрики[128].

5 июля 1924 года фабрика была остановлена. Без дела остались более 400 рабочих. Страна лишилась миллиона аршин шерстяных тканей.

Безработные текстильщики покидали село Одним удалось получить наряд и уехать на другие действующие предприятия. Другие кое-как перебивались на пособии по безработице и выжидали, надеялись, что все-таки пустят фабрику. Шли месяцы, а положение не изменилось. Теряя надежду на открытие фабрики, уходили из поселка и эти люди. Они прощались с фабрикой как с родным домом, обнимались с товарищами как с братьями.



ФАБРИКЕ ЖИТЬ!

Однажды вечером (это было 14 февраля 1925 года), когда в пустующей конторке по обыкновению собрались сумерничать сторожа и живущие в казармах безработные ткачи, из Мелекесса прибыл уполномоченный губкома текстильщиков Родионов. С тех пор, как остановили фабрику, высокое начальство перестало посещать Мулловку и приезд Родионова очень обрадовал людей.

— Скоро ли пустят фабрику? А пустят ли ее? — спрашивали мулловские текстильщики Родионова.

— Этот вопрос нужно поставить на губернском съезде профсоюза текстильщиков. Он состоится завтра в Мелекессе. Губком направил меня к вам провести собрание и избрать на этот съезд делегатов, — ответил Родионов.

Быстро подняли на ноги оставшихся при фабрике безработных. Делегатами на съезд избрали ткачей Григория Зайцева, Федора Шурыгина, Хасана Абайбурова, кочегара Николая Демкова, архивариуса Петра Зубрилкина, сторожа Сатдара Нуруллова и представителя губкома Родионова. Безработные дали наказ выступить на съезде в защиту своего предприятия.

Губернский съезд профсоюза текстильщиков открылся 15 февраля 1925 года в рабочем клубе льнокомбината. Главным в повестке дня съезда был вопрос об образовании в Мелекессе губернского фабричного комитета. Это мероприятие вызвано возникшим разнобоем в работе административных и общественных органов. Единственное текстильное предприятие в Самарской губернии — Мелекесский льнокомбинат — по административной ли-

нии подчинялось губернскому совнархозу, а профсоюзная организация находилась в прямой зависимости от Ульяновского губкома текстильщиков.

15 февраля съезд образовал в Мелекессе губернский фабком, передав ему все полномочия по профсоюзной работе среди рабочих легкой промышленности губернии[129]. На съезде мелекесские рабочие выразили возмущение по поводу закрытия Мулловской суконной фабрики и обещали оказать всемерную помощь и поддержку своим товарищам.

Со всей серьезностью вопрос о фабрике поставлен на первой губернской конференции профсоюза текстильщиков, проведенной 20 сентября 1925 года в Мелекессе. В докладе представителя укома РКП(б) тов. Чубаркина, в выступлениях председателя губфабкома В. Андреева, рабочего фабрики А. Красноярского и других участников конференции вскрыты подлинные виновники беспричинной консервации мулловской фабрики. Ораторы с презрением говорили о двурушниках членах «промпартии» и меньшевистских прихвостнях как о предателях рабочего движения. Они проводят в жизнь вредную политику «капитулянтства», деморализации государственной промышленности СССР. В резолюции, единогласно принятой делегатами, сказано:

«...Конференция шлет свое проклятие и клеймит позором меньшевистские партии, кои, несмотря на кровь трудящихся, пролитую в борьбе с капитализмом, продолжают лакействовать перед буржуазией».

Губернская конференция рассмотрела важнейшие вопросы, направленные на улучшение тарифно-экономической и культурно-просветительной работы среди трудящихся текстильной промышленности, а также провела организационные мероприятия по преобразованию губфабкома в губернский отдел[130].

В те дни Мулловка жила ожиданиями. Ждали ответов на письма, решений на резолюции, пособий по безработице, направлений на работу... Чего только не ждали, на что не надеялись? По утрам у фабрики собирались люди поговорить о житье-бытье, обсудить новости. А они как всегда были малоутешительными. Профуполномоченному Петру Зубрилкину приходилось объяснять одно и то же: в кассе денег нет.

А казалось, чего бы еще ждать? В губернии шел

демонтаж двух текстильных предприятий. В Мулловку приехала бригада слесарей снимать оборудование для ишеевской фабрики...

Но люди верили, что фабрика будет пущена вновь. Верили потому, что партия большевиков звала трудовой народ в поход за индустриализацию страны и кооперирование сельского хозяйства.

В 1925 году при закрытой фабрике находилось 117 безработных ткачей, присучалок, прядильщиков, сортировщиков сырья и других специалистов. 20 человек из этого числа несли пожарную и сторожевую охрану, один человек заведовал архивом. Безработным выделялись земельные участки, остронуждающихся в курортном лечении губфабком направлял в санатории. В истории фабрики лечение за счет государства, да еще безработных, производилось впервые. Эта забота партии радовала людей, воодушевляла их[131].

Каждый месяц на фабрику приезжали докладчики. Они проводили политбеседы, читали лекции о внутреннем и международном положении, о социализме и коммунизме. Два — три раза в месяц в красном уголке демонстрировались немые кинофильмы. На демонстрацию кинокартин приходили многие жители села. «Великий немой» всегда радовал людей. После просмотра кинофильма «Из искры — пламя» зрители письменно выразили свою благодарность советским кинематографистам за выпуск «пролетарской, родной по духу кинокартины»[132].

Члены губфабкома оказывали методическую и практическую помощь в налаживании культурно-массовой работы среди безработных текстильщиков. За счет средств профсоюза фабричная библиотека дважды, в 1924—1925 годах, пополнялась книгами. В фондах библиотеки имелась литература на татарском языке, выпущенная за годы Советской власти. Библиотечную работу вели комсомольцы на добровольных началах. В апреле 1926 года было дополнительно вовлечено 300 читателей из жителей села. 11 членов РЛКСМ и большая группа несоюзной молодежи создали кружок политграмоты. Собираясь через каждые три дня, они под руководством профуполномоченного П. Зубрилкина изучали «Историю партии» и постановления XIУ партсъезда[133].

...Приезд бригады слесарей с ишеевской фабрики

взбудоражил весь поселок. К конторе прибежали сторожа, безработные, их жены и дети, приковыляли и старики.

— Не дадим разорять фабрику! — кричали они.

Но бригадир слесарей имел мандат треста на демонтаж фабрики.

Исполняющий обязанности директора Мефодий Арсентьевич Васильев договорился с бригадиром о том, что он повременит со снятием оборудования, а сам выехал в Ульяновск.

— Что же это творится? — сказал он в управлении. — Фабрику законсервировали на время, а сами начинаете ее раскулачивать? Рабочие направили меня выразить вам протест. Мы будем жаловаться в Москву.

— Вам, товарищ Васильев, следовало бы думать своей головой, а не руководствоваться тем, что подскажут посторонние люди.

— Я придерживаюсь мнения рабочих. Фабрику мы бережем как родное дите... и не позволим!..

— Хватит, хватит горячиться. Мы возьмем только два аппарата. А при пуске установим их вновь. Кстати, получена директива из Высшего Совета* о восстановлении мулловской фабрики. Мы обменялись тут мнениями и решили пустить фабрику в ноябре—декабре будущего года.

— Почему будущего?

— Причин много. Рабочая сила, ремонт, сырье...

Фабрика будет пущена! Есть директива правительства! Значит, в Центральном Комитете партии правильно поняли мулловских рабочих!.. Эта новость всех обрадовала в Мулловке. У конторки снова собрались все рабочие.

— ...До пуска фабрики больше года. Стоит ли ждать? Не начать ли нам самим подготовку?

— Но официальных указаний пока еще нет. Одни разговоры.

— А вот подготовим фабрику, будут и указания.

Добровольно, не требуя заработной платы, горстка безработных суконщиков 20 августа 1925 года приступила к ремонту оборудования[134]. Безработные кочегары Николай Еболдов и Николай Демков занялись чисткой котлов. Кандидат в члены РКП(б) слесарь Александр

---

* Высший Совет народного хозяйства.

Красноярский из безработных ткачей создал бригаду слесарей и начал ремонт и наладку станков. С головой ушли в новое дело коммунисты братья Григорий и Петр Зубрилкины. В прошлом шорники, они с увлечением осваивали новую специальность ремонтных мастеров аппаратного отделения. С утра и до вечера в пустых корпусах фабрики стучали молотками и гаечными ключами. Патриоты предприятия готовили свое детище к работе.

А в тресте молчали. Там совершенно не интересовались делами мулловских текстильщиков. Руководители «Ульсукна» оказали даже противодействие при заключении договора на оплату труда охранников фабрики. Это был маневр, рассчитанный на распад коллектива. Охранники могли бросить работу, а без присмотра фабричное оборудование могло бы быть расхищено. Но рабочие несли сторожевую службу без денежной оплаты.

1926 год начался бурными событиями. По решению ВСНХ был очищен от оппортунистов аппарат Ульяновского сукнотреста. Ревизия Совета народного хозяйства вскрыла в правлении сукнотреста растрату государственных средств три миллиона рублей, нашла в складах более 8000 кусков шерстяных тканей, скрытых от учета. Самое страшное — капитулянты успели ликвидировать несколько крупных текстильных предприятий Среднего Поволжья[135]. Новое правление треста возглавили рабочие-выдвиженцы Горовой, Маршалов, Коршунов, Куликов, которые энергично принялись за дело

Весть о предстоящем пуске мулловской фабрики быстро полетела по губернии. В Мулловку стали возвращаться старые специалисты, ехала молодежь. Они сразу же включались в подготовку оборудования к работе.

К концу июля завершили ремонт машин. Комплектовали штаты, подвозили сырье, топливо, смазочные материалы. 11 августа затопили котлы. А утром 13 августа окрестный лес огласился мощным призывным зовом гудка. Густой металлический бас звучал долго. Он возвещал трудящихся о том, что мулловской фабрике суждено жить, о том, что рабочим классом одержана еще одна победа над лакеями буржуазии[136].

Ровно через год, 13 августа 1927 года, на собрании, посвященном дню рождения фабрики, синеблузники пели молодежную песню времен гражданской войны

«Паровоз». Бодрая, жизнеутверждающая мелодия, полные глубокого смысла слова захватывали слушателей. Участникам самодеятельности подпевал весь зал.

Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне — остановка.
Иного нет у нас пути, —
В руках у нас винтовка.

Прошел всего один год! А какие перемены произошли на фабрике! Новый директор В. М. Висков обстоятельно доложил коллективу о проделанной за год работе. Государственный план по выпуску 487 000 метров сукна коллектив перевыполнил, и фабрика вышла в число передовых предприятий Ульяновского сукнотреста.

Возвращение в строй мулловской фабрики вызвало у рабочих и инженерно-технических работников и служащих большой прилив сил и энергии. Люди трудились с большим энтузиазмом. Установленные рабоче-контрольной комиссией нормы выработки перевыполнялись изо дня в день. Ткачи братья Шурыгины, Егор Демков, Василий Зоров, Тимофей Маркелов, Григорий Сазонов, Наталья Топталина и многие другие вместо 8,85 куска за месяц ткали не менее 11. Хорошо также трудились рабочие и работницы других специальностей

На фабрике провели большие строительные работы. Установили новую паровую машину на 250 лошадиных сил, перенесли большой котел, переоборудовали котельное отделение, уложили трубы водопровода, проложили канализацию. Небывалый размер приняло коммунально-бытовое строительство в поселке. Построена баня, три флигеля на 17 квартир.

За один год работы на фабрике оборудована детская площадка, создан отряд пионеров, начато индивидуальное обучение неквалифицированных рабочих по основным специальностям.

На производстве занято 650 человек. Безработица полностью ликвидирована. Фабрика готова принять еще 100 человек на строительство кирпичного завода[137].

Выросла партийная ячейка, состоящая до этого из трех человек. Ряды коммунистов пополнились за счет старых, опытных рабочих, приехавших из других мест. В тесной связи с рабочими и фабричным комитетом

партийная организация стала решать стоящие перед коллективом задачи. Оживилась работа постоянно действующего производственного совещания. За год оно провело 21 заседание. Рабочие внесли 132 предложения. Все они направлены на улучшение технологического процесса производства, повышение производительности машин и оборудования, снижение брака.

Долгое время общие показатели в работе фабрики снижались из-за неполадок в аппаратном и прядильном отделениях. Не хватало квалифицированных рабочих, ломались машины, случались простои. Ликвидация прорыва в этих отделах стала главной темой производственных совещаний. Рабочие давали дельные советы. По их предложениям в аппаратном отделе стали варить специальный состав для мойки рукавов, произвели смену шкивов, поставили ограждения, выделили шорника для ночных работ, организовали курсы техминимума. Многое сделано для упорядочения работы прядильного отдела.

И вот итог. Ровничный лом по аппаратному отделу снизился на 4 процента, производительность труда поднялась на 11 процентов, простои ликвидированы[138].

Душой коллектива стал фабричный комитет профсоюза, избранный из числа передовых рабочих и активных общественников. В профсоюзной работе 1926—1927 годов деятельное участие принимали Павел Глухов, Петр Ашков, братья Зубрилкины, Михаил Меркулов, Степан Салтыков, Дмитрий Командиров, Семен Живописцев, Федор Калиновский, Клавдия Селезнева, Анна Екатериновская и другие. Это — ткачи, прядильщики, сукновалы, токари и слесари из отдела главного механика. Фабком своевременно рассматривал большие и малые вопросы жизнедеятельности предприятия: выполнение производственных планов, повышение производительности и оплаты труда, снабжение рабочих продуктами и комплектование штатов, развертывание культурно-просветительной и спортивно-массовой работы. И на собраниях текстильщики не раз отмечали «правильную линию» своего фабкома[139].

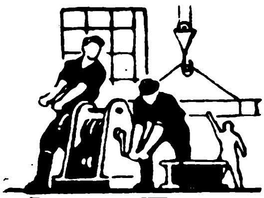
После пуска фабрики сразу же возобновили работу кружки художественной самодеятельности. Активисты клубного дела Е. Я. Вискова, О. П. Крылова, Сергей Павлушкин, Михаил Рутковский, Александр и Зинаида Васильевы, Михаил Кузнецов, Александра Данилова

стали непременными участниками всех театральных постановок.

Клуба не было. Кружки ютились в небольшой комнатке бывшего бахтеевского дома. Не имели и школьного здания. Две группы учащихся занимались в фабричном корпусе. Рядом же пустовала татарская мечеть. И лишь изредка ее посещали старики. Рабочие решили использовать здание для культурно-просветительных мероприятий. Муллу выселили, а помещение передали школе. Днем там занимались дети, а вечером приходили туда их братья и сестры, отцы и матери. Они слушали лекции и доклады, пели песни, смотрели кинофильмы и спектакли самодеятельных артистов.

Желанными гостями рабочих стали синеблузники — участники самодеятельности эстрадного репертуара. «Синяя блуза» всегда выступала с живой, злободневной программой. Куплетами, стихами, частушками, всевозможными сценками и репризами артисты отмечали передовиков производства и устраивали «горячую промывку» рвачам и разгильдяям. Выступления «Синей блузы» пользовались всегда неизменным успехом. Вот почему, готовясь к торжественному собранию по случаю годовщины пуска предприятия, фабричный комитет вынес специальное постановление о концерте «Синей блузы». «Синеблузники» порадовали товарищей новой программой. И в ней была знакомая, полюбившаяся всем песня «Паровоз».

Прошел всего лишь один год. А сколько сделано полезных дел! Но рабочие не останавливались на достигнутом. В плане на 1928 год предусмотрели перестройку сортово-смесочного отдела, устройство столовой и душа, приобретение трех чесальных аппаратов, двух сельфакторов, карбонизационной установки и другого оборудования.



НА ПОДЪЕМЕ

Шел 1929 год. Страна штурмовала рубежи первого пятилетнего плана. В Сибири, на Урале, в Поволжье возводились индустриальные гиганты. Города Советского Союза обрастали лесами новостроек. Перед рабочими текстильной промышленности встала ответственная задача увеличить производство и дать населению больше прочных и дешевых тканей.

Шла большая реконструкция фабрики, устанавливалось новое оборудование. Это отвлекало силы от выполнения плана, а дорогие машины ложились на себестоимость сукна. И чтобы взять рубежи, определенные планом первой пятилетки, требовалось повысить производительность труда по меньшей мере на 20 процентов.

Но как это сделать? Ведь станки работают со строго ограниченной частотой боя. Производительность труда стали поднимать за счет сокращения непредвиденных простоев и уплотнения рабочего дня. Некоторые ткачи сменную выработку довели до 29 метров суровья в смену вместо 22. Но это были первые шаги. Дальнейшее повышение производительности началось с того, что ткач Тимофей Маркелов, узнав о болезни своего соседа Григория Сазонова, всю смену ткал на двух станках. Правда, в первое время было много беготни. Приходилось обслуживать два станка. Некоторые товарищи язвили:

— Зря себя маешь. Всех денег не захватишь.

— А я не ради денег. Себя пробую, — отвечал Тимофей и на следующий день снова встал за оба станка.

— Уж не хочешь ли ты с двумя станками совладать?— спрашивали его.

— А что, братцы, не плохо получается. Вчера на паре я соткал 43 метра. А можно давать 50. Вот повернуть бы станки лицом друг к дружке и дело пойдет еще лучше.

В цехе работало много молодежи. Комсомольцы заинтересовались работой Тимофея Маркелова. Они сказали секретарю ячейки Борисову:

— А не создать ли нам целую бригаду парных ткачей?

Идея эта понравилась. Комсомольцы пошли в фабком, партячейку, к директору фабрики. Инициативу комсомольцев поддержали. На фабрике стали создавать ударные коллективы. Вначале скомплектовали две бригады. На первых порах членам бригад приходилось выслушивать всевозможные остроты и насмешки от старых ткачей. Но первая же получка внесла свои коррективы. Многие ткачи изъявили желание вступить в ударные бригады и работать на парных станках. Вскоре такие бригады появились в прядильном, аппаратном и подготовительных цехах. Это начинание открыло огромные возможности в повышении производительности труда. Разгорелось социалистическое соревнование за экономию, бережливость, снижение себестоимости, перевыполнение государственных планов.

Ткач П. Бровичев, выступая на первой областной конференции треста грубых сукон, отмечал, что работа на парных станках в первые же месяцы резко повысила производительность труда и выработка ткача составила 43 метра суровья в смену вместо 40. Это был уже большой сдвиг. Такое количество тканей одним ткачом производилось на фабрике впервые[140].

Некоторые ткачи вначале предпочитали держаться старых методов работы, но жизнь и их подтянула. «Индивидуалы» стали работать с удвоенной энергией и довели выработку в смену до 34 метров. А ударники поставили новый рекорд — они вырабатывали по 59 метров в смену.

Для поощрения победителей соревнования учредили общефабричную Красную доску, ударным бригадам и цехам вручали Красное знамя. Членам бригад выдавали денежные премии и ценные подарки. Ход социалистического соревнования проверяли каждую пятидневку.

Результаты проверки доводили до каждого рабочего, а также отражали на Доске показателей. Итоги соревнования ярко показывали борьбу коллективов, бригад и цехов за выполнение производственных заданий, снижение себестоимости и высокое качество выпускаемой продукции. Доски показателей оформили затейливыми рисунками, которые изображали самолет, поезд, пешехода, черепаху. При подведении итогов цехи, бригады и отделы заносились на Доску показателей согласно результатам соревнования. Передовиков помещали на быстроходный транспорт (самолет, поезд), а отстающих «сажали» на черепаху.

Подведение итогов всегда вызывало шумную реакцию среди рабочих. Отстающие бригады старались избегать позорного места, и они очень скоро исправляли свои показатели.

В статье «Как организовать соревнование» В. И. Ленин писал: «...организационных талантов в... рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества»[141].

Социалистическое соревнование будило инициативу рабочих, направляло ее на решительное преодоление «узких мест», ломку косности и рутины. На производственных совещаниях рабочие фабрики смело ставили вопросы технического совершенствования машин, улучшения технологии производства.

На фабрике появилась целая плеяда рабочих-изобретателей и рационализаторов. Много ценного и интересного внесли в производство слесарь Х. Сатдаров, столяр А. И. Евдокимов, контролер А. Ханов, ремонтный мастер И. Г. Христофоров, электротехник И. Г. Егунов и другие. Рационализатор А. П. Внукин упростил регулировку сельфакторов, а хитроумные приспособления сократили обрывность нитей. Помощники мастеров В. Баранов и В. Никитин внесли ряд усовершенствований в ткацкое производство.

Соревнование бригад и ударников опрокидывало тарифные ставки и нормы выработки, способствовало досрочному выполнению плана первого года пятилетки.

Рабочие по своей инициативе начали пересмотр тарифных ставок в сторону уменьшения. Для разработки

новой тарифной сетки на общем собрании рабочих создали комиссию. В нее вошли: П. Глухов — от фабкома, П. Бровичев — от аппаратного цеха, С. Живописцев — от коллектива прядильщиков, В. Каштанов — от ткачей, И. Голованов — от промывально-валяльного отдела, П. Мельников — от подготовителей сырья, Д. Командиров — от механического цеха.

В 1930 году общесоюзная газета «Голос текстильщика» писала:

«На мулловской фабрике (Ульяновск) в январе и феврале промфинплан по выработке суровья и по готовому товару был выполнен на 101 процент. Март дает дальнейшее улучшение. Выработка по суровью достигла 109 процентов, по готовому товару — 102 процента.

Успеху перевыполнения содействует организация 34 ударных бригад, объединяющих 140 человек рабочих»[142].

Ударные бригады — это передовые отряды производства, рабочая гвардия предприятия. Их объединила великая сила коллектива, таящая в себе неиссякаемые источники энергии. Доброй славой покрыли себя сновальщицы Агафья Шитова, Мария Денисова, Ксения Мартынова, Мария Глухова, Пелагея Фролова. Они ежедневно вырабатывали по 323—325 килограммов основы, выполняя сменные задания на 134 процента. Высоких показателей добивался и коллектив сновалок, руководимый Зинаидой Васильевой. Среднегодовая выработка этого коллектива была свыше 120 процентов.

Хорошо трудились ткачи. Тимофей Маркелов, Григорий Сазонов, Николай Топталин, Александр Демков довели выработку на ткацкий стан до 27 метров в смену, выполняя нормы на 110 процентов[143].

Уже в апреле рабочие пересмотрели годовой производственный план и взяли на себя новые, повышенные обязательства.

В сентябре по призыву Центрального Комитета партии коллектив фабрики включился в соревнование за досрочное выполнение третьего года пятилетки. В борьбу вступили 40 ударных бригад и одна трудовая коммуна. Проводили Дни ударника, боролись с прогулами и опозданиями. Нерадивых обсуждали на собраниях, о них писали в стенной газете. Свежий номер газеты нередко «украшался» лоскутом бракованной ткани.

В приклеенной этикетке давалось объяснение, по чьей вине шла такая некачественная продукция.

«Смерть косности, браку и разгильдяйству!»

Этот лозунг стал девизом в борьбе за ударные темпы работы и высокое качество выпускаемой продукции.

В групповом соревновании в пяти цехах участвовал 331 человек. Для руководства бригадами партийная организация направила на ответственные участки 29 коммунистов. В результате в 1930 году фабрика значительно перевыполнила производственный план. Снижена себестоимость одного метра продукции на 10 процентов, или на 2 рубля 67 копеек. Стране дано свыше одного миллиона метров пальтового сукна. Довоенный уровень 1913 года по выпуску продукции фабрика превысила в 5,5 раза!

Решительный скачок вверх сделала заработная плата рабочих. Среднемесячный заработок текстильщиков равнялся 567 рублям. Оплата труда по сравнению с 1929 годом возросла на 29 процентов[144].

1930 год вошел в историю Мулловки как год «стремительного наступления социализма по всему фронту». В январе крестьяне села приступили к созданию сельскохозяйственной артели. Объединение крестьянских хозяйств проходило в условиях жесточайшей борьбы с кулаками, сектантами и провокаторами. Зимними вечерами в начальной школе и в сельском Совете собирались люди, курили, вели разговор. В мужицкой голове решался сложный вопрос о путях перехода на коллективную систему ведения хозяйства. Зима в тот год выдалась бесснежная. Мерзлая земля потрескалась. Недобрые люди предвещали голод, стращали народ колхозами, говорили о скором крушении мира.

Чтобы рассеять все сомнения, нужно было провести большую массово-разъяснительную работу. За это дело взялись текстильщики. Рабочие фабрики помогали крестьянам правильно понять политику партии и правительства по вопросу коллективизации сельского хозяйства. Они читали им газеты, книги, проводили беседы.

Лучших коммунистов, комсомольцев, членов профсоюза фабрика послала в другие деревни. В числе 32 активистов поехали Измаил Бигеев, Людмила Воинова, Сте-

пан Дедюев, секретарь партбюро И. В. Жоголев, Степан Ильин, Иван Люкаев, Сергей Павлушкин, Николай Толмачев и другие. Вскоре в селах Ерыклинске, Сосновке, Никольском, Бригадировке, Чувашском Сускане, Тиинске, Бряндино создали первые в районе сельскохозяйственные артели. При братской помощи рабочих в колхозах составлялись производственные планы, сметы, учитывался и обобществленный скот.

Большую помощь фабричные рабочие оказали мулловскому колхозу «Серп и молот». В марте они собрали средства на покупку тракторов, направили в колхоз ремонтную бригаду слесарей и кузнецов. Бригаду возглавили опытные мастера И. А. Маркелов и П. Д. Демков. До начала весенне-посевной кампании рабочие отремонтировали 40 плугов, 6 сеялок, 4 культиватора. Кроме того, привели в готовность 22 плуга, принадлежащих беднейшим крестьянам, еще не вступившим в колхоз[145].

Первая колхозная весна была встречена во всеоружии. Сев завершили в лучшие сроки. Дружные всходы, покрывшие землю в начале мая, принесли настоящую радость в каждый крестьянский дом и в каждую рабочую квартиру.

Пятилетний план мулловская фабрика выполнила менее чем за четыре года. В 1932 году она выпустила 800 000 метров сукна. Рабочие стали намечать рубежи на предыдущее пятилетие. Было запланировано довести производство сукна на конец пятилетки до 1 350 000 метров.

На фабрике понимали, что выполнение контрольных цифр пятилетнего плана осуществимо лишь при условии непрерывного технического прогресса. Старое оборудование обветшало, многие трудоемкие процессы выполняются вручную. Наметили провести ряд важных реконструктивных работ. К слову сказать, эти работы были начаты в 1932 году. Установлены котлы «Шухова», паровая машина, локомобиль, восемь электромоторов и два генератора. За пятилетие решили расширить ткацкий цех и установить 22 новых станка, ввести в действие два новых аппарата, три сельфактора, машину для перемотки утка и другое оборудование.



ПРОТИВ ВЕТРА

Следующий этап истории фабрики можно назвать движением наперекор стихии, восхождением по крутым ступеням, вперед по пути строительства коммунизма!

Шел 1937 год. Уже второй год мулловская фабрика не выполняла производственный план. Страна недополучала тысячи метров сукна. Срывались один за другим важные мероприятия. Под угрозой невыполнения оказался пятилетний план. О плохой работе коллектива фабрики писали в газетах, говорили на совещаниях[146].

Почему мулловская фабрика, шедшая впереди соревнующихся коллективов текстильных предприятий, во второй пятилетке сдала темпы? Если вспомнить 1936—1937 годы, то в памяти оживает картина грубого произвола и самоуправства органов НКВД. Ряд выдающихся партийных и государственных деятелей стал жертвой кучки карьеристов, окруживших личность Сталина. Заключены в тюрьму работники Мелекесского райкома партии и райисполкома. Гонению подвергся директор фабрики А. К. Болкунов, арестованы и осуждены как «враги народа» потомственные рабочие Е. Веретенников и И. Ладыгин.

Нельзя было выражать вслух свои мысли, обсуждать действия руководящих работников. Никто не мог застраховать себя от злобной клеветы и ареста.

На фабрике потускнел огонь соревнования, поредели ряды последователей стахановского движения, паника охватила многих. Из 180 рабочих, участвующих в соревновании за передовые методы труда, к концу года от-

сеялся 71 человек. Возникла текучесть кадров, произошли сверхнормативные простои оборудования[147].

Коммунисты, потомственные текстильщики, мужественно боролись с паникой, укрепляли силы коллектива и вели большие работы по расширению предприятия. На фабрике возводили здание теплоэлектростанции, строили детский сад и ясли. Чтобы ускорить строительство, рабочие активно участвовали в массовых воскресниках.

Особое внимание обратили на «сердце фабрики» — теплоэлектроцентраль. Руководство строительством было поручено энергичному коммунисту И. Д. Ростиславову. Каждый рабочий считал своим долгом помочь быстрейшему вводу в действие новых мощностей паросилового хозяйства. А когда были возведены стены и подготовлены фундаменты, небольшой группе котельщиков предстояло в самые сжатые сроки произвести монтаж и установку оборудования.

Старый котельный мастер Д. А. Ростиславов предложил смелый план разбора и переброски наиболее крупных коммуникаций. Громадные котлы с помощью лебедок внесли в здание. Ростиславов и его помощники И. Шорохов, Н. Степанов, С. Куприянов, С. Демков и Д. Павлушкин в короткое время склепали трубопроводы, баки, зачеканили швы, изготовили каркасы лестниц и площадок.

Росла, меняла свой облик фабрика. Вместе с ней росли и люди. Новое оборудование, новые масштабы труда потребовали от рабочих глубоких технических знаний. Необходимость технического образования диктовалась и особыми условиями, сложившимися на фабрике. Половина всех рабочих совершенно не имела технических знаний, а $^1/_6$ часть была неграмотная.

На фабрике создали цеховые курсы технического минимума, кружки и консультативные пункты. Началась серьезная учеба рабочих по профессиям. Опытные мастера читали лекции, проводили практические занятия по эксплуатации станков, машин и аппаратов, технологии производства, изучали простейшие виды ремонтов и наладку оборудования. Неграмотные рабочие, кроме технической учебы, особо занимались по общеобразовательным предметам.

Учеба стала непреложным законом для каждого трудящегося. Ходить на работу с букварем, тетрадями,



Прядильщица Анастасия Шилинцева.
Следуя примеру передовых ткачих, перешедших на многостаночный метод работы, она начала обслуживать сельфакторы с большим числом веретен

Фото 1937 года

карандашами и ручками вошло в привычку. За отличную учебу соревновались цехи и бригады. Для занятий на фабрике были созданы благоприятные условия. Оборудованы красные уголки, укомплектованы передвижные технические библиотеки, подготовлены наглядные пособия. Для учебы определены специальные дни.

Государственные экзамены выявили глубокие и прочные технические знания у большинства рабочих. Из 197 человек 122 получили хорошие и отличные оценки, 60 слушателей сдали зачеты на «удовлетворительно»[148].

Техническая учеба рабочих натолкнула на мысль о создании при фабрике школы передового опыта. В школе изучали новые, высокопроизводительные методы труда. Она имела свое помещение, лабораторию, располагала хорошей материальной базой. Занятия велись по составленному расписанию. Утренняя смена училась после работы, а вечерняя — садилась за парты днем, за три часа до начала смены.

Технические дисциплины вели главный механик И. Д. Ростиславов, зав. лабораторией М. П. Ростиславова, техники К. Я. Хударова и Н. Д. Казакова. Общеобразовательные предметы — русский язык, литературу, арифметику, геометрию и физику преподавали учителя семилетней школы. Слушатели с интересом относились к учебе. Они аккуратно посещали занятия, хорошо готовились к урокам. Из школы вышло немало новаторов производства.

Рабочие самоотверженно боролись за ликвидацию отставания своего предприятия. Узнав о почине ивановских ткачих, сестер Виноградовых, совершивших целую революцию в текстильной промышленности, они активно поддержали их патриотический почин.

Примеру сестер Виноградовых на фабрике последовала ткачиха Надежда Григорьевна Ильина. Вместо двух станков она стала обслуживать четыре. Начало было трудным. Парные комплекты отстояли друг от друга на значительном расстоянии и между ними проходила рельсовая дорога для транспортировки пряжи. Станки еще не имели сигнальных устройств, и ткачам приходилось контролировать работу путем зрительного наблюдения. А это вынуждало их постоянно ходить от комплекта к комплекту.

Несмотря на трудности, у Надежды Ильиной нашлось

много последователей. На четырех станках стал трудиться старый, но очень энергичный ткач Федор Иванович Зимин. На новый, многостаночный метод перешли слушательницы школы передового опыта Екатерина Черемухина и Надежда Данилова. Скоро все ткачихи цеха стали работать на трех и четырех станках.

По требованию ткачей станки сместили ближе друг к другу, а рельсовую дорогу проложили вдоль стен. На всех ткацких станках установили автоматические выключатели, останавливающие станок при обрыве уточной нити.

На фабрике с новой силой разгорелось социалистическое соревнование. Существующие нормы — 26 метров на станок — ткачихи с лихвой перекрывали. На четырех станках одна работница стала давать 108—110 метров ткани в смену. Такой производительности труда фабрика еще не знала за всю полуторавековую историю.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили патриотическое начинание рядовой работницы Н. Г. Ильиной. Указом Президиума Верховного Совета СССР она награждена медалью «За трудовое отличие».

Почин ткачей поддержали работницы других цехов. В прядильном цехе одна из первых взялась обслуживать наибольшее число веретен слушательница школы передового опыта Анастасия Шилинцева.

Сообща коллектив разработал контрольные цифры третьего пятилетнего плана. Текстильщики наметили довести к 1942 году производство тканей до 1 420 000 метров. Такого уровня можно было добиться лишь при условии технического усовершенствования оборудования. Планом предусматривалось установить 3510 веретен, имея в постоянной заправке не менее 3200. Количество ткацких станков намечено довести до 140.

На жилищное строительство за пятилетку предусматривалось израсходовать 300 тысяч рублей и на установку вентиляции 80 тысяч рублей[149].



ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Стоял июнь в чистой и веселой синеве. Благоухал сосновый бор, переливалась изумрудом зеленой листвы окрестная дубрава. Пахло смолой, ароматом цветущих трав, тенистой прохладой леса. Рабочие отдыхали. Лес гудел от избытка песен, шуток, серебряных звуков гармоний. Кружились пары, соревновались плясуны, частушечники. И вдруг чей-то громкий голос перекричал многозвучный хор:

— Война!.. Война началась!

Страшная весть на полуслове оборвала песню, остановила пляску.

Война... Люди побежали, оставляя закуски, бутылки.

Война!.. Народ суетился, бежал по селу, плотным кольцом обступал фабричные ворота. Вынесли стол, сделали трибуну. Секретарь парткома Сергей Прокофьевич Кузьмин изложил сообщение Советского правительства. Он говорил взволнованно, страстно:

— Товарищи! Сегодня утром без объявления войны фашистская Германия напала на Советский Союз. Гитлер бросил против нашей страны армады самолетов, колонны танков, отборные армии головорезов. Фашистские людоеды хотят уничтожить Советское государство, поработить народы и превратить их в рабов. Сейчас у западных границ идут кровопролитные бои. Война, товарищи, может быть затяжной. Предстоит испытать много тяжелых дней. Но падать духом не будем. Долг каждого — с оружием в руках отстаивать свободу и независимость

народа, упорно трудиться во имя полной победы над врагом.

С гневными речами выступили инженерно-технические работники, коммунисты и беспартийные рабочие. Все они позором клеймили агрессора и заверили Центральный Комитет партии и Советское правительство в том, что будут трудиться не покладая рук для удовлетворения всех нужд Красной Армии, а если потребуется, то с оружием в руках пойдут на передний край. Это произошло после полудня 22 июня 1941 года.

Утром следующего дня фабрика провожала первую партию на фронт. Плакало потемневшее небо. Стонал лес, слезами заливались женщины. Прощался с рабочими секретарь партийной организации С. П. Кузьмин.

— Желаю успехов, товарищи! Тките побольше теплого шинельного сукна.

Как коммунист, как патриот своей Родины, он спешил туда, где решалась судьба его страны, судьба народа. Он добровольно ехал на фронт. Вместе с ним уезжал директор стахановской школы П. В. Киселев. У проходной ему пожимали руки его многочисленные ученики. Расставался с большой семьей рабочий Павел Талызин. Он оставлял жену и семерых малолетних детей. Убивалась супруга, кричали ребята. Отец обнимал напуганных мальчишек и шершавой ладонью смахивал с лица непрошенную слезу. На фронт ехали с автомашинами фабричные шоферы Александр и Николай Казеевы, Федор Стенин и другие. Сдали женщинам свои посты охранники Андрей Грешнов, Александр Ионычев, Андрей Казанцев, Яков Пигасов, Владимир Шамшаев.

— Бейте гадов по-рабочему! Скорее возвращайтесь,— наказывали земляки.

Но встретиться не довелось. В августе 1941 года на поле боя в Гомельской области, под городом Жлобин, погиб отряд мулловских текстильщиков. Смертью храбрых в неравном бою пали парторг фабрики С. П. Кузьмин, директор школы П. В. Киселев, заведующий производственной конторой А. Пузряков, шоферы А. Казеев, Ф. Стенин, охранники Я. Пигасов, В. Шамшаев, А. Казанцев и другие.

Единственное письмо успел прислать Павел Талызин. На листке бумаги он написал несколько теплых слов:

«Здравствуй, жена, Анна Михайловна! Здравствуйте,

милые детки мои Дуся, Петя, Гриша, Коля, Надя, Ваня, Володя! Очень по вас соскучился. Вижу часто во сне. Кончится война — увидимся. Иду в бой. Если что со мной случится, в беде вас не оставят. Обо мне не беспокойтесь. Был я честным отцом, был честным рабочим, таким же стану солдатом. Будьте счастливы. Низко кланяюсь.

Много раз целую. Ваш отец Павел Талызин».

Из боя Талызин не вернулся. Поздней осенью военный комиссариат известил жену и детей о том, что «рядовой Талызин пропал без вести».

Кто знает, как оборвалась жизнь этого труженика? Мог он попасть в плен и разделить там участь тысяч и тысяч насмерть замученных людей, могло его разорвать взрывом бомбы или снаряда.

Наступала зима. Наступал враг. Фашистские орды двигались по советской земле, неся на штыках смерть и разрушения. Страна оказалась в опасности. Фронт требовал новые людские резервы, боевую технику. Добровольно и по мобилизации ушли на войну с фабрики две трети коммунистов и столько же комсомольцев. Ушли годные к службе кадровые рабочие, отправили автомобили и лошадей.

Фабрика перестраивалась на военный лад. У токарных станков, сукновальных машин и везде, где работали мужчины, вставали женщины. В цехи пришли домохозяйки, вернулись к труду пенсионеры. Война заставила удлинить рабочий день, повысить нормы выработки, отменить очередные отпуска.

Эти изменения рабочие восприняли как очередную задачу большого плана разгрома ненавистного врага. На фабрике не было ни одного человека, который не поддержал бы такую перестройку, не выполнил бы производственного задания.

Трудиться во имя победы над злейшим врагом человечества — гитлеровским фашизмом — стало требованием жизни, нормой поведения каждого человека. Люди прониклись сознанием величайшей честности и добросовестности. Несмотря на трудности, сложившиеся на предприятии, план по выпуску готовой продукции в первый год войны выполнили на 106,76 процента. Фабрика дала фронту свыше одного миллиона метров серошинельного сукна. Производительность оборудования до-

стигла небывалой цифры: 18 807 метров на каждый заправленный ткацкий станок.

* * *

Беснуется зима. Трещат деревья в лесу. От фабрики до торфяного болота четыре километра. На четырех километрах четыреста сугробов. Небольшая бригада дорожников с рассвета и дотемна роется в снегу, прокладывая пути для конного обоза. Но вьюги неистовствуют, заваливают снегом трассу. Обоз встал.

— Что значит остановился обоз? — говорили на экстренном митинге 20 января 1944 года коммунисты. — А это значит — фабрика лишилась топлива, сырья и хлеба. Под угрозой невыполнения оказался государственный план. Можем ли мы допустить остановку машин? Можем ли сорвать поставку необходимого количества шинельного сукна для Красной Армии?

Выступали рабочие. Говорили горячо, страстно. Приняли решение: выделить одну смену для очистки дорог.

Сотни рабочих ушли в лес. Разрывали сугробы, расчищали трассу. А вьюга злобствовала, заваливала выкопанный ров. Законченную работу приходилось начинать сначала. Однако эти меры не обеспечили потребности котельной в топливе. Проложили деревянную рельсовую дорогу, соорудили вагонетки и стали возить торф на себе. Каждую вагонетку толкали десять человек. Но вскоре убедились, что этот тяжелый труд был непроизводительным. Сами рабочие подсказали новый способ. Впряглись в сани и стали возить торф более ускоренными темпами. А когда наступила ранняя весна и в полдень зазвенели в лесу ручейки, на болото ездили по ночам, по холодку.

Невозможно забыть те дни, когда леденеющий холод намертво сковывал реки, остужал котлы, морозил птиц. В те дни рабочие и работницы ходили в лес, прокладывали тропы, валили деревья, готовили дрова. Дровами отапливали фабрику, дрова давали тепло в квартирах семей фронтовиков, обогревали осиротелые души детей. И часто эту трудную, нечеловечески тяжелую работу люди выполняли после такой же тяжелой и длинной смены на фабрике.

Война опустошала западные районы страны. Население областей, оккупированных врагом, эвакуировалось в глубокий тыл. В тыл перевезено оборудование многих

крупнейших предприятий. 30 сентября 1941 года на станцию Мелекесс прибыл состав с оборудованием и людьми эвакуированной Глушковской суконной фабрики. Эшелон пришел из Курской области. Мулловские текстильщики радушно приняли в свой коллектив глушковских товарищей. Для всех нашлось дело по душе. Техники Вера Руденко и Алевтина Марицкая определены поммастерами в аппаратный и подготовительный цехи. Дмитрий Прямов вначале работал на монтаже, а потом начальником прядильного отдела. М. Г. Конопля назначен начальником отдела технического контроля, ткач Алексей Лисенков сразу же встал у станка. В цехах фабрики установили два сельфактора, три чесальные машины, десять ткацких станков, привезенных из Глушкова.

В Мулловке обосновался и эвакуированный из Ленинграда детский дом.

С первого года войны создались большие трудности в продовольственном снабжении. Была введена карточная система на хлеб, сахар и другие продукты, установлены жесткие нормы отпуска. Случалось, что в пекарне кончалась мука. И тогда дирекция, партийная организация, фабричный комитет обращались к коллективу с просьбой помочь рабочему кооперативу перевезти зерно из глубинных складов (зерно, а не муку!). Рабочие живо откликались на призыв общественных организаций. Они снова брались за санки и отправлялись в «глубинки» — в село Ерыклинск или Никольское-на-Черемшане. Шли по сугробам, шли под зловещую музыку метели, вязли в снегу и везли в Мулловку драгоценный груз. Но из зерна нельзя испечь хлеб. Его нужно смолоть. Для этого на фабрике сделали мельницу. Где-то подобрали жернова, установили и подключили их к механическому приводу. Люди получили хлеб, утолили голод...

Дни, недели, месяцы проходили в напряженной работе, но люди находили время учиться, повышать свои знания, участвовать в художественной самодеятельности. В годы войны продолжали работать кружки технического минимума по изучению технологического процесса.

Большую помощь в подготовке квалифицированных рабочих оказывал главный инженер фабрики М. С. Салин. Он умел пробудить в людях пытливость, зажечь в них огонек любознательности. В содружестве с мастерами, рабочими-рационализаторами он искал и находил

пути к экономии сырья и материалов, сокращению простоев машин, снижению себестоимости производимой продукции.

Война не остановила, а, пожалуй, еще более активизировала деятельность кружков художественной самодеятельности. Перед рабочей аудиторией выступал оркестр народных инструментов, хор текстильщиков, танцевальный ансамбль и драматический коллектив.

Участники самодеятельности были частыми гостями у ранено-больных воинов в подшефном госпитале в городе Мелекессе. Самодеятельные артисты за 18 километров ходили в город пешком, на себе носили музыкальные инструменты и выступали там в палатах.

Вдохновенные песни в исполнении Веры и Нины Голубьевых, Агриппины Ильиной, спектакли с участием слесаря Липатова, Александра Шигорина, шофера Григория Зайцева и других энтузиастов самодеятельного искусства всегда встречали горячий прием у многочисленных зрителей. Рабочие соревновались не только за перевыполнение производственных заданий, но и за широкое развитие культурно-массовой работы в цехах.

На всех фронтах сражались с немецкими захватчиками мулловские текстильщики. В тяжелые дни блокады Ленинграда у ворот города насмерть стояли артиллеристы 4-й тяжелопушечной бригады, в которой служил сменный мастер прядильного производства Николай Паршин. Сокрушительный огонь мощных орудий выметал фашистскую нечисть с территории Ленинградской области и Прибалтийских союзных республик.

Многих фашистских стервятников сбил из своего орудия машинист теплоэлектроцентрали Александр Григорьевич Маркелов. Отважный зенитчик оберегал от воздушных пиратов небо Москвы, уничтожал самолеты врага над Оршой, Минском, Вильнюсом и Кенигсбергом.

Не ведая страха, охранник фабрики Петр Федорович Чегаров воевал рядовым 358-й стрелковой дивизии. Он громил врага под Москвой, Духовщиной, Витебском, Выборгом, Тильзитом, Кенигсбергом. В боях Чегаров четырежды ранен, но каждый раз снова рвался в атаку. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с врагами Советского государства, солдат Петр Чегаров получил семь благодарностей от Верховного главнокомандования, награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медаля-

ми «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Вместе с мужьями, братьями и отцами с оружием в руках отстаивали свободу и независимость своей Родины жены, сестры и дочери. Три брата Казеевых ушли в начале войны в действующую армию. Вслед за ними ушла на фронт и их сестра — контролер прядильного цеха Елизавета Казеева. Добровольцами поехали на фронт учительницы Н. Г. Фетисова, П. Назарова, Н. С. Гуляева, работница фабрики Александра Рыбакова и другие.

Их сотни — смелых и отважных, сменивших слесарный инструмент на автомат, станок — на орудие, машину — на танк. Все они, люди самых мирных профессий, стали пехотинцами, танкистами, моряками, авиаторами. Без страха они ходили в атаки, разили врага в рукопашных схватках, штурмовали укрепленные рубежи, со связками гранат ложились под танки. Еще не сложена до конца песня о подвиге народном... Велики дела, многочисленны герои.

Тыл ковал победу. Фабрики и заводы наращивали темпы производства танков, самолетов, орудий, боевого снаряжения и обмундирования. На предприятиях в подавляющем большинстве трудились женщины. На их долю пали основные заботы по обеспечению Армии всем необходимым. Славные труженицы мулловской фабрики в тяжелые дни войны ткали шинельное сукно, возили торф, рубили лес, убирали с колхозных полей хлеб и картофель. Работали не покладая рук, делали все, чтобы ускорить разгром врага и приблизить час победы. Собирали теплые вещи, из сэкономленной шерсти валяли валенки, ткали портянки, вязали шарфы, носки и варежки, вносили денежные сбережения. Женщины фабрики доставали продукты, пекли печенье, сушили сухари, солили мясо, коптили окорока. Долгими зимними вечерами сидела заведующая детским садом А. П. Карасева за рукоделием. Она вышивала носовые платки, кисеты, салфетки. Воспитательницы расшивали полотенца, писали солдатам дружеские письма.

Посылки уходили на фронт. Эта бескорыстная помощь людей тыла ободряла воинов, удесятеряла их силы.

Под впечатлением получаемых подарков на фронте родилась популярная песня, с одинаковым успехом распеваемая и в тылу:

Принесли мне в землянку посылку,
И повеяло теплом,
И забилось сердечко так пылко,
И я вспомнил отчий дом.

* * *

Много ярких страниц в истории предприятия вписали своими делами мулловские рабочие. В книге трудовых подвигов появились имена зачинателей соревнования комсомольско-молодежных ударных фронтовых бригад.

Зимой 1944 года фабрика не выполняла производственный план. Из-за больших перебоев с топливом цехи стояли по нескольку дней. Встать в прежнюю колею, ликвидировать отставание было возможно лишь при условии резкого повышения производительности труда. Но как это сделать? Люди, кажется, отдавали все силы и энергию предприятию, несли неслыханные тяжести, устали от войны.

За это дело взялась молодежь. Во главе комсомольской организации в ту пору стоял бывший фронтовик Павел Ягноков. На фабрике его уважали, молодежь шла за ним. В июне девушки аппаратного отдела объявили поход за повышение производительности труда и начали соревнование за право называться ударниками фронтовых бригад. С небывалым подъемом люди стали трудиться у аппаратов, агрегатов и чесальных машин. Молодежь настойчиво билась за высокую производительность труда, помогала отстающим. В результате — месячный план по отделу был выполнен на 137 процентов.

10 июля на объединенном заседании партийного бюро, дирекции и фабричного комитета комсомольско-молодежным коллективам аппаратчиц Елизаветы Страховой и Антонины Дунаевой присвоены почетные звания ударных фронтовых бригад. Учредили переходящее Красное знамя и ввели вымпелы победителей соревнования. Красное знамя ставшее символом борьбы за высокопроизводительный труд, соткали на фабрике и вышили шелком комсомолки и домашние хозяйки.



Ударная фронтовая комсомольско-молодежная бригада аппаратного цеха. За самоотверженный труд во имя полной победы над врагом бригаде присвоено имя Героя Советского Союза Ермннеева.

Снимок сделан 6 ноября 1944 года.

Движение за ударный труд, за право называться фронтовой бригадой охватило все цехи и отделы.

Для оказания практической помощи по освоению прогрессивных методов труда к соревнующимся коллективам прикрепили техников В. Руденко, А. Марицкую, С. Винокурову, мастера А. И. Сорокина, нормировщика К. И. Акимову, лаборанта В. П. Громову, начальников цехов А. И. Силантьева и Д. Н. Прямова. Они проводили семинарские занятия, устраивали встречи с передовыми рабочими, учили молодых производственников правильно организовывать рабочие места и с максимальной нагрузкой использовать время. Много деловых и задушевных бесед провели они в цехах и в красных уголках. И результаты не замедлили сказаться. Уже через две недели за исключительные успехи в социалистическом соревновании почетное звание ударных фронтовых бригад присвоено коллективам прядильщиц Надежды Аввакумовой, Екатерины Киселевой, Евдокии Никитиной.

1 августа первенство завоевали ткачихи. Бригады Нины Космыниной, Екатерины Черемухиной, Надежды Даниловой, Анны Никитиной, Зои и Клавдии Евдокимовых удостоены высокого звания — ударных фронтовых.

Фабрика вышла из прорыва и стала производить продукцию с опережением графика.

1945 год. Прошла еще одна военная зима. Части Красной Армии, ломая яростное сопротивление, гнали недобитые остатки фашистских полчищ в Германию. Мулловские рабочие внимательно следили за ходом боев. Ждали конца. И он наступил. Утром 9 мая сквозь сизую пелену рассвета в село ворвалась долгожданная весть: война окончена, на земле наступил мир. Сообщение о победе советских войск, о безоговорочной капитуляции фашистской Германии первым услышал по радио дежурный член партийного бюро. Он сообщил охранникам, передал в ближайший дом. Радостная весть летела из дома в дом, из квартиры в квартиру. Люди выходили на улицу, поздравляли друг друга, обнимались, плакали от радости, смеялись от избытка чувств.

Мир Мулловка встречала молодостью весны, нежной листвой распускающихся деревьев, щебетанием птиц, широким разливом реки. Фабрика приветствовала победителей протяжным гудком могучего голоса. 9 мая был объявлен нерабочим днем. Но текстильщики по привычке

собрались во дворе предприятия. Возник митинг. Ораторам не было числа. Говорили о земляках, о героях, о себе, о вдохновителе и организаторе одержанных побед — о Коммунистической партии.

А днем пошел дождь, теплый весенний дождь, омывший землю, лес, дороги, усталые лица людей.

— Девушки! А наши подшефные? Они ждут, наверное? — И участники самодеятельности пошли в Мелекесс. Дорогой пели, плясали и принесли в город к раненым бойцам свою беспредельную радость.

Пройдут многие годы, но люди с благодарностью и с благоговением будут вспоминать геройский подвиг советских людей, среди которых находились и мулловские текстильщики.



ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Фабрика встречала демобилизованных фронтовиков. Герои войны возвращались той же дорогой, по которой они уходили на фронт четыре года назад. Победители возвращались радостные, возбужденные. У многих на широкой груди сияли ордена и медали. Перед ними расступался лес, по-праздничному нарядный, с пьянящим ароматом трав.

Лес гудел от голосов певчих птиц. Живое торжествовало. Впереди знакомая лощина, серебристая нить мелководной Сосновки, а за ней родное село. Вот он, милый сердцу край! Родная земля, рабочий поселок, фабрика. Вот они, самые близкие, самые родные: отцы и матери, братья и сестры, дети, рабочие и работницы — все, кто в тяжелую годину не жалел сил, кто не смыкал глаз, кто не признавал голода, усталости. Вот оно то, ради чего бились с врагом, лили кровь и умирали лучшие из лучших людей великой русской земли.

Наступил час долгожданной радости. Объятия, улыбки, поцелуи, слезы. От радости плакали. Воинов встречали поселком, улицей, селом. Ждали мужей Клавдия Ивановна Тишина, Анна Ильинична Грешнова, Пелагея Демкова и многие другие. Спрашивала об отце Дуся Талызина. Девушка в военные годы трудилась на самой тяжелой мужской работе, содержала большую семью. Война вынудила братишек оставить школу и тоже пойти на работу. Нужны были помощники.

Дуся ходила встречать воинов. «Авось, — думала. — выжил наш отец. Если даже плен, то, может, как-то

и миновал страшные печи крематория, чудом спасся в фашистском застенке».

— Не встречали нашего отца — Павла Талызина?

— Нет, не приходилось.

И девушка уходила домой с тем же притупленным взглядом. А оставшись наедине, она давала волю слезам...

Одним из первых вернулся с войны бывший помощник мастера прядильного цеха Михаил Рамзаев.

— Товарищи, я отвоевался. Принимайте в свой коллектив, — сказал он в цехе.

— А отдыхать? Ты же ранен?..

— Работа будет моим отдыхом. Истосковался я по настоящему делу.

Фабрике были крайне нужны специалисты. И гвардии рядового Михаила Рамзаева зачислили помощником мастера. С фронта в цех вернулся мастер Александр Казанцев.

Партийная организация, фабком и дирекция фабрики узнавали, кто из рабочих-фронтовиков остался в живых, и до их возвращения готовили места. Фронтовики после короткого отдыха шли на фабрику на прежние должности.

— Как наши шинели? — спрашивали работницы возвратившихся воинов. — Хорошо грели?

— Отлично! Теплое обмундирование помогло нам победить и зиму, и фрицев, — отшучивались бывалые воины. — Только теперь нужно работать еще лучше. Уж очень много репья идет.

— Что же поделаешь. Нет пока у нас репьеочистительной машины, а ручное выдергивание такого эффекта не дает.

Повышение качества выпускаемого товара стало задачей первостепенной важности. Требования к внешнему виду тканей особенно возросли, когда фабрика приступила к выпуску ведомственного сукна за счет сокращения производства серошинельного.

Бывшие фронтовики, старые рабочие, рационализаторы и изобретатели стали думать, как бы избавиться, если не совсем, то хотя бы наполовину, от растительных примесей, содержащихся в овечьей шерсти. В бюро рационализации стали поступать всевозможные предложения, но все это было не то, что нужно. И поиски продолжа-

лись. Однажды инвалид труда В. И. Лучкин предложил испробовать свое изобретение — репьеочистительные полочки на чесальных аппаратах. Смастерил их он сам и установил под бегунами. Испробовали. Эффект превзошел все ожидания. Шерсть с чесальных аппаратов шла с незначительным количеством растительных примесей. Но радость была преждевременной. Аппараты теперь стали нуждаться в ежедневной чистке. Работа по разборке и чистке оборудования отнимала много времени, увеличивала простои и вызывала поломку устройств. Поэтому от полочек пришлось отказаться. И поиски снова продолжались.

Группа рационализаторов во главе с инженером И. С. Казарновским стала готовить своеобразную репьеочистительную машину. Подобные машины ввозились к нам из-за границы. Потом начал выпускать такие машины Краснопресненский завод. Выпускались они в неограниченном количестве, но не доходили до всех фабрик. И мулловские сукноделы создали свою машину, которая состояла из рабочего барабана, съемных валиков и бегунков, покрытых металлической кардолентой.

Машину установили в ткацком цехе. Через нее стали пропускать суровье, и путем вибрации поверхность ткани значительно очищалась от растительных и посторонних примесей.

Окрыленные первым успехом, рационализаторы применили для очистки суровья еще и мяльную машину, представляющую собой упрощенную модель сукновальяльного агрегата. Здесь, как и в репьеочистительной машине, пропускалось суровье, и из него выбивались растительные остатки.

Творческая мысль рабочих касалась самых различных участков производственной жизни фабрики. Рационализаторы готовили и установили специальное приспособление для автоматического выключения ткацкого станка при замине челнока в зеве, получившее название «охолостков».

В послевоенные годы рядовой рабочий — шорник аппаратного отдела Петр Алексеевич Каблов выступил инициатором борьбы за экономию и бережливость дефицитных материалов. Он предложил смелый план продления срока службы сучильных рукавов, изготовляемых из высококачественной и дорогостоящей кожи. С тече-

нием времени нанесенные на поверхность кожи бороздки шлифуются и исчезают. П. А. Каблов, оперируя ножом собственного изобретения, начал восстанавливать канавки на списанных рукавах и увеличил срок службы их еще на полтора-два месяца. Экономия от этого составила по фабрике десятки тысяч рублей.

Советское правительство высоко оценило героизм и самоотверженный труд мулловских текстильщиков, давших Красной Армии сукна для 1 420 000 шинелей. Сотни рабочих фабрики Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Получая награды, рабочие и работницы дали слово, не снижая темпов, трудиться во имя восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны.

10 июля 1946 года представители ударных комсомольско-молодежных бригад выехали на ишеевскую фабрику для обмена опытом. По поручению коллектива секретарь комсомольской организации П. Ягноков, делегаты З. Евдокимова и В. Руденко подписали договор социалистического соревнования с рабочими ишеевской фабрики, еще больше укрепивший основу многолетней дружбы двух родственных предприятий. С той поры мулловские и ишеевские рабочие ежегодно бывают в гостях друг у друга, подводят итоги соревнования, учатся новым методам организации труда.

После войны коллектив мулловской фабрики приступил к строительству кирпичных жилых домов и здания клуба. Работы вели методом народной стройки. На кладку стен люди приходили после смен и в выходные дни. Слесарный инструмент и челноки они меняли на мастерки и трудились рядом с опытными каменщиками. Новый очаг культуры с просторным зрительным залом, лекционной аудиторией, комнатами для кружковой работы открыли в дни октябрьских торжеств 1952 года. На открытии рабочего клуба самодеятельные артисты фабрики поставили спектакль «Раскинулось море широко».

В последующие годы на клубной сцене с успехом шли комедии А. Н. Островского и Н. В. Гоголя, трагедии Ф. Шиллера, пьесы советских драматургов. Признанными артистами стали помощник мастера Александр Барматонов, аппаратчица Екатерина Лесина, контролер Раиса Лагутина, инвалид Великой Отечественной войны

Борис Маркелов, супруги Тумановы, мастер прядильного цеха Юрий Калиновский и многие другие. Большую заботу о коллективе фабричных артистов проявил режиссер профессионального театра В. Г. Кузнецов, перешедший на самодеятельную сцену.

В избирательную кампанию 1956 года рабочие фабрики выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР помощника мастера, потомственного суконодела Николая Алексеевича Каблова.



ОТ СТАНКОВ — ЗА ПАРТЫ

В селе Мулловке в течение двух веков не было школы. По сведениям губернского статистического комитета, Мулловская волость в числе 24 волостей по грамотности населения была на последнем месте не только в уезде, но и во всей Самарской губернии. По переписи 1884 года умеющих писать и читать во всей волости насчитывалось только 46 человек, или 2,42 процента к общему числу населения. На 1688 жителей села Мулловки грамотных было 30 мужчин и 1 женщина. Это были священнослужители, конторские работники, дети фабриканта Алеева и купца Маркова, местные лавочники, приезжие мастеровые[150].

В то время как после падения крепостного права в различных селениях Самарской губернии стали открываться низшие земские училища и церковноприходские школы, Мулловка с суконной фабрикой и винокуренным заводом по-прежнему оставалась медвежьим углом, куда не проникал светлый луч народного образования. Местные «благодетели» не хотели видеть народ грамотным. Вопрос о школе неоднократно поднимался на сельских сходах, но каждый раз он оставался неразрешенным.

— И охота вам мучить детей задачками да письменами? — говорили кулаки. — Наши отцы и деды века прожили без грамоты и то ничего... А нам и подавно грешить не положено...

Но время шло. И жизнь настоятельно требовала хотя бы в какой-то степени «рассеять народную тьму». И только в 1888 году, через 27 лет после отмены крепостного

права, в Мулловке была открыта первая церковноприходская школа. Помещения она не имела и ютилась в церковной сторожке. Поэтому в ней никогда не было более 20 учащихся.

Потребовалось одиннадцать лет, чтобы построить для школы особое здание. В виде исключительного благодеяния купец А. Г. Марков в 1899 году построил для школы деревянный дом. Этот «великодушный» шаг вызван пошатнувшимися делами промышленника. Частые неурожаи уменьшали поставку сырья для винокуренных заводов, подняли цены на картофель. В 1897 году на суконной фабрике произошла забастовка рабочих, одновременно обострились отношения Маркова с крестьянами. Нужно было вселить в народ дух смирения и рабскую покорность, и купец ухватился за такую возможность как строительство и попечительство о церковно-приходской школе.

Это в какой-то степени оправдывало себя. Преподавание детям закона божьего, ветхого завета и священной истории в качестве ведущих дисциплин, воскресные чтения религиозной литературы для родителей притупляли сознание, сковывали силы и волю людей.

Школа сразу же привлекла к себе большое число крестьянских детей. В 1900 году по приговору сельской общины в Мулловке открыта вторая церковноприходская школа. Однако отсутствие соответствующего помещения обрекало учителя и его учеников на постоянные скитания по частным домам[151]. В 1909 году в двух приходских школах обучалось 89 мальчиков и 44 девочки.

Бедность крестьян вынуждала с раннего возраста приучать детей к тяжелому физическому труду в поле или отдавать их на фабрику и винокуренный завод. Ежегодно в дни весенне-полевых работ родители отрывали учащихся от учебы и заставляли их кормить скот, пахать и боронить поля, нянчить малолетних детей. Поэтому число оканчивающих школу было ничтожно малым. В том же 1909 году из двух школ было выпущено со свидетельствами 12 мальчиков и 4 девочки[152].

Подавляющее большинство рабочих суконной фабрики было совершенно неграмотным. Неграмотного человека капиталисту легче обмануть, вытянуть из него жилы. Учет грамотности, проведенный после Великого

Октября, раскрыл ужасную картину: из 280 рабочих — 153 не умели писать и читать! [153]

Партия большевиков и Советское правительство приняли незамедлительные меры к ликвидации неграмотности. В первые же годы Советской власти созданы школы для взрослых, образованы пункты ликвидации безграмотности (ликбезы), введена чтецкая повинность, открыты новые и расширены существующие школы.

Огромные перемены произошли в Мулловке. Здесь в 1917 году открыты русская и татарская школы. Рабочее правление и фабком выделили в фабричном корпусе две классные комнаты, сшили учащимся шинели. Зимой 1919 года в русской школе занималось 63 учащихся, в татарской — 20, а в следующем году в обеих школах обучалось уже 100 мальчиков и девочек.

Неграмотные рабочие, взятые на особый учет, были также вовлечены в учебу. В суровые годы гражданской войны, в годы разрухи и голода, когда производству был дорог каждый час, необходим каждый человек, рабочих освобождали от работы и учили грамоте. На основании декрета «О всеобщей чтецкой повинности» сотрудников бухгалтерии обязывали разъяснять азбуку, читать неграмотным газеты, журналы, книги, будить и развивать в народе интерес к печатному слову.

В стране не работали карандашные фабрики, стояли бумажные комбинаты, а Симбирский губком профсоюза текстильщиков изыскивал средства, находил и снабжал суконные предприятия учебниками и письменными принадлежностями. Вот некоторые записи из большой переписки губкома по вопросу ликвидации неграмотности:

«25 ноября 1919 года мулловской фабрике через представителя Ерофеева для ликвидации неграмотности выдано:

Книг 58 экземпляров (по описи).

Тетрадей 25, перьев 20».

«26 апреля 1920 года. Фабкому мулловской фабрики для ликвидации неграмотности препровождено:

Букварей 50, карандашей одна дюжина».

«29 апреля 1920 года представителю фабкома выдано:

Букварей 80, бумаги в листах 80,

Карандашей 3 дюжины»[154].

Раскрепощалась женщина-мать. Летом 1919 года при

фабрике созданы детские ясли. В первый же год детская площадка приняла 60 детей дошкольного возраста. Матери получили возможность не только трудиться, но и посещать клуб, заниматься в ликбезе. Для женщин были созданы особые курсы под названием «Детский сад», которые явились прообразом народных университетов.

Женщина-мать училась. Ежедневно, после трудового дня, она брала букварь, тетради, карандаши и шла в школу. Занятия продолжались по два часа. Она изучала грамматику, арифметику, чтение. Слушала лекции о правах и обязанностях женщин, о материнстве, об уходе за детьми, об устройстве Вселенной.

Популярность «Детского сада» быстро росла. Если в январе 1920 года женские курсы посещали 35 работниц, то в апреле того же года — 50. Учителя местных школ муж и жена Туктаровы, Л. Попова, Лавров, Шевякова стали энтузиастами народного просвещения в фабричном поселке. Они занимались по общеобразовательным предметам, вели пропаганду за здоровый быт, разъясняли значение революционных преобразований в стране [155].

Ликвидация неграмотности и малограмотности стала главным в работе по подготовке квалифицированных кадров. Слушатели ликбезов и школ грамоты немедленно включались в техническую учебу. Молодых рабочих фабричный коллектив направляет в средние и высшие учебные заведения. В 1924 году по рекомендации фабкома в Ульяновский рабфак поступил рабочий Н. Ермощин. На учебу в Самару ехал Поляков, в Москву и Саранск— Титов и Симонов. О будущих специалистах проявляется трогательная забота. Рабочие постановили отчислять для рабфаковцев по полкопейке с билета в кино и обратить в пользу студентов выручку от платного концерта [156].

В предвоенные годы в Мулловке происходит бурный рост народного образования. Фабричная начальная школа была преобразована в школу второй ступени, а в 1939 году в ней открылся восьмой класс, положивший начало для создания средней школы. В селе продолжали работать две начальные школы. Жизнь потребовала одну из них перевести в семилетнюю, что и сделано в 1946 году.

Первый выпуск десятиклассников состоялся 21 июня 1941 года. А на другой день началась Великая Отечест-

венная война и выпускники школы вместо институтов уехали на фронт. Вместе со своими учениками на фронт уехали: преподаватель физики К. И. Милокумов, историк Н. И. Власов, литератор А. Е. Леонтьев, директор школы М. Н. Дементьев.

В неравной борьбе с гитлеровцами, смертью храбрых, пали бывшие ученики К. Карасев, А. Фролов, К. Рязанов, учитель Н. И. Власов.

После войны классные аудитории были расширены, средняя школа получила новое здание.

Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования явился важнейшим программным документом и встречен в Мулловке с горячим одобрением. В учебной программе появились новые интересные предметы: домоводство, токарное и слесарное дело, машиноведение. Улучшилось преподавание других дисциплин. Практические мероприятия вынесены из классных комнат к токарным и ткацким станкам, слесарным верстакам и прядильным машинам. С трепетным волнением ребята следят за работой машин, познают тайны мастерства. Традиционная связь учащихся с рабочими фабрики перешла в большую дружбу.

Текстильщики вдумчиво и последовательно передают школьникам свой опыт, воспитывают в детях любовь к профессии.

Дружба с ветеранами труда и производственная практика в цехах часто становятся главными факторами в выборе жизненных дорог выпускниками школы. Многие юноши и девушки после десятилетки идут работать на фабрику. Так поступили, например, Рая Александрова, Валя Тореева, Зина Забродина, Женя Елушев, Юрий Степанов и многие другие.

Решили стать мастерами текстильного производства Клара Маркелова и Геннадий Китов. После десятилетки они поступили на фабрику и теперь работают и учатся на заочном отделении Барышского техникума.

Работа на фабрике возбуждает интерес к специальности, рождает новые планы. Бывший выпускник средней школы Владимир Родионов в течение двух лет «пробовал себя» в электроотделе фабрики. А в 1960 году он поехал в высшее учебное заведение. Тамаре Гуськовой, как и многим ее подругам, нравилась фабрика. Она не

гнушалась никакой работы, соревновалась за звание ударника коммунистического труда. Примерно через год девушка поняла, что выполняемая работа не удовлетворяет ее.

— Хочется большего, — говорит она подругам, — но чего? Пока еще понять не могу...

Тамара думала, советовалась и решила... стать учительницей, отдать себя воспитанию нового поколения людей, поколения строителей коммунистического общества.

За последние пятнадцать лет с аттестатами зрелости ушли в большую жизнь 430 человек. Одни связали свою судьбу с судьбой суконной фабрики, другие разъехались по стране — стали инженерами, врачами, учителями, офицерами Советской Армии.

После войны в Мулловке открылась еще одна школа — вечерняя школа рабочей молодежи. Возникновение ее подсказано жизнью, практикой подготовки квалифицированных рабочих.

В суровые годы Великой Отечественной войны многие учащиеся были вынуждены оставить школу и заменить на производстве ушедших на фронт отцов и братьев. А когда отгремели бои, жизнь снова вошла в трудовую колею, рабочие изъявили желание учиться, расширять свои знания. В 1950 году была открыта вечерняя школа-семилетка, а на ее базе основана средняя школа рабочей молодежи.

Каждый день, когда над фабричным поселком опускаются сумерки и на улицах вспыхивают яркие электрические огни, в школе собирается молодежь. Впрочем, сразу же оговоримся, что это определение не совсем верно. Действительно, среди учащихся много молодых рабочих, юношей и девушек комсомольского возраста. Однако в классных аудиториях можно встретить и людей с убеленными сединой висками. Мы не раз встречали в школе уже немолодого слесаря теплоэлектроцентрали В. С. Павлушкина. У него дома семья. Дети учатся. Почувствовал Виктор Сергеевич недостаток знаний и сам пошел в школу и сел за учебники. Что ж, учиться никогда не поздно. Рассказывали в школе, что в учебе он соревнуется с сыном Володей. И дома нередко возникает такой разговор:

— Давай, папа, подведем итог, — предлагает сын. —

Посмотрим, кто кого обогнал. Показывай свой дневник.

— У меня нет дневника, — отвечает отец.

— А ты заведи, — И, подсчитав «пятерки» и «четверки», сын не без гордости заявляет: — А я снова впереди.

Что поделаешь! Юность обгоняет отцов. Но сдавать позиции не хочется, и Виктор Сергеевич, возвращаясь вечером из школы, включает настольную лампу и углубляется в чтение.

Прилежно учится в школе ткачиха Евдокия Бабушкина. Ее четкие и немногословные ответы, аккуратно выполненные домашние работы и хорошая успеваемость служат примером для других. У Дуси двое детей. Трудно бывает порой, но у молодой женщины впереди большая и ясная цель.

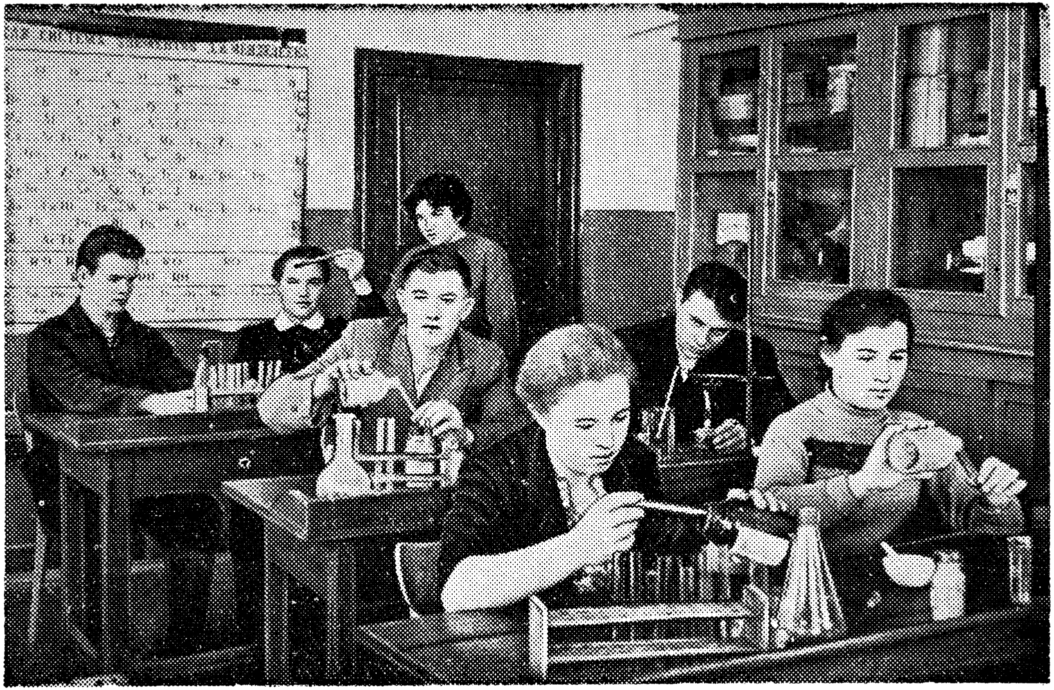
Успешно расширяет свои знания прядильщица Валентина Потепалова. У Вали ребенок. В домашних делах ей помогает муж — красильный мастер фабрики В. Потепалов. Вечером Валентина учится, а днем она учит других. Обучила Потепалова прядильному делу работницу Ново-Майнской ковровой фабрики Веру Тарасову и свою подругу Розу Зорову. Приобретают у нее профессиональные навыки многие ученицы средней школы. И делает это Валя с душой и большим желанием и умением.

Каменщик строительного отдела Иван Квиринг удачно сочетает учебу с высокопроизводительным трудом на строительстве. Занимаясь в восьмом классе, он экстерном сдал за девятый. Иван Квиринг — комсомолец, член бригады, борющейся за звание бригады коммунистического труда.

И таких много. Пройдет год, другой, и те, кто сегодня без отрыва от производства получает среднее образование, будут учиться в техникуме и институте. Учеба стала духовной потребностью людей.

В 1959 году закончили заочный Всесоюзный текстильный техникум ткацкий мастер И. Аитов и прядильный мастер Ю. Калиновский. В том же году в Мулловке открыли вечернее отделение Барышского текстильного техникума.

В бывшем особняке фабриканта, где когда-то по вечерам звучали дикие оргии пьяных компаний, царит торжественная тишина. Здесь после трудового дня рабочие



Молодежь фабрики повышает свои знания. На снимке: занятия по химии в 10 классе школы рабочей молодежи

повышают свои квалификации. Среди слушателей — помощник мастера прядильного производства Н. Ф. Паршин. На одном курсе, за одним столом учится родной брат Николая Федоровича — Геннадий, бригадир ремонтной бригады аппаратного цеха. Жена его, Полина — ткачиха. Оба они — ударники коммунистического труда, оба учатся. Геннадий изучает технологию текстильного производства, а жена — экономику легкой промышленности.

Рядом с Паршиными занимается прядильщица Валентина Аннина. Ей немногим более двадцати лет, а за плечами уже шесть лет трудового стажа и годы учебы в школе рабочей молодежи.

Учатся многие. Мастер лесопиления Николай Павлушкин, помощники мастеров ткацкого производства Вениамин Матвеев, Григорий Минаев, Валентин Андреев. Они сели за парты после длительного перерыва. Кое-кому даже не верилось: смогут ли продолжать учебу в техническом учебном заведении. За шесть-семь лет многое выветрилось из памяти. Преподаватели В. М. Сладкова, Е. Г. Харитонова ободрили рабочих, заставили поверить в свои силы. Без отрыва от производства закончили вечерний техникум помощник мастера Владимир Глазков, мастер по оборудованию Аркадий Шелестов, мастер электрохозяйства Геннадий Салин, аппаратчица теплоэлектроцентрали Валентина Фомина. У всех у них короткие, но интересные биографии. Трудовую жизнь они начали на фабрике с разнорабочих и учеников, учились на производстве и занимались в школе рабочей молодежи.

В одном классе занимались начальник отделочного производства А. П. Козлов и ворсовщица того же производства Тамара Голик. В аудитории не было различия между начальником и подчиненным.

На фабрике каждый второй учится. Будь то вечерняя школа, вечерний техникум, заочный институт или кружок конкретной экономики производства, важно то, что рабочие видят в систематическом повышении знаний путь к творческим дерзаниям, вдохновенным поискам, созидательному труду.

В 1961 году в Мулловке работало пять школ и 100 учителей. Около полутора тысяч детей охвачено всеобучем и 194 человека учится в школе рабочей молодежи. На 9000 жителей — 1650 учеников!



ЛЮДИ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Майским ранним утром 1959 года по тихим улицам Ульяновска совершал свой обычный рейс пассажирский автобус. Среди пассажиров в тот ранний час в автобусе находились инженер мулловской фабрики Лидия Самаркина и молодой человек в светло-серой кепке. Эта кепка и привлекла внимание девушки. Она очень внимательно изучала узорчатый рисунок ткани и была так занята, что не заметила, как проехала нужную остановку и очутилась на другом конце города.

И вот потом инженер работает карандашом. Но по мере того, как Л. Самаркина воспроизводила на листе виденный рисунок, она все больше разочаровывалась в композиции линий и ярко выраженном контрасте цветов. Уже не волнистое чередование линий, а сложное переплетение геометрических фигур сочеталось с мягкими тонами цветного орнамента. И только на десятом листе бумаги у Лиды проявился новый, совершенно не похожий на прежний и очень приятный для глаза рисунок. Этот рисунок и привезла Самаркина в Мулловку. Показала его сотрудникам лаборатории. Они одобрили.

— Хорошая будет ткань, — сказали девушке.

— Пробуй, — сказал главный инженер Г. И. Лабордин.

И инженер-дессинатор* с головой ушел в расчеты. Фабрика давно уже прекратила выпуск шинельного сукна. Освоили пальтовые драпы и бобрики. В напряженных

---

* Дессинатор — специалист по созданию новых тканей.

творческих поисках рождались новые ткани для демисезонной одежды.

Когда расчеты были закончены, произвели смеску шерсти, подготовили соответствующую пряжу, ткацким станкам дали программную настройку. Ткать «пробу» поручили Фаине Ахметовой, Раисе Мироновой и Галине Прокофьевой.

Фабричные «спецы», выдавшие на своем веку разнообразную продукцию, не раз приходили смотреть на новое суровье. Сквозь дробный перестук станков до слуха дессинатора доходили очень недоброжелательные отзывы. Ткань шла грубой расцветки, рисунок смещался.

— Где-то я недоглядела, что-то упустила... — говорила Самаркина главному инженеру.

— Подумай как следует и пробуй еще.

Было над чем призадуматься: сотканные куски суровья шли в брак. Сотни метров материи списывались в отходы производства.

И снова в фабричной лаборатории заработала «творческая кухня». Подсчитывали и чертили. Исписывали десятки листов бумаги. Предлагали один вариант за другим. Однако новую заправку ткачихи принимали без особого желания. В цех пришли члены партийного комитета. Долго объясняли работницам важность эксперимента.

— Вам доверено соткать красивую и легкую ткань для юношеских пальто. От вас зависит, как скоро советские люди получат прочную и дешевую материю.

— Наша молодежь хочет красиво одеваться. Она будет благодарна нам, если мы дадим ей такую ткань.

После этих бесед и ознакомления с новыми технологическими картами ткачихи дружнее взялись за дело. Они не только перевыполнили нормы, но и дали высокосортное суровье.

В цехах фабрики еще много дней продолжались настойчивые поиски средств отделки и облагораживания ткани, а когда образцы представили в Москву, то там пришли в восторг от них даже самые взыскательные ценители. Новую ткань включили в производственный план.

В августе 1960 года на фабрике образована дессинаторская группа изобретателей и конструкторов новых тканей. В помощь Л. А. Самаркиной выделены химик-технолог Р. А. Савинова и помощник мастера ткацкого

цеха Л. О. Аитова. Девушки готовили рисунки, искали пути цветового решения, совершенствовали манер сновки* и усложняли ткачество. Новые ткани выходили красивыми на вид и легкими на вес, а добавление в шерсть искусственных и синтетических заменителей сделали их прочными и дешевыми.

Вслед за «юношеской елкой» в цехах фабрики родились мягкие и нежные дамские ткани с поэтическими названиями «волжанка» и «весна».

Появление новых тканей, расширение ассортимента продукции, необыкновенный рост производительности труда начался в 1958 году, когда коллектив фабрики активно обсуждал наметки семилетнего плана развития своего предприятия. Этот вопрос горячо обсуждался на собраниях во всех отделах. У станков, машин и аппаратов рождались контрольные цифры, намечались рубежи семилетки. Сушильщица отделочного производства коммунист А. П. Фролова на собрании сказала:

— Мы разрабатываем план великих свершений. Семилетка — это преддверье коммунизма.

Все предложения и контрольные наметки рабочих смен и цехов стекались в плановый отдел. Здесь они группировались, подкреплялись данными бухгалтерии и отдела труда и занимали свои места в сводном плане. В проекте семилетнего плана развития фабрики намечено:

«К 1965 году ввести поточную линию в подготовительном производстве. Обеспыливание, чесание и смешивание волокна производить с наименьшими затратами человеческого труда.

Расширить прядильный и ткацкий цехи. Установить трехпрочесные чесальные аппараты, рассчитанные на более тонкое сырье. Увеличить количество аппаратов с 14 до 24, а количество веретен в прядильном производстве с 4320 до 6660.

Старое ткацкое оборудование заменить новым, более производительным. Количество станков увеличить с 140 до 200.

Построить новое здание отделочного производства на семь тысяч квадратных метров. Внедрить поточную ли-

---

* **Сновка** — наматывание основных нитей на ткацкий навой.

нию в процесс ворсовки*. Организовать непрерывную промойку суровья.

Подвести к фабрике железнодорожную ветку со станции Мелекесс.

Поднять производительность труда за семилетку на 48 процентов.

Довести производство тканей с двух до трех миллионов метров в год».

Таковы наметки коллектива текстильщиков на ближайшие семь лет. Заглядывая вперед, они главное внимание сосредоточили на повышении производительности труда, как решающего фактора развития социалистического производства, путем механизации трудоемких процессов и внедрения в производство новой техники. Решено расширить аппаратный, прядильный и ткацкий цехи за счет строительства новых зданий взамен тесных и низких помещений, возведенных еще в период крепостного права, вести работу по расширению и улучшению ассортимента выпускаемых товаров, интенсивно осваивать искусственные и синтетические заменители: лавсан, нитрон, капрон, вискозные волокна.

Контрольные цифры, намеченные текстильщиками, вошли в семилетний план развития народного хозяйства СССР.

* * *

Так уж повелось в Мулловке и у всего советского народа — все знаменательные события в жизни страны встречать славными делами, трудовыми подарками. Праздники Великого Октября, 1 Мая, День Конституции СССР принято отмечать выпуском сверхплановых тканей, снижением себестоимости продукции. Подготовка к торжествам обычно начинается задолго до праздников. Во всех цехах и отделах рабочие разрабатывают мероприятия, принимают обязательства, включаются в соревнование.

В начале декабря 1958 года на фабрике с небывалой силой загорелись огни соревнования в честь XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза. Сорев-

---

* Ворсование — процесс извлечения кончиков волокон на поверхность ткани. Благодаря ворсованию поверхность ткани делается пушистой, мягкой, что облагораживает внешний вид и делает ее менее теплопроводной.

нование бригад, цехов и коллективов ширилось, перерастая в новую форму всенародного движения — в борьбу за коммунистический труд.

В свое время на фабрике были ударные бригады, коллективы и коммуны. Они сыграли свою положительную роль в деле перевыполнения производственных планов. Теперь же в недрах социалистической фабрики рождалось новое патриотическое движение. Рабочие и работницы решили научиться жить и работать по-коммунистически. Нужно было найти правильные пути новому движению. Партийный комитет направил в цехи и отделы агитаторов и пропагандистов. Много собраний, задушевных бесед с рабочими провели секретарь парткома И. И. Кочетов, теплотехник Г. Ф. Демьянчук, ремонтный мастер В. А. Каштанов, бригадир А. В. Гасич, нормировщик Ольга Павлушкина. Сообща разрабатывали, обсуждали и принимали повышенные обязательства, отвечающие новому, важному течению соревнования.

Члены бригады ворсовщиков Михаила Мальцева в честь партийного съезда приняли обязательства:

1. Работать по принципу: «Один за всех, все за одного».

2. Выполнять производственные задания не менее чем на 110 процентов при отличном качестве.

3. Всем учиться, повышать свои политические и деловые знания.

4. Каждый член бригады будет вести себя на производстве, в общественных местах и быту по-коммунистически.

Обязательства требовали от ворсовщиц повышать общеобразовательный уровень, и девушки учились. Шура Топталина, Клава Губанова, Зоя Яшихина, Нина Косихина, Рая Матвеева стали изучать в кружке конкретную экономику производства, а Тамара Голик поступила на вечернее отделение заочного текстильного техникума.

К XXI съезду КПСС бригада М. Мальцева пришла с перевыполнением социалистических обязательств. Производственный план она выполнила на 150 процентов, выпустила сверх плана десятки тысяч метров шерстяных тканей.

Однако победителями соревнования оказались токари комсомольско-молодежной бригады Юрия Данило-

ва, выполнившие нормы выработки на 186,6 процента, сдав все изготовленные детали первым сортом.

24 марта 1959 года фабрику облетела радостная весть: Мелекесский городской комитет ВЛКСМ присвоил бригаде Юрия Данилова почетное звание бригады коммунистического труда. За первой ласточкой появилась вторая. В канун первомайских торжеств высокое звание получили ворсовщики из отделочного производства.

Движение за коммунистический труд ширилось и скоро охватило на фабрике все основные цехи. В коллективе все больше появлялось ростков нового. В начале сентября прядильщица Галина Салтыкова вместе с подругами принесла в цех около полтысячи томов книг. Часть книг Галина расставила в шкафу, а остальные разложила на столе в центральном проходе. Положила на стол журнал выдачи. Девушку мигом окружили работницы.

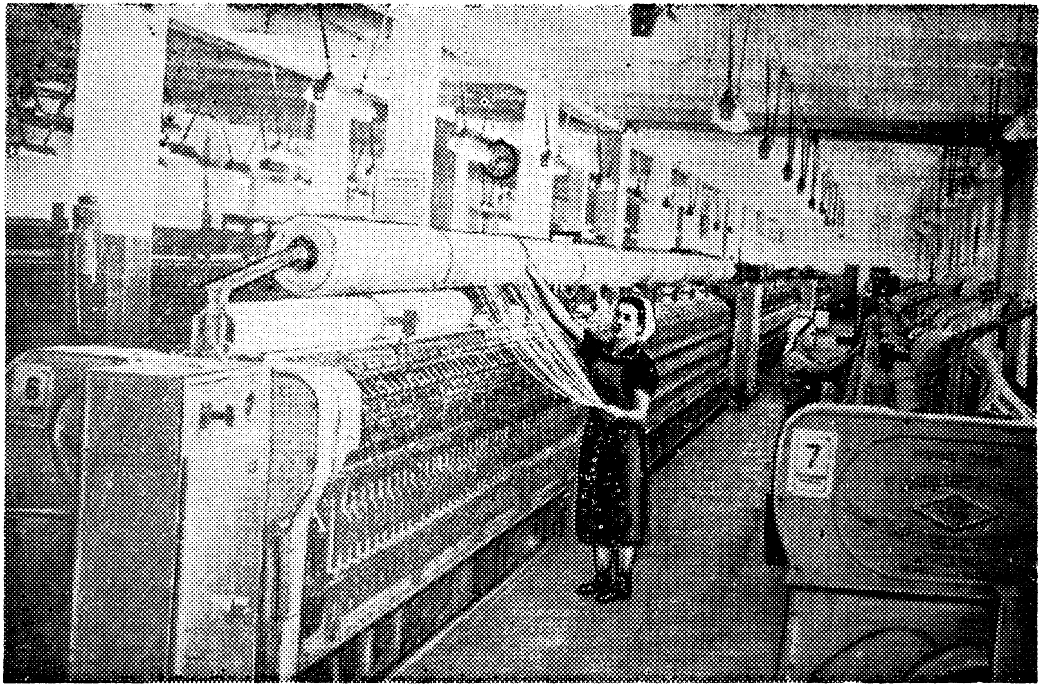
— Это что за новость?

— Открытая цеховая библиотека. Выбирайте что понравится.

Подходили прядильщицы, слесари-ремонтники, внимательно просматривали заголовки книг и записывали себя в регистрационном журнале. Конечно, можно обойтись и без такой формальности. Но скупые записи всегда могут рассказать об интересах и духовном мире читателя. Прядильщицу Тамару Иноземцеву увлекает романтика отношений между молодыми людьми. Интересы слесарей Владимира Каштанова и Николая Баранова во многом совпадают. Они читают произведения советских писателей о войне.

Примеру Галины Салтыковой последовали многие Открытые цеховые библиотеки создали аппаратчики, отделочники, ткачихи. Книги стали верными друзьями и помощниками людей самых различных специальностей. Читатели сами совершенствуют библиотечное дело. Библиотека отделочного производства организовала своеобразное «бюро заказов», а добровольные библиотекари аккуратно выполняют запросы многочисленных книголюбов.

Коллектив аппаратчиков, соревнующийся за коммунистический труд, начал получать заработную плату без кассира. Лежат на столе деньги, лежит ведомость. Рабо-



В цехе по подготовке пряжи установлены новые кольцепрядильные машины непрерывного действия

чие подходят, отсчитывают положенную сумму и расписываются в получении.

— А зачем мы будем обременять кассира и толкаться в очереди? — рассудили прядильщицы и тоже организовали выдачу зарплаты без кассира.

Стоило зародиться хорошему началу в одном цехе или бригаде, как оно быстро распространялось по другим участкам фабрики. Бригада А. Барматонова однажды организованно посетила спектакль Мелекесского драматического театра. Этому мероприятию быстро нашлись последователи. Коллективы других цехов фабрики начали выезжать на экскурсии для знакомства с работой родственных предприятий, практиковать культпоходы в музеи, концертные залы, кино. Каждый член бригады, борющейся за звание ударника коммунистического труда, считает своим долгом посетить Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске, осмотреть памятные места, связанные с юностью великого вождя.

В 1959 году фабрика осваивала производство новых тканей, внедряла новую технику. В отделочном производстве решили полностью отказаться от дорогих (даже очень дорогих!) растительных ворсовальных шишек и перейти на ворсовку тканей отечественными машинами, оборудованными металлической кардолентой. Но на первых порах машины выпускали брак. После ворсовки ткани теряли прочность, на поверхности появлялись краевые разнооттеночные полосы.

Началось тщательное изучение оптимального режима и сложных динамических условий работы агрегатов. Много часов провели у новых машин директор фабрики В. Н. Висящев, главный инженер Г. И. Лабордин, начальник отделочного производства А. П. Козлов, мастер С. И. Гусев, слесарь И. А. Белоногов и другие. Советовались, высчитывали, вносили предложения. С. И. Гусев и А. П. Козлов пришли к мысли изменить тип кардоворсальной ленты, затем решили сократить скорость вращения главного барабана путем замены электродвигателя. Слесарь Белоногов сконструировал фрикционные кольца, заменив металлические обода прорезиненными ремнями.

Все эти предложения улучшили работу машин. В отделочном производстве полностью была ликвидирована разнооттеночность тканей, изменился внешний вид и повысилась их крепость, а за счет снижения скоростного

режима получена экономия электроэнергии. Однако производительность машин не понизилась. Сокращенные обороты вращения главного барабана позволили сшивать концы кусков на ходу и тем избежать излишние простой.

Освоение отечественных ворсовальных машин, работающих валиками с игольчатой поверхностью, освободило фабрику от громадных затрат на приобретение растительных ворсовальных шишек, обеспечило высокую производительность труда по отделке тканей, высвободило значительные производственные площади и повысило культуру производства.

Изменили технологический процесс отделки тканей. Теперь ткань после валки, промывки и сушки, минуя процесс крашения, подвергается ворсованию и стрижке. Этим достигнуто необходимое разрыхление структуры ткани, что способствует равномерному и глубокому прокрашиванию ее и эффективному удалению остатков костры. После крашения и сушки ткань снова обрабатывается ворсовальными и стригальными машинами.

Геннадий Галядин и Александр Козлов сконструировали замыловочную барку с применением кольцевой отжимки для пропитывания суровой ткани специально приготовленным раствором. И. Белоногов, В. Юдин, А. Лизунов внесли изменение в конструкцию стригальных машин.

На фабрике работает постоянно действующее производственное совещание. В нем активно участвуют 123 передовых рабочих, инженерно-технических работников, членов фабричного комитета, представителей администрации, цеховых комитетов, парткома и комсомольской организации. На его заседаниях решаются важнейшие вопросы. Так, в 1959 году совещание обсудило условия перехода фабрики на семичасовой рабочий день, использования нового оборудования. введения поточных линий повышения качества выпускаемой продукции.

При подготовке вопроса о повышении производительности труда в ноябре 1959 года комиссиями производственного совещания собрано 43 предложения, а по улучшению качества продукции — 84. Только рабочие отделочного производства внесли на рассмотрение совещания 62 предложения.

В первый же год семилетки на фабрике начались большие реконструктивные работы. Перестраивались цехи,

старое оборудование заменялось новым, более совершенным. В августе того же года в подготовительном отделе установили смесовую машину отечественного производства, подъемник для транспортировки сырья и ленточный сушильный агрегат. Только введение в действие смесовой машины подняло производительность труда рабочих подготовительного отдела на 41 процент. Машинная смеска улучшила качество ровницы и высвободила десять работниц на другие операции. А как изменилась гигиена труда! Тяжелая работа по смешиванию замасленной шерсти и волокна выполняется теперь механическими руками в закрытых резервуарах*. Изменился процесс крашения волокна. Чаны и ручное перемешивание уступили место красильным баркам с механическими приводами. Механизмы заменили труд людей на загрузке, разгрузке и транспортировке сырья по цеху.

Преобразился прядильный цех. Сельфакторы — громоздкие и неудобные машины — заменены высокопроизводительными кольцепрядильными и прядильными машинами непрерывного действия. Исчез скрип и хлопанье ремней многочисленных трансмиссий, нет теперь и самих трансмиссий, заслонявших стены и потолки. Новые компактные машины заполнили корпус натужным звоном своеобразной музыки работающих веретен.

В семилетнем плане развития фабрики предусмотрено увеличить количество ткацких станков до 200. Это увеличение не означает, что к имеющимся 140 агрегатам прибавится еще таких же 60 станков. Нет! Сейчас в нашей стране выпускаются многочелночные, почти универсальные ткацкие станки с частотой боя 95 ударов в минуту. Это вместо имеющихся станков на фабрике с 56 ударами. 56 и 95! Громадный скачок от старого к новому.

На мулловской фабрике новое ткацкое оборудование уже нашло широкое применение в производстве рисунчатых тканей. В просторном цехе в два ряда стоят станки. Четко перестукиваются гребенки и челноки, красиво работают ткачихи. Идет ровная широкая ткань.

В цехах устанавливаются подъемные механизмы, шахтные подъемники, вводятся подвесные дороги, электро-

---

* В 1961 году в подготовительном цехе установлена вторая смесовая машина.



Прядильщицы В. П. Сухорукова и В. С. Лучкина всегда перевыполняют сменные нормы выработки при отличном качестве пряжи

кары. На строительстве жилых и производственных зданий применяется башенный кран, создан бетонный узел, рабочие столярной мастерской обеспечены электрическим инструментом.

Большие работы ведутся по охране труда и технике безопасности. В подготовительном, сукновальном и отделочном цехах установлены мощные отсосные вентиляторы и мешочные фильтры.

На фабрике всюду моторы. Они с помощью электричества приводят в движение красильные барки, подъемники, чесальные аппараты, ткацкие станки, трепальные и прядильные машины, транспортеры, механизмы загрузки и шуровки топок теплоэлектроцентрали. Все возрастающее значение электроэнергии в жизни фабрики видно из таблицы:

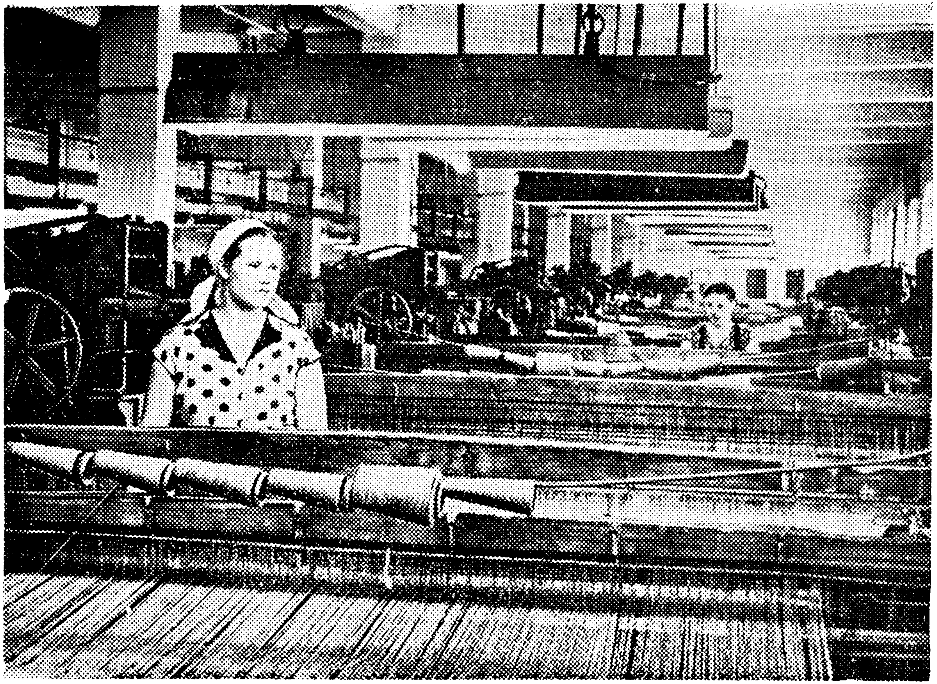
Выработка и расход электроэнергии на мулловской фабрике с 1913 по 1960 год

Наименование	Единица измерения	1913 г.	1951 г.	1956 г.	1960 г.
Выработка электроэнергии	т. квт-ч	48,4	3817	4886	7004
Количество электромоторов	ед.	—	90	111	370
Расход электроэнергии на 1 рабочего	квт-ч	141	2926	3581	4321
Расход электроэнергии на 1 метр продукции	квт-ч	0,3026	2,68	2,91	3,44

Из таблицы видно, что расход электроэнергии на одного рабочего в 1960 году был в 31 раз больше, чем в 1913 году, а на метр вырабатываемой продукции — в 11,4 раза. Производство валовой продукции за тот же период возросло в 13 раз.

С марта 1959 года фабрика стала частично получать электроэнергию от Волжской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. С 1963 года она полностью перейдет на потребление дешевой электроэнергии от волжского энергетического гиганта.

Партийный комитет фабрики на решающие участки всегда направляет коммунистов — активных производственников, на своих собраниях обсуждают животрепещущие вопросы работы цехов и отделов. Коммунисты



За годы семилетки ткацкий цех преобразился до неузнаваемости

поднимают творческую активность масс, вовлекают в борьбу за новое отношение к труду широкие круги рабочих и работниц. В декабре 1958 года в соревновании за коммунистический труд участвовало немногим более 200 человек, а к концу 1961 года их уже насчитывалось свыше двух тысяч. Высокое и почетное звание бригад коммунистического труда завоевали коллективы, возглавляемые членами КПСС А. Барматоновым, Н. Паршиным, Е. Ваксман, Н. Кабловым, К. Кочетковой и многими другими. Принцип «каждый за всех, все за одного» нашел свое яркое воплощение в товарищеской взаимопомощи. Помогая отстающим, распространяя опыт лучших, коллективы добивались общего подъема.

В живом деле, в новом отношении к труду растут и мужают люди — передовики, новаторы производства, - которых Н. С. Хрущев образно назвал «маяками». В ткацком цехе «маяком» называют ткачиху Зою Евдокимову. Проста ее биография. Она рано лишилась отца, рано познала труд. В годы войны участвовала в соревновании комсомольско-молодежных коллективов, возглавляла ударную фронтовую бригаду. Где-то застряло ее семейное счастье. Но одиночество не согнуло женщину. Зоя полностью отдалась работе. Изучала, совершенствовала мастерство, делилась опытом с товарками. Со стороны кажется, что в работе Евдокимовой нет ничего выдающегося. Она не спешит, не торопится. Но у Зои все движения рассчитаны и определены до секунды. И выработка ее намного перекрывает нормы.

Готовясь к встрече XXII съезда КПСС, Зоя Евдокимова взяла обязательство — в течение девяти месяцев соткать сверх плана 1020 метров суровья. Беспартийная работница пришла к съезду с перевыполнением обязательств: 17 октября 1961 года она рапортовала о выработке 1700 метров суровья сверх девятимесячного задания.

Ткацкий цех богат маяками. Рядом с Евдокимовой трудятся мастера высокой производительности, ударницы коммунистического труда Е. С. Горшкова, П. Паршина, А. Давыдова, Г. Морозова.

На фабрике говорят: «Сегодня рубеж новатора, завтра рубеж коллектива». Этажом ниже, в прядильном цехе, маяком служит целая смена. Ею руководит вдумчивый мастер Александр Ефимович Казанцев. В смене 45 пря-



Лучшая ткачиха фабрики Зоя Евдокимова

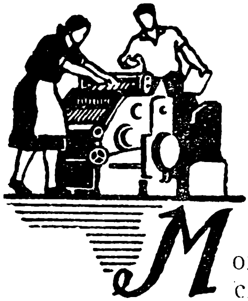
дильщиц и все 45 учатся. Тоня Канина, Нина Козлова и Валя Овчинникова посещают школу рабочей молодежи, а помощник мастера Н. Паршин занимается в вечернем текстильном техникуме. Остальные работницы изучают конкретную экономику промышленности в сети политического просвещения.

Этой смене присвоено почетное звание «смена коммунистического труда». 11 200 килограммов пряжи сверх плана — с таким подарком пришел коллектив к партийному съезду. Смена Казанцева занесена в областную книгу трудовых подарков, посвященных XXII съезду КПСС.

В отделочном производстве завершается процесс выпуска тканей. Это цех облагораживания товара. С высокой ответственностью за качество трудится весь коллектив. На разных этапах обработки сукноделы бдительно следят за работой машин и агрегатов. Добросовестно относится к делу карбонизатор П. К. Баранов. Он в совершенстве изучил установку и без помощи приборов определяет степень обработки товара. Старательно работают стригальщица Е. Н. Гришина и сушильщица А. П. Фролова.

Не перечесть смелых новаторов производства и рационализаторов, ударников труда и пропагандистов передовых методов. Ударные коммунистические бригады являются кузницей подготовки руководящих кадров. Из среды рабочих вырастают мастера, начальники смен, руководители производства[157].

Дела и помыслы людей фабрики направлены на досрочное выполнение плана, на выпуск изобилия доброкачественных тканей, достойных нашего великого народа.



НИКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

Может случиться, что история никольского филиала станет в свое время историей большого комбината или фабрики, а пока он — всего лишь экспериментальный цех Мулловской суконной фабрики, который производит новую продукцию — искусственный мех.

Новый цех начал свою жизнь первого мая 1959 года. В этот день в здании ткацкого корпуса раздался веселый и частый перестук механических станков. А подготовка к пуску этого цеха началась значительно раньше.

13 ноября 1958 года группа строителей пришла к мастерским реорганизованной машинно-тракторной станции и приступила к ремонту помещений. В Москву на учебу послали восемь рабочих.

Искусственный мех был новой продукцией не только для мулловской фабрики. Текстильная промышленность страны в ту пору еще не выпускала мех из шерстяной пряжи, и помощники мастеров Петр Коршунов, Александр Козлов, Александр Фокин изучали на Щербаковском швейно-ткацком комбинате технологию производства плюша. Конечно, это не мех, но товар, родственный ему. Никольские девушки Мария Вертенова, Нина Дьяконова, Вера Рябчикова, Пана Верхова и Елена Полякова там же постигали ткацкое мастерство.

В феврале 1959 года приступили к монтажу оборудования. Каково же было удивление девушек, когда они увидели, что станки совершенно не похожи на московские, на которых учились ткать плюшевое суровье. Оборудование для никольского цеха прислали в подарок

рабочие Германской Демократической Республики. Пришлось начинать учебу сначала. Сами изучали станки и учили подруг — будущих ткачих цеха.

Первые дни не принесли радостей. Ткали по... двадцати сантиметров в смену. Работницы ходили усталые и недовольные. Рвались нити, вылетали челноки, ломались механизмы.

Много хлопот появилось у помощников мастеров. Они перебегали от станка к станку. Не замечали пересмен. С утра и до вечера занимались наладкой и ремонтом. Рабочий день заканчивался, а они не уходили из цеха, склонялись над станками и терялись в догадках. Александр Фокин первый заметил серьезное упущение в конструкции станка. Он предложил сделать добавочные амортизаторы челноков, чем предотвратил дальнейшие поломки погонялок.

Ломались крючья для подвески ремизок. Ткачихи останавливали станки и звали слесарей. Делать крючья стало повседневной работой наладчиков. Слесарь Юрий Коршунов решил избавить товарищей от этих надоевших дел. Он смастерил небольшую, но хитроумную машинку для прокатки проволоки. Он сделал крючки, которые выдерживали любую нагрузку, и обеспечил ими в достаточном количестве все станки.

Дело понемногу налаживалось. Через месяц-другой выработка ткачих уже исчислялась метрами. Но продукция выпускалась с махровыми краями, нередко — брак. Две работницы с ножницами выравнивали кромку. Свои же умельцы сконструировали приспособления, которые повысили качество продукции.

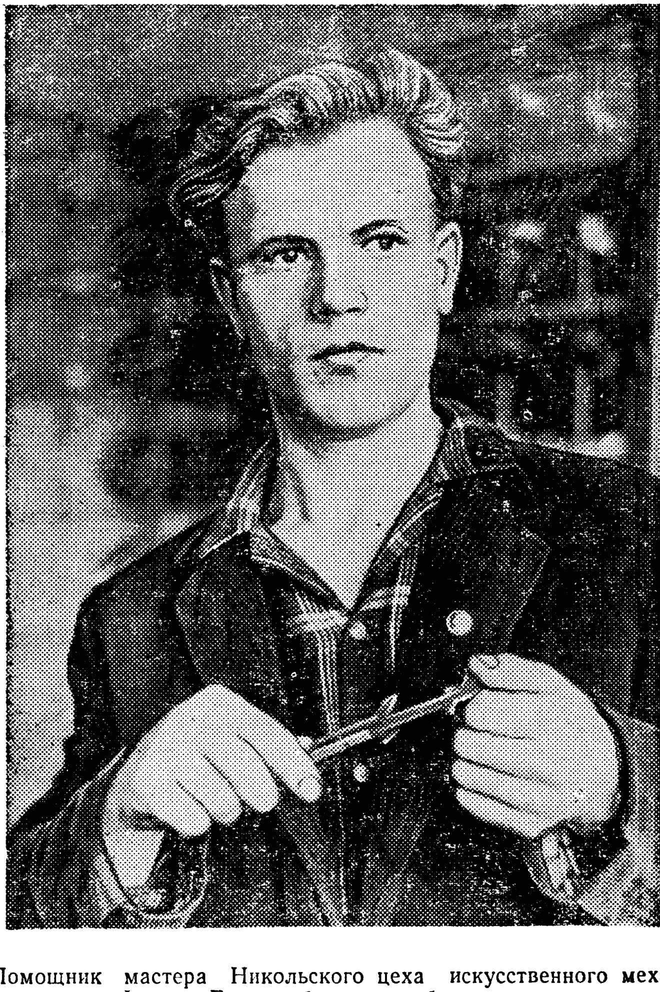
Станки стучали дружнее. Мех шел сотнями метров. Но потребители не брали его.

— Такой мех стыдно предлагать потребителю, — признавалась заведующая производством Л. В. Синяжникова. — Брак производим.

Мех получался непрочный. Ворс* слабо держался в переплетении. Ворсинка выдерживала вес всего лишь 52 грамма, тогда как эталоны китайского меха имели крепость втрое большую.

---

* Ворс — слой извлеченных в результате ворсования кончиков волокон, покрывающих поверхность тканей, подстриженный с определенной высотой в зависимости от вида и назначения ткани.



Помощник мастера Никольского цеха искусственного меха Александр Фокин. Его изобретения облегчили труд ткачей и повысили качество продукции

В цехе шли напряженные поиски нового переплетения. Для экспериментов выделили особый станок. Люди днями занимались составлением новых технологических карт, заменой эксцентриков, ниток основы и утка.

Поиски продолжались долго. В апреле 1961 года у лабораторных весов раздался радостный возглас: «Эврика!» Тысячи лет назад это слово произнес греческий физик Архимед, открывший закон о действии жидкости на тело, погруженное в нее. В новом переплетении ворс выдерживал невиданную весовую нагрузку — 200 граммов! Выход найден. Прочный закреп достигнут путем применения старинного полотняного ткачества с пропуском ворсовальной нити между двумя коренными нитями основы. В дальнейших лабораторных исследованиях ворс выдерживал нагрузку, вдвое превышающую эталон.

Слово «эврика» все чаще стали произносить в цехе. Механик Виктор Абрамов нашел способ использования мятого пара для отепления корпуса. Слесари Ю. Ростов и А. Иванов соорудили оригинальное устройство сушилки. Токарь Салдаев прослыл мастером по реставрации всевозможных деталей. Группа слесарей сама делала навои* и другое недостающее оборудование. Пытливые умы конструировали, изобретали, искали и находили.

Слава о никольских умельцах вскоре вышла за пределы фабрики и Ульяновского совнархоза. С доброжелательным отзывом утверждены первые в СССР образцы искусственных мехов для дамских и детских пальто. Заказы на теплые, красивые и дешевые меха стали поступать со всех концов великой страны. Искусственные меха никольского цеха полюбили в Ленинграде, Архангельске, Таллине, Сыктывкаре, Риге, Киеве, Харькове, Кишиневе, Андижане, Уфе. Велик список адресов, куда отгружается продукция нового цеха Мулловской суконной фабрики.

Коллектив цеха соревнуется за коммунистический труд. Ткачихи Валя Емелина, Тамара Прохорова, Галина Репина, Антонина Быкова дают в смену по 18—20 метров при норме 12. Девушки говорят: это не предел. Мария Веретенова не раз ткала за смену по 22 метра — сразу на целых семь дамских пальто!

---

* Навой — катушка определенных размеров. Служит для размещения нитей основы на ткацком станке.

Много энтузиастов и на других участках цеха. В отделочном производстве за высокие показатели соревнуются бригады Ю. Ростова и А. Иванова. Для каждого ткача основной задачей является выпуск первосортной продукции. А чтобы выполнять ее, необходимо учиться, в совершенстве владеть техникой. И девушки учатся, овладевают смежными профессиями. Инна Мухина не только хорошая ворсовщица, но и отличная ткачиха. Антонина Турутина в совершенстве изучила ткацкое оборудование и стригальную машину, а Александра Белова может работать ворсовщицей, ткачихой и управлять сушильным агрегатом.

Растущие потребности советских людей на красивые изделия являются основой для дальнейшего расширения производства никольского филиала, который постепенно превратится в крупное предприятие.



ВЗГЛЯД В ЗАВТРА

Тот, кто хотя бы раз побывал в Мулловке, не мог остаться равнодушным к живописнейшему простору, богатой красками картине, окружающей фабрику и рабочий поселок. Все здесь удивительно красиво — каскад зеркальных, спокойных прудов, ажурный лес, несравненная голубизна неба.

Хорошо в Мулловке летом, когда солнце заливает горячими лучами веселую поросль прибрежных кустов и белые здания суконной фабрики.

Хорошо здесь осенью, когда сентябрь тронет желтизной кудрявый наряд величавых берез и воздух наполнится какой-то прозрачной и здоровой свежестью. В это время редко кого удержишь около дома. Наступает грибная пора (а урожаи здесь всегда обильны), и люди после смен идут, торопятся в лес.

А когда подует сиверко, когда сосны покроются снежными полушалками и закованные льдом водоемы застелются ослепительно белым покрывалом, взору откроется чудная картина русской зимы.

Теплый апрельский ветер быстро сгоняет с полей снег. В воздухе пахнет талой землей. Наступает весна, веселая, шумная и ласковая. Лес оглашается звонкими песнями птиц и хлопотливым гамом грачей. Появляется желтоватая зелень, оживают подснежники и незабудки. Весна!.. И как она прекрасна, как великолепна бывает в заволжской стороне, в поселке мулловских текстильщиков!

Каждый новый день начинается с густого и протяжно-

го гудка. Звуки гудка невозможно передать словами. В них слышатся призывный зов и какая-то особенная, спокойная уверенность. Гудок гудит ровно и долго, будя далекие окрестности, лесную глухомань.

Заполняются улицы народом. Спешат на фабрику текстильщики. Дела у них идут хорошо. Предприятие перевыполняет производственный план. Продукция фабрики пользуется у потребителей большим спросом.

В январе 1961 года фабрика участвовала на Общесоюзной выставке текстильных товаров, представив для обозрения 92 вида разных по цвету и рисунку шерстяных тканей и меланжевых одеял. Ткани мулловских умельцев привлекли к себе внимание экскурсантов выставки. Взыскательные посетители, знатоки сукна внимательно рассматривали образцы тканей и одеял. Многие посетители свои впечатления оставляли в книге отзывов.

Ткань «волжанка» мулловской фабрики изящна, красива, дешева, радует глаз.

Просьба — выпускать ее как можно больше.

Инженер Бедяева,
Евдокимова, Воронина.

г. Москва.

Больше всего на выставке понравилась детская ткань «клетка», производства мулловской фабрики.

Учительница школы № 192 Сулаева.

Мы восхищены «елкой юношеской»!

З. Вольнова, В. Молчанов,
инженеры.

г. Москва.

Десятки восторженных отзывов оставили о тканях фабрики москвичи, ленинградцы, рижане [158].

Отраслевая комиссия Госплана СССР в своем решении отметила:

1. Все выпускаемые мулловской фабрикой ткани пользуются хорошим спросом потребителей.

2. Принять и включить в план новую ткань «весна», получившую оценку «отлично».

3. Дать отличную оценку новым плановым тканям для детских изделий.

4. Дать отличную оценку работе фабрики по расширению и обновлению ассортимента[159].

В сктябре 1961 года в Москве состоялся XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, принявший величественную программу построения коммунизма. Партия поставила задачу: обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма. «Главная экономическая задача партии и советского народа, — говорится в Программе КПСС, — состоит в том, чтсбы в течение двух десятилетий создать **материально-техническую базу коммунизма»**[160].

С трибуны XXII съезда Ленинская партия торжественно провозгласила: **нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!**

Рабочие фабрики с огромным вниманием следили за работой съезда, изучали его материалы. В цехах, красных уголках, на стыке смен возникали оживленные беседы, собрания, митинги. Словами безграничной любви и преданности партии были проникнуты выступления текстильщиков, которые Программу КПСС называли манифестом эпохи, программой нарсдного счастья.

Жизнь в рабочем поселке бьет ключом. В квартирах — телевизоры, радио, газеты, книги, журналы. Число телевизионных антенн над крышами домов увеличивается с каждым днем. В быт семьи прочно вошли хозяйственные электроприборы, освободившие женщину-мать от излишних забот.

Самые широкие возможности открыты для общественнсй деятельнссти. При фабричном комитете действуют добрсвольные сбщества и организации: женский совет, совет пенсионерсв, Всероссийское общество изобретателей и рацисналнзаторсв, научно-техническое общество, народная дружина, товарищеский суд.

Для любителей спорта имеется стадион, каток, созданы секции легкой атлетики, любителей рыбной ловли и охоты, футбольная, волейбольная, хоккейная команды. На живописном берегу Черемшанского залива фабрика построила дачу, ставшую однодневным домом отдыха для рабочих — любителей рыбной ловли и охоты.

Работает клуб. На сцене и в многочисленных кабинетах совершенствуют исполнительское мастерство любители театрального искусства.

А какой будет Мулловка через 10—20 лет? Как будет перестраиваться в поселке жизнь? Эти вопросы волнуют рабочих фабрики. С ними они идут в партийный комитет, в фабком, библиотеку, где завязываются оживленные беседы, споры, диспуты о недалеком времени, о жизни, богатой возможностями, яркой и достойной человека.

Широкими темпами на предприятии ведутся строительные работы. В фабричном корпусе отстроена рабочая столовая, оборудуется гардероб для работающих в аппаратном и прядильном цехах. Снесены остатки строений крепостного времени, а на их месте возводится трехэтажный соединительный корпус для ведущих производственных цехов.

В юго-западном районе рабочего поселка воздвигнут новый универмаг, рядом выросли кирпичные здания больницы. В том же районе строятся новые жилые дома, целая улица новых домов.

К концу семилетки жилой фонд увеличится вдвое, а через 10—20 лет каждая семья будет иметь благоустроенную квартиру с центральным отоплением и газом. В эпоху коммунизма все возможно. Уже в первом десятилетии дешевое топливо из Второго Баку почти одновременно получат трудящиеся Мелекесса, Мулловки и Ульяновска.

Каждая семья получит не только квартиру, но будет ею пользоваться бесплатно. Бесплатно будут пользоваться услугами парикмахерских, водой, электроэнергией, коммунальным транспортом.

Фабрика приступила к строительству средней школы на 600 мест. Она будет иметь светлые, просторные классы, лаборатории, кабинеты, мастерские, спортивный зал. Уже в недалеком будущем учащиеся будут получать в школе бесплатные завтраки, исчезнет необходимость покупать учебники, тетради, форменную одежду. Государство все расходы примет на себя. Откроются поистине необъятные возможности для учебы.

А какие изменения произойдут на фабрике?

В самые ближайшие годы мощность предприятия возрастет в два раза. В цехи войдут поточные линии, автоматические устройства, новые, еще более производительные станки и машины.

Улучшится культура самого производства, повысится жизненный уровень рабочих. В той же столовой со вре-

менем рабочие станут получать бесплатные обеды, а продолжительность рабочего дня будет еще сокращена. Будут создаваться благоприятные условия для культурно-технического роста человека, для его духовного развития, расцвета способностей и талантов.

В будущем семилетии в Мулловке построят Дворец культуры. Сотни людей заполнят его репетиционные залы, учебные комнаты, студии. На большой сцене наряду с драматическими спектаклями пойдут оперы, музыкальные комедии, большие эстрадные представления народного театра.

Изменится облик и внутреннее содержание будущего рабочего. Это будет высокоидейный, технически грамотный и кристальночестный труженик, девизом которого станет принцип: **«Каждый — обществу, общество — каждому».**

Текстильщики мулловской фабрики продолжают большую историю. Внимательно всматриваясь в завтрашний день и воплощая мечты в повседневных делах, они приближают время, когда солнце коммунизма зальет своим светом необъятные просторы нашей великой Родины.

ДИАГРАММА

роста производства Мулловской суконной фабрики с 1785 по 1960 г.

Годы	Ткацкие станки		Число рабочих	Выпуск тканей в тыс. метрах	Средняя годовая выработка в метрах на	
	ручные	механические			ткацкий станок	одного рабочего
1785—92	6	—	56	1,9	312	33,4
1828	16	—	191	8,41	526	44
1860	90	—	925	61,73	710	69
1897	190	10	666	180,0	900	234
1913	—	89	343	181,8	2043	530
1930	—	90	635	1006,2	11180	1585
1941	—	100	858	1058,5	10585	1234
1945	—	100	867	789,4	7894	910,5
1950	—	114	1173	1212,0	10632	1033
1960	—	154	1621	2033,2	13203	1254

Источниками для составления диаграммы послужили: Ведомости Мануфактур-коллегии (ЦГАДА, ф. 277, оп. 1, д. 103) ; «Журнал Мануфактур и торговли» за 1831 г. № 7, стр. 57—58; «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. III, СПБ. 1867 г.; Перечень фабрик и заводов из книги «Фабрично-заводская промышленность России», СПБ. 1897 г.; Документация Самарского губернского статистического бюро (ГАКО, ф. 76, оп. 1, д. 215); Материалы краевого треста грубых сукон (ГАКО, ф. 1093, оп. 1, д. 113); Отчетная документация фабрики за разные годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В Центральном государственном архиве Древних Актов СССР в Москве (в дальнейшем ЦГАДА) были изучены фонды Мануфактур-коллегии, Государственного архива, разрядного приказа, Экономических примечаний и генерального межевания, канцелярии поселения Казанской и Оренбургской губерний, Симбирской провинциальной канцелярии, переписные книги и ревизские сказки.

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИАЛ) использованы документы фондов департамента мануфактур и внутренней торговли, Министерства внутренних дел, Главного правления мануфактур, департамента окладов, податей и сборов, Комитета снабжения войск сукнами.

В Государственном архиве Куйбышевской области (в дальнейшем ГАКО) при подготовке настоящей работы документы извлечены из фондов канцелярии Самарского гражданского губернатора, губернского по крестьянским делам присутствия, жандармского управления, казенной палаты, статистического комитета, фабричного инспектора, Самарского окружного суда, Ставропольского уездного суда, духовной консистории, а также краевого треста грубых сукон и профсоюза текстильщиков.

Кроме того, использованы документы Центрального Военно-Исторического архива СССР, Центрального государственного архива РСФСР (фонд Главного управления шерстяной промышленности Народного Комиссариата легкой промышленности), Государственного архива Ульяновской области (фонды треста «Ульяновск-сукно» и губернского комитета профсоюза текстильщиков).

[2] Меншиков Александр Данилович (1673—1729 гг.) — видный русский государственный деятель и выдающийся полководец, ближайший сподвижник Петра I, генералиссимус русской армии. В 1727 году во время царствования Петра II за злоупотребление властью и казнокрадство Меншиков был арестован и сослан в г. Березов с лишением чинов и конфискацией имущества. См. М. М. Богословский «Петр I». Материалы для биографии, т. I—IV. 1940—1948 гг. А. Толстой «Петр I», роман. М., 1950.

[3] Древние болгары — народность, жившая в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. С X до половины XV века существовало феодальное государство. Вблизи Мулловки, на территории нынешнего Мелекесского района сохранилось много памятников древней Болгарии.

[4] Батый, Тимур, Тохтамыш — ханы государства монголо-татарских

завоевателей. Все они в свое время совершали опустошительные походы вдоль берегов реки Черемшан.

[5] Подробнее см. в книге Г. Перетяткович «Поволжье в XVII и начале XVIII века». Одесса. 1882.

[6] История основания села Старой Бесовки подробно, хотя с сомнительной достоверностью, описана церковным летописцем Ф. Березинским. Отрывки из этой летописи перепечатаны в газете «Правда», орган ЦК ВКП (б), в целевой полосе от 13 октября 1933 года и в газетах «Большевистская правда» — орган политотдела Якушкинской МТС за 1934 год. О Малыкле, Якушке, Лебяжьем (Лебяжье озеро) — см. в «Ревизских сказках». ЦГАДА, ф. 350, кн. 4264.

[7] Точная дата основания села не установлена. Возникновение его можно отнести к последней четверти XVII века.

С двойным названием село Мулловка упоминается в самых ранних документах: перепись жителей по первой ревизии 1719 года, Карта земель около города Ерыклинска (1717 г.) и др. (Хранятся в ЦГАДА). Во второй половине XIX столетия Самарская губернская управа сочла нужным из наименования села упразднить слово Рождественское. Это решение, по-видимому, вызвано желанием устранить возникшую путаницу. К тому времени в одном Ставропольском уезде значилось около десятка селений, имеющих одноименные придатки: Рождественская Мулловка, Рождественская Майна, Рождественская Бесовка, Рождественская Кондаковка и т. д.

[8] В Среднем Поволжье А. Д. Меншикову принадлежали села Мулловка, Никольское-на-Черемшане, Грязнуха, Городище, Новодевичье, Усолье, деревни Золотаревка, Красный Яр и другие. ЦГАДА, ф. 350, д. 1161. Дело содержит «Ревизские сказки помещиковых и монастырских крестьян Казанского уезда Ногайской дороги Закамской стороны». На листах 648—675 — первая поименная перепись жителей упомянутых выше селений с указанием их владельца по состоянию на 1719 год.

[9] См. исторический очерк Ставропольского уезда в книге «Сборник статистических сведений Самарской губернии», т. II, Москва, 1884 г.

Сосновский винокуренный завод был расположен на левом берегу реки. На карте «Земли около города Ерыклинска» (1717 г.), выполненной А. Извековым два помещения этого завода обозначены на правом берегу реки. ЦГАДА, ф. 192, Симбирская губерния, д. 3; в описи строений этих заводов указывается на наличие амбаров и овинов. Возможно, что в них и начинала свою историю Мулловская мануфактура. Опись строений в ЦГАДА, ф. 273, д. 409, лл. 10—14.

Полное Собрание Законов Российской империи, т. XV.

[10] Карта земель около города Ерыклинска (1717 г.), ЦГАДА. ф. 192, Симбирская губерния, д. 3.

[11] В этом же числе «возвращенные из бегов от попа села Жадеевки Данилы Михеева» помещичьи крестьяне Абрам Ильин, 50 лет, и сын его Федот, 18 лет, дети беглого крестьянина Алексея Остафьева — Кирилл и Петр, «вышедшие из полону» Владимир Иванов, 50 лет, и Петр Алексеев, 40 лет, которые «за житием в полону в прежнюю перепись не написаны». ЦГАДА, ф. 350, д. 1172, лл. 65—80.

[12] Дивиер Антон Мануйлович (1682—1745 гг.) — сын португальского еврея, генерал-аншеф, сподвижник Петра I, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга. В 1727 году князь Меншиков, воспользовав-

шись кончиной Екатерины I, обвинил Дивиера в заговоре против царской особы, добился ареста и ссылки его в Якутию. Находясь в ссылке, Дивиер основал штурманскую школу, участвовал в подготовке охотской экспедиции Беринга. В 1743 году возвращен из ссылки и восстановлен в звании.

[13] Характеризуя действия повстанцев в этом районе, один из усмирителей крестьянской войны генерал-майор Фрейман писал в Военную коллегию: «Подле самого пригорода Ерыклинска и окружных деревнях за шестьдесят верст от Симбирска: ездят многие по пятидесяти человек, партии ж разоряют помещичьи деревни, рогатый скот и лошадей отгоняют к Ставрополю и, для наведения страха, описывают также квартиры и приказывают заготовлять провиант и фураж... А крестьяне не токмо им не противятся, но еще сами помогают грабить помещичьи дворы...»

Центрархив «Пугачевщина», М.—Л., 1931, том III, стр. 13.

Владелец имения П. А. Дивиер (сын Антона Мануйловича) скончался в 1773 году. Есть основания полагать, что смерть застала его в Мулловке. В деле № 1187, лл. 219—258 имеются указания на жительство П. А. Дивиера в Мулловской вотчине. ЦГАДА, ф. 350.

[14] ЦГАДА, ф. 350, д. 1187, лл. 195—215.

[15] ЦГАДА, ф. 286, д. 776, л. 528. Там же, ф. 1355. Экономические примечания Генерального межевания по Ставропольскому уезду, лл. 176—177.

[16] ЦГАДА, ф. 1355, Экономич. примечания Генерального межевания по Ставропольскому уезду, лл. 117—118.

[17] Дата основания фабрики — 1785 год — установлена по ведомостям вотчинной конторы, поданным самарскому губернатору и Департаменту мануфактур и внутренней торговли.. ГАКО, ф. 3, оп. 78, д. 27, лл. 47—48.

Кандидат исторических наук И. С. Ромашин в своей диссертации «Возникновение и развитие суконной промышленности в Симбирской губернии (1754—1880 гг.)» (не опубликована) и в ряде других работ высказывает предположение, что Мулловская суконная фабрика основана в 1766 году княгиней Трубецкой. При этом автор ссылается на таблицу, помещенную в книге Иоганна Германа «Статистическое описание России»* (Лейпциг, 1794 г., на немецком яз.). По документам Государственной Мануфактур-коллегии значится, что в 1766 году Трубецкие основали свою фабрику не в Ставропольском округе, как писал Иоганн Герман, а в Старооскольском (ЦГАДА, ф. 277, оп. 1, д. 103, л. 624).

[18] ЦГАДА, ф. Государственный Архив, разряд XIX, д. 384, ч. II, лл. 26—27, 41—42.

[19] ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 598, лл. 1—2.

[20] ЦГАДА, ф. 277, оп. 1, д. 103. Протоколы Мануфактур-коллегии, лл. 233—238. Эта фабрика сожжена 24 июля 1774 года пугачевцами. Там же, ф. 277, оп. 3, д. 218, л. 15 об. И. С. Ромашин, ссылаясь на И. Германа, дату основания фабрики Левашева относит к 1754 году. См. И. С. Ромашин, «Кризис вотчинной мануфактуры и развитие капитализма в суконной промышленности Симбирской губернии (1754—1880 гг.)». Ученые записки Ульяновского педагогического института имени И. Н. Ульянова. Ульяновск, 1957, т. 10, вып. 4.

[21] Проф. К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промыш-

ленности в дореволюционной России (шерстяная промышленность). Изд. Академии наук СССР. М., 1955 год.

22 ЦГАДА, ф. Государственный Архив, разряд XIX, д. 384, ч. II, л. 102.

23 Полный свод законов Российской империи, т. 20, ст. 14275, п. II, ст. 14904; т. 22, ст. 16187, п. II.

24 ЦГАДА, ф. 277, оп. 1, д. 127, лл. 42—45.

25 ЦГАДА, ф. 277, оп. 3, д. 637, л. 9.

26 ЦГАДА, ф. 277, оп. 16, д. 7, лл. 158—159.

27 Центральный Военно-Исторический архив СССР (в дальнейшем ЦГВИА), ф. ВУА, д. 19023, л. 34. Фабрика С. Г. Мельгунова в Мулловке упоминается как действующее заведение в Экономических примечаниях и материалах Генерального межевания по Ставропольскому уезду Симбирской губернии. ЦГАДА, ф. 1355, д. 4, лл. 176—177.

28 ЦГИАЛ, ф. 17, оп. 1, д. 81, лл. 1—10.

29 ЦГИАЛ, ф. 1304, оп. 1, дд. 198—204. Сведения о боевых действиях Симбирского народного ополчения содержатся и в фондах ЦГВИА, ф. ВУА, дд. 4057, 4113.

30 Ведомость о Мануфактурах в России за 1812—1814 гг. СПБ, 1814—1816 гг., стр. 27. Цитировано по И. С. Ромашину «Кризис вотчинной мануфактуры и развитие капитализма в суконной промышленности Симбирской губернии» (1754—1880 гг.), стр. 11.

31 В Центральном государственном Историческом архиве в Ленинграде сохранилось любопытное дело, доказывающее пренебрежительное отношение владельца мулловской мануфактуры к ее производственной деятельности. Весной 1818 года через Ставропольский земский суд С. Г. Мельгунов объявил о невозможности выполнить поставку запроданного в казну сукна, мотивируя остановку фабрики эпидемией тифозной горячки. Симбирскому губернатору доводы владельца фабрики показались сомнительными и он направил в Мулловку «благонадежнейшего чиновника врачебной управы», который нашел в селе тифозных 13 человек, да и те не все с суконной фабрики, а многие из них работали на винокуренном и конном заводах. В объявлении Мельгунова губернатор увидел «затаенный подлог для уклонения» от поставок в комиссариатскую комиссию армейских сукон. ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 3, д. 486, лл. 1—3.

32 ЦГИАЛ, ф. 1420, оп. 1, д. 1951, лл. 3—7.

33 Журнал Мануфактур и торговли. СПБ, 1831, № 7, стр. 57—58.

34 ЦГИАЛ, ф. 1420, оп. 1, д. 1951, лл. 4—7.

35 С течением времени местные жители подыскали более легкое произношение этого слова и в настоящее время называют деревню Менгулевкою.

36 В Мулловке до сих пор проживают потомки выменянных на собак крестьян Пригонновых и Талызиных. Факт купли и перевода их в Мулловку прослеживается по документам Самарской губернской казенной палаты. ГАКО, ф. 150, д. 41, лл. 1403—1407.

37 Писатель В. А. Соллогуб рассказывает о Д. С. Кроткове: «От беспрерывного своего возбуждения спиртными напитками барин мог спать только урывками, беспрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидели дураки и дуры с обязанностью шуметь, ссориться и драться между собой, тут же сидел и кучер с арапником. Как только от усталости и дремоты шум утихал, кучер должен был

«поощрять» задремавших арапником, — гвалт начинается снова, и барин опять засыпал».

В. А. Соллогуб, «Воспоминания», изд. «Академия». 1931, стр. 237.

Дураки для П. С. Мельгунова были собраны Кротковым из разных поместий. Известны имена переписанных по дарственной записи дворовых: Ивана Филиппова, Якова Сергеева, Николая Яковлева. Запись по тогдашним временам велась без фамилий, а по-домашнему их звали Ваньками, Яшками, Кольками. ГАКО, ф. 150, оп. 1, д. 41, лл. 1404, 1405.

[38] ГАКО, ф. 150, оп. 1, д. 106, л. 1406.

[39] Там же, л. 1472.

[40] Факт продажи девушек до сих пор бытует в воспоминаниях старожилов Мулловки. Пенсионер Ф. Ф. Шурыгин рассказывает о продаже дедовой сестры Акулины «черному некрасивому уроду в Таганий Рог».

Сведения о продаже молодых крестьянок в Таганрог сохранились в ревизских сказках по Мулловке. ГАКО, ф. 150, оп. 1, д. 106 лл. 1491, 1502.

[41] ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 7, д. 169, лл. 155—156.

[42] ГАКО, ф. 155, оп. 1, д. 255, лл. 1—4.

По-видимому, в память о кончине Елизаветы Мельгуновой фабрику долгое время называли Елизаветинской.

[43] ГАКО, ф. 150, оп. 1, д. 106, лл. 1409—1434.

[44] ГАКО, ф. 189, оп. 1, д. 250.

[45] ГАКО, ф. 150, оп. 1, д. 106, лл. 1404—1502.

[46] Там же, л. 1454.

[47] «Сказания о роде князей Трубецких». М., 1891, стр. 293—300.

[48] И. С. Ромашин. Очерки экономики Симбирской губернии XVII—XIX веков. Ульяновск, 1961, стр. 50.

[49] ГАКО, ф. 189, оп. 1, д. 227, л. 7.

[50] А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М., 1955 стр. 65. Цитировано по И. С. Ромашину «Кризис вотчинной мануфактуры...», стр. 17.

[51] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18994, л. 129.

[52] ГАКО, ф. 3, оп. 78, д. 27, лл. 47—48.

[53] «Русская старина» — литературно-художественный и общественно-политический журнал, 1904, т II, стр. 306—307.

[54] В «Приложениях к трудам редакционных комиссий» число дворовых умышленно уменьшено до 60 человек. ГАКО, ф. 155, оп. 1, д. 255, лл. 1—8.

[55] «Русская старина», 1904, т. II, стр. 305.

[56] Там же.

[57] ГАКО, ф. 155, оп. 1, д. 255. В «Приложениях к трудам редакционных комиссий» число дворовых умышленно уменьшено до 60 человек, лл. 1—8.

[58] В отчете вотчинной конторы за 1850 год (ГАКО, ф. 155, оп. 1, д. 255, лл. 1—40) даются сведения о выдаче ткачам и машинным пряхам «месячины» — натуральной платы мукой за сверхурочную барщину, а также денежной доплаты дворовым и фабричным людям на обувь, белье, теплую зимнюю одежду. Всего выдано 1500 рублей 70 копеек. Точную сумму, выданную каждому работнику, определить не представляется возможным, так как в отчете указан общий

расход на дворовых и фабричных людей, управляющего имением и священнослужителей.

По данным клировых ведомостей (ГАКО, ф. 32, оп. 16, л. 1, л. 1—90), положенное помещицей Мельгуновой жалованье на содержание причта выражалось следующими цифрами: священнику в год — 300 рублей ассигнациями, хлеба разного 20 четвертей (160 пудов), дьякону — 100 рублей деньгами и 13 четвертей (104 пуда) хлебом, дьячку и пономарю — по 25 рублей деньгами и по 9 четвертей хлебом.

Таким образом, львиная доля расхода денежных сумм вотчинной конторы падала на священнослужителей и управляющего имением.

[59] Из донесения земского исправника начальнику губернии. ГАКО, ф. 3, оп. 117, д. 28, лл. 56—59.

[60] И. С. Ромашин. «Кризис вотчинной мануфактуры...», стр. 35.

[61] Географически-статистический словарь Российской империи. Составил П. Семенов, Т. 3, СПБ, 1867, стр. 356.

[62] Там же.

[63] ГАКО, ф. 3, оп. 76, д. 6, лл. 28—31.

[64] ГАКО, ф. 150, оп. 3, д. 39, лл. 48—292.

В своих записках В. К. Луцкий ошибочно указал большее количество отпущенных по увольнительным свидетельствам дворовых людей княгини Трубецкой. См. «Русская старина», 1904, т. III, стр. 569.

[65] По «Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» высший душевой надел в Ставропольском уезде составил 4 десятины, низший — $1^1/_3$ десятины. «Положения», СПБ, 1861, стр. 94.

[66] ГАКО, ф. 174, д. 2002.

[67] В. И. Ленин. Соч. Изд. IV, т. 17, стр. 65—94—95.

[68] «Русская старина», 1904, т. III, стр. 568.

[69] ГАКО, ф. 174, д. 2002.

[70] ГАКО, ф. 155, оп. 3, дд. 5416, 5587.

[71] Князь И. П. Трубецкой умер в Москве в 1887 году. Княгиню поместили в приют для престарелых и бедных дворян, где и отжила остаток своих дней. У Трубецких оставалось два сына: Алексей и Иван. Судьба их неизвестна.

«Сказания о роде князей Трубецких». М., 1891, стр. 300.

[72] Удельное ведомство ведало имуществом и имениями, приписанными царской фамилии. Мулловское имение Трубецких окончательно отошло уделу в 1874 году. ГАКО, ф. 43, оп. 5, д. 35, лл. 1—82.

[73] Там же и ГАКО, ф. 3, оп. 187, д. 1, лл. 2—7.

[74] В 1861 году городищенская фабрика была оснащена 60 ткацкими станками, 14 чесальными аппаратами. В год она производила около 40 тысяч аршин сукна. Примерно таким же оборудованием располагала никольская фабрика. ГАКО, ф. 3, оп. 76, д. 6.

Полагают, что уничтожению обеих фабрик в немалой степени содействовал арендатор мулловской фабрики Х. Алеев. В Городищах спущен пруд, а в Никольском — случился пожар.

[75] И. С. Ромашин. «Кризис вотчинной мануфактуры...», стр. 46—64. А. Ивлиев. «Игнатовская суконная фабрика». Ульяновск, 1954, стр. 13.

[76] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПБ. 1897. стр. 97—98.

[77] История КПСС. М., 1959, стр. 10.
[78] ГАКО, ф. 174, д. 1025, л. 97.
[79] Историко-статистический обзор промышленности России. Т. II, вып. 1, СПБ, 1883, стр. 171.
[80] Там же. Стр. 170—171.
[81] Там же. Стр. 94.
[82] Фабрично-заводская промышленность России. Стр. 97—98.
[83] ГАКО, ф. 150, оп. 4, дд. 8, 9, 28.
[84] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. II. М., 1884, стр. 168—169.
[85] ГАКО, ф. 174, д. 1025, л. 97.
[86] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Стр. 50—51.
[87] Получив межевые карты мулловских земель, Марков обнаружил в них допущенную при составлении уставной грамоты ошибку. Оказалось, что крестьянам деревни Менгулевки князь «забыл» выделить душевые наделы. Купец потребовал выселения жителей, а так как они не соглашались, то стал притеснять их всевозможными штрафами и другими мерами. Менгулевские крестьяне двенадцать лет хлопотали в губернских учреждениях о своей земле и, по выражению старожила села В. С. Баранова, «лишились даже собственных кур». В конце концов не устояли против «власти денег» и переселились в Мулловку.
[88] В. И. Ленин. Соч. Изд. IV, т. 3, стр. 458—459.
[89] ГАКО, ф. 174, оп. 1, д. 1025, л. 97.
[90] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. II, М., 1884, стр. 48—49.
[91] Мелекесский горзагс. Метрические книги по Мулловке за 1891—92 гг. Любопытно отметить, что вновь родившихся в селе за те же два года было 324 человека. Следовательно, смертность даже превысила рождаемость.
[92] ГАКО, ф. 3, оп. 233, д. 116.
[93] ГАКО, ф. 468, оп. 1, д. 594.
[94] Газета «Волжское слово», № 8 от 10 января 1908 года. Изд. в г. Самаре.
[95] Газета «Голос Самары», № 42 от 20 февраля 1908 года. Изд. в г. Самаре.
[96] ГАКО, ф. 76, оп. 1, д. 215, лл. 1—10.
[97] ГАКО, ф. 823, оп. 1, д. 1, л. 10.
[98] ГАКО, ф. 150, оп. 4, д. 758, лл. 4—5.
[99] ГАКО, ф. 224, оп. 1, д. 148, лл. 13—24.
[100] Газета «Волжское слово», 1914 г., № 2048.
[101] ГАКО, ф. 150, оп. 4, д. 758, лл. 4—5.
[102] ГАКО, ф. 76, оп. 1, д. 215, л. 17.
[103] Очерки истории Профессионального Союза текстильщиков. Ульяновск. 1926, стр. 1—25.
[104] Государственный архив Ульяновской области (в дальнейшем ГАУО), ф. 249, оп. 1, д. 4, л. 5.
[105] Из протокола общего собрания членов Союза рабочих текстильщиков Мулловской суконной фабрики от 22 октября 1917 года. ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 4, л. 6.
[106] Документ этот сохранился. Он представляет собою машинописный текст резолюции, предложенной меньшевиками первоначально на Измайловской фабрике Шатрова. На нем поставлены две резо-

люции. Первая из них гласит: «Отвергнута, как неприемлемая», а вторая просто: «Не прошла». ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 13, л. 15б.

[107] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 13, л. 3.

[108] Там же, лл. 11, 22.

[109] ГАКО, ф 76, оп. 1, д. 215, лл. 1—10.

[110] Брат И. Бахтеева — Зариф, не желая сдавать государству свою фабрику в Линевке Симбирского уезда, сжег ее. Приехав в Мулловку, с помощью меньшевиков, засевших в Мелекесском уездном совнархозе, он пытался проникнуть в состав рабочего правления, но был изгнан. Газета «Знамя коммунизма» — орган Мелекесского уездного комитета РКП(б) и уездного исполнительного комитета, № 11 от 6 февраля 1919 г., № 12 от 9 февраля 1919 года, № 14 от 20 февраля 1919 года.

[111] Увоз конторских книг и документации фабрики отмечен актом инспектора Самарского губернского статистического бюро Горина. ГАКО, ф. 76, оп. 1, д. 215, д. 1.

[112] Механические станки по числу ударов делились на две группы. В одной — с боем 56 ударов в минуту — 52 станка, в другой — с боем 50 ударов — 37. ГАУО, ф. 86, оп. 14, д. 18, лл. 6—10.

[113] ГАКО, ф. 76, оп. 1, д. 215, лл. 1—25.

[114] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 13, л. 72.

[115] ГАКО, ф. 76, оп. 1, д. 215, лл. 1—25.

[116] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 13, лл. 80 а, 81.

[117] Газета «Знамя коммунизма» — орган Мелекесского уездного комитета РКП(б) и уездного исполнительного комитета. № 12 от 9 февраля 1919 года, № 15 от 28 февраля 1919 года, № 15 от 18 февраля 1919 года.

[118] Та же газета № 14 от 20 февраля 1919 года.

[119] ГАУО, ф. 249, оп. 5, д. 8. л. 19.

[120] ГАКО, ф. 261, оп. 1, д. 1313, л. 118.

[121] Там же, лл. 125—140.

[122] ГАКО, ф. 34, оп. 1, д. 44, л. 7.

[123] Газета «Коммуна», № 787, от 3 августа 1921 года — орган Самарского губкома РКП(б) и Самарского губисполкома.

[124] В. И. Ленин. Соч. Изд. IV, т. 32, стр. 477.

[125] Газета «Коммуна», № 789, от 5 августа 1921 года.

[126] Газета «Рабоче-крестьянская правда» — орган Мелекесского уездного комитета РКП(б) и уездного исполкома за 1924 год.

[127] ГАУО, ф. 249, оп. 3, д. 149, лл. 6, 12, 15.

[128] Там же, лл. 6, 31.

[129] В ведение губфабкома переданы профсоюзные организации Самарской ватной и канатной фабрик и закрытой суконной фабрики в Мулловке.

ГАКО. ф. 822, оп. 1, д. 4, лл. 1—57.

[130] ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 3, лл. 1—25.

[131] ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 19, л. 30.

[132] ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 4, л. 23.

[133] ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 4, л. 94.

[134] ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 4, лл. 44 об.

[135] ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 142, лл. 9—10.

В числе закрытых предприятий в Ульяновской области оказались Базарно-Сызганская и Самайкинская суконные фабрики.

[136] 15 августа 1926 года самарская газета «Коммуна» № 185 под заголовком «Зашумела новая фабрика» поместила экстренное сооб-

щение своего корреспондента. Жирным шрифтом на второй странице было напечатано: «13 августа в с. Мулловке Мелекесского уезда пущена в ход бездействовавшая несколько лет крупнейшая в губернии... Мулловская суконная фабрика. На фабрике занято более 400 рабочих».

137 ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 142, лл. 102—123.

138 Там же, лл. 76—78.

139 Там же, д. 82.

140 ГАКО, ф. 823, оп. 1, д. 1, л. 113.

141 В. И. Ленин. Соч. Изд. IV, т. 26, стр. 369—370.

142 Газета «Голос текстильщика» — орган Наркомата легкой промышленности, г. Москва, № 81 от 8 агреля 1930 г.

143 ГАКО, ф. 823, оп. 1, д. 28, л. 244.

144 ГАКО, ф. 1093, оп. 1, д. 113, л. 56.

145 ГАКО, ф. 823, оп. 1, д. 20.

146 Центральный Государственный архив РСФСР (в дальнейшем ЦГА РСФСР), ф. 9, оп. 1, д. 92.

За плохую работу мулловская фабрика не раз подвергалась резкой критике на совещаниях актива шерстяной промышленности, проводимых в Москве. Случай, когда в адрес мулловских текстильщиков бросали упреки из зала, имел место на совещании 28—29 июня 1939 года. Там же, д. 243, 244.

147 ЦГА РСФСР, ф. 9, оп. 1, д. 92, лл. 15, 34—35.

148 ГАКО, ф. 1093, оп. 1, д. 2208, лл. 8—26.

149 ЦГА РСФСР, ф. 9, оп. 1, д. 145, л. 24.

150 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. II М., 1884, стр. 48—49.

151 ГАКО, ф. 32, оп. 18, д. 188, лл. 98—99.

152 Там же.

153 ГАУО, ф. 249, оп. 5, д. 11, лл. 80—134.

154 Там же, лл. 1—80.

155 Там же, д. 8, лл. 20—55.

156 ГАКО, ф. 822, оп. 1, д. 4, л. 53; Там же, д. 142, л. 84.

157 В период подготовки рукописи прядильный мастер Ю. Ф. Калиновский избран секретарем партийного комитета, бывший комсорг фабрики П. Ф. Ягноков назначен заместителем директора.

158 Из отзывов посетителей общесоюзной выставки текстильных товаров, проведенной в 1961 году. Копии.

159 Решение отраслевой рабочей комиссии по просмотру шерстяных тканей и изделий, проведенному совместно с представителями торгующих организаций и швейной промышленности в Центральном выставочном зале г. Москвы. Январь—март 1961 г. Утверждено Госпланом СССР 5 мая 1961 г.

160 Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. IV, т. 3.

Хрущев Н. С. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. М., Госполитиздат, 1961 г.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961 г.

История КПСС. Госполитиздат. 1962 г.

Пажитнов К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России (шерстяная промышленность). Изд. Академии наук СССР, М., 1955 г.

Гусев В. Е., Руденко И. Е. Шерстяная промышленность СССР и основные пути ее развития. Гизлегпром, 1959 г.

Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. Госполитиздат, 1947 г.

Ромашин И. С. Кризис вотчинной мануфактуры и развитие капитализма в суконной промышленности Симбирской губернии (1754—1880 гг.). Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова, т. 10, вып. 4, Ульяновск, 1957 г.

Ромашин И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII—XIX вв. Ульяновск, 1961 г.

Николаев. Суконная промышленность в России. (Исторический очерк). СПБ., 1900 г.

Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПБ., 1862 г., т. I.

Историко-статистический обзор промышленности России, т. II, вып. I, СПБ, 1883 г.

Тихомиров Н. Технология шерстяного производства. М., 1891 г.

Журнал Мануфактур и торговли, СПБ, 1831 г., № 7.

Сборник статистических сведений по Самарской губернии, т. II, М., 1884 г.

«Русская старина» — журнал. 1904 г., тт. 2—3.

Наякшин К. Я. Очерки истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955 г.

Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области. Ульяновск., 1948 г.

Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882 г.

Сказания о роде князей Трубецких. М. 1891 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Сергеевич СУДАРЕВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Редактор Н. И. Еремин
Художник А. И Титовский
Худож. редактор В. П. Козлов
Технич. редактор Я. М. Хахам
Корректоры А Н. Амелина,
Г. П. Татаринова

*

Сдано в набор 16/XI 1962 г.
Подписано к печати 15/II 1963 г.
Формат бумаги 84×108/32.
Объем: печ. л. 4,75 (усл. печ. л. 8,72);
уч.-изд. л. 7,56.
ЗМ00417. Тир. 6000 экз. Зак. № 8103.
Цена 45 коп.

*

Ульяновское книжное издательство,
г. Ульяновск, ул. Труда, 7.

Типография облуправления культуры,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

45 коп.